

Индекс П8643

4
2020

РОССИЯ XXI 2020 4

РОССИЯ XXI

4.2020 июль-август

Европейские параллели

Алексей Синдеев

Истоки европейской безопасности:
внешнеполитическая стратегия ФРГ
и Московский договор 1970 г. _____ **6**

Россия в мире

Михаил Ковалев

«За укрепление мира и дружбы»:
архивные материалы о международной деятельности
академика А.М.Румянцева (окончание) _____ **24**

Сергей Матвеев

«Он не старался стричь наше историческое прошлое под
гребенку предвзятых схем...»
Научное наследие Б.А.Евреинова в контексте развития
российской исторической науки _____ **46**

Страницы истории

Любовь Мельникова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.
в восприятии полковых
священников _____ 70

Андрей Иванов

Правый лагерь Российской империи:
дискуссионные вопросы современной
историографии _____ 102

Ярлыки и мифы

Ольга Заиченко

Немецкое и русское кино в изгнании.
Часть I. Унесенные ветром _____ 128

Актуальный архив

Нина Хайлова

«Если общество перестало верить
и в начальство, и в революцию, то ...
оно обязано верить хотя бы в себя»:
либералы-центристы
в 1907–1914 гг. _____ 154

Contents in English look at the page 192

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

За безопасность необходимо
платить, а за ее отсутствие –
расплачиваться.

Уинстон Черчилль

Если желаешь, чтобы мир
изменился, – сам стань этим
изменением.

Махатма Ганди

Алексей Синдеев

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ
СТРАТЕГИЯ ФРГ
И МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР
1970 г.**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
341.24

Автор анализирует внешнеполитическую стратегию ФРГ в конце 1960 – начале 1970-х гг. и Московский договор 1970 г. в контексте построения современной системы европейской безопасности. Основные результаты исследования можно свести к пяти выводам: «новая восточная политика» представляет собой не самостоятельный, а производный феномен реализации внешнеполитической стратегии Федеративной Республики Германия; данная стратегия, просуществовавшая до объединения страны, вела к созданию восточноевропейского плацдарма западного влияния; руководство СССР, считая объединение Германии «недостижимым», по-иному оценивало сложившиеся к тому времени реалии; конфронтационная среда в международных отношениях предоставляет больше шансов на успех малым и средним странам; иерархичность заставляет великие державы учитывать в региональной составляющей системы безопасности двухуровненность сотрудничества и соответствующие ей балансы.

The author analyzes the foreign policy strategy of Germany in the late 1960 – early 1970's and the Moscow Treaty of 1970 in the context of building a modern European security system. The most important results of the paper can be concluded in five conclusions: the "new Ostpolitik" is not an independent but a secondary phenomenon of the implementation of the foreign policy strategy of the Federal Republic of Germany; this foreign policy strategy of the FRG, which existed until the reunification of the country, had led to the creation of an Eastern European outpost of Western influence; the leadership of the USSR assessed the prospects of the unification of Germany at that time as "unreachable"; the conflict-ridden environment in international relations gives more chances of success for small and medium-sized states; the hierarchy in international relations requires the large states in the regional area of the security system to consider the two levels of cooperation and the corresponding balances.

Ключевые слова: Московский договор; Брандт; Бар; Федеративная Республика Германия; европейская безопасность.

Key words: Moscow Treaty; Brandt; Bahr; Federal Republic of Germany; European security.

E-mail: a_sin74@mail.ru

В 2020 году отмечается пятидесятилетний юбилей подписания Московского договора между СССР и ФРГ, в котором стороны выразили «стремление содействовать нормализации обстановки в Европе и развитию мирных отношений между всеми европейскими государствами» [3]. Договор стал важной вехой на пути созыва Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Научное изучение истории подготовки договора и «восточной политики» В.Брандта происходило интенсивно в СССР/России и в Германии [1; 5; 7; 16; 23, с.53–56, 67–97; 24, с.52–66; 27, с.228–235; 28; 29; 33, с.672–683]. В 2009 г. А.М.Филитов, представляя наиболее распространенные историографические концепции, указал среди прочего на то, что «[з]ападные критики "новой восточной политики" Брандта – Шееля ее основной порок как раз видят в том, что ее творцы слишком далеко пошли в признании "руководящей роли СССР" по отношению к странам "социалистического содружества"…» [11, с.301]. В отличие от сторонников «морализирующей критики» А.М.Филитов считает, что «[с]оветская дипломатия определила рамки возможного компромисса гораздо точнее. Признание и использование дипломатией ФРГ особого статуса СССР в "восточном блоке", чтобы этот компромисс зафиксировать в обязывающем международном документе, можно оценить как единственно реалистичное решение» [11, с.301]. Он согласился с выводом А.Форгтмайера о «новой восточной политике» как о «признани[и] статус-кво с долгосрочной целью его изменения». Однако, по мнению А.М.Филитова, «[с]оветское руководство, очевидно, осознавало эту долгосрочную цель ФРГ не хуже, чем руководство ГДР/СЕПГ, но столь же очевидно считало эту цель для ФРГ недостижимой» [11, с.301]¹.

Н.В.Павлов в материале, опубликованном в 2019 г. в книге, посвященной дипломатической деятельности А.А.Громыко, вновь обратился в своем научном творчестве к Московскому договору, к «новой западной политике» СССР, подчеркнув, что «А.А.Громыко и В.Шеель подписали исторический документ…» [8, с.265], но «[п]озиция прави-

¹ С этим тезисом можно поспорить, поскольку выстроенная до «новой восточной политики» инфраструктура, а также последствия самостоятельности ГДР и социалистических стран явно не осознавались до конца. Об инфраструктуре и начальном периоде фронды ГДР см. [9; 10; 31, с.190–207], а о приспособлении ГДР к условиям Московского договора см. [17].

тельства ФРГ существенно отличалась от точки зрения советского руководства» [8, с.267], поэтому В.Брандт на пресс-конференции в Москве 14 августа 1970 г. говорил лишь о признании существовавших «на сегодняшний день границ». Позиция канцлера, замечает Н.В.Павлов, «не противоречит... цели политического объединения Европы путем ликвидации границ мирными средствами» [8, с.267]. В свою очередь Х.Шульце полагал, что «[у] истоков "новой восточной политики" стояли... не немцы, а великие державы» [12, с.222].

Основные факты, связанные с подготовкой и заключением Московского договора, в научной литературе известны. Юбилейный год, по всей видимости, принесет с собой новые публикации. Что касается этой статьи, то ее *цель* состоит в том, чтобы проанализировать процесс формирования и суть новой внешнеполитической стратегии ФРГ и установить, какие последствия ее применение оказало на европейскую безопасность. Научная *новизна*, таким образом, заключается в двух существенных, на взгляд автора, аспектах:

- *понимании «новой восточной политики» и Московского договора не как самостоятельных феноменов, а как результата оформления вышеуказанной стратегии;*
- *выдвижении гипотезы о недооценке значения подобной стратегии при определении роли Германии в западном лагере.*

Поставленная цель и связанные с ней задачи предоставили автору возможность ограничить *источниковую базу* опубликованными западногерманскими документами, а также использовать в статье традиционные *исторические методы и подходы*, главные из которых – метод сравнительно-исторического анализа и проблемно-хронологический метод.

Формирование стратегии

Ставшее очевидным из-за вьетнамской войны ослабление Соединенных Штатов, непрекращавшиеся дискуссии по договору о нераспространении ядерного оружия², буха-

² Имеется в виду *Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons*, подписанный 1 июля 1968 г. Разработанный США и СССР на конфиденциальных переговорах стандарт вызывал в ФРГ и в других странах опасения в возможном ущемлении прав [о небольшой части дискуссий см.: 23, с.56–58].

рестское предложение социалистических стран созвать конференцию по безопасности³, грозившее Федеративной Республике обсуждением германского вопроса в нежелательном ракурсе, надежды общества на «большую коалицию» и на социал-демократов, впервые вошедших в правительство и получивших пост министра иностранных дел, заставляли западногерманскую дипломатию действовать активнее и выдвигать необходимые инициативы, направленные на сближение обеих частей Европы. Тем более, что еще 7 октября 1966 г. президент Л.Джонсон открыто одобрил видоизменение внешнеполитического курса: «Наша задача, – заявил он, – состоит в том, чтобы достигнуть примирения с Востоком – перехода от... концепции сосуществования к представлению о мирном соучастии» [цит. по: 18, с.368].

Неслучайно 13 декабря 1966 г. канцлер К.-Г.Кизингер (ХДС), выступая в бундестаге, практически сразу заговорил о новой роли ФРГ. «[В] мире, в котором судьбы народов столь тесно соединены друг с другом, – подчеркнул он, – никто не может уйти от своей доли ответственности... Германское правительство выступает за преемственную и эффективную политику мира, с помощью которой будет устранена политическая напряженность и приостановлена гонка вооружений» [19, с.3662].

Преемственность означала возвращение к мартовской ноте МИД ФРГ 1966 г., в которой социалистическим странам было предложено обменяться с Бонном заявлениями об отказе от применения силы. По словам К.-Г.Кизингера, федеральное правительство «готово [рассмотреть и] нерешенную проблему германского разделения». Впрочем, последнее мыслилось лишь в духе «содейств[ия] и углубл[ения] взаимно[го] понимани[я] и довери[я] на основе развития... экономических, духовных и культурных отношений» [19, с.3662], т.е. было не чем иным как *предпосылкой* для последующих шагов, суть которых не конкретизировалась.

³ В 1957 г. на Генеральной Ассамблее ООН министр иностранных дел ПНР А.Рапацкий высказал инициативу создания в Европе на территории Польши, ЧССР, ГДР и ФРГ безъядерной зоны. В 1958 г. был написан соответствующий меморандум. В том же 1958 г. «план Рапацкого» был дополнен идеей сокращения вооружений. В 1962 г. появился новый вариант плана, а в 1964 г. польский министр иностранных дел заговорил о созыве европейской конференции по безопасности. В июле 1966 г. на совещании в Бухаресте страны Варшавского договора поддержали его.

Об истинных намерениях Бонна А.Майер-Ландрут вспоминал позднее: «Каждый контакт был маленькой каплей, и одна из таких капель обязательно должна была, в конце концов, переполнить сосуд бесчеловечной идеологии» [6, с.59]. Именно поэтому западные немцы стали выражать согласие на компромисс и рассматривать установление дипломатических отношений с социалистическими странами как вклад в фундамент успешного сотрудничества.

Проходившая дипломатическая игра была масштабной и сложной. К.-Г.Кизингеру и В.Брандту пришлось, не нарушая хрупкого межпартийного консенсуса «большой коалиции», усиленно агитировать за представленные инициативы, а при необходимости еще и координировать их доработку. В январе 1967 г. В.Брандт выступил в Совете Европы за «урегулированное сосуществование в Германии». 12 апреля 1967 г. К.Кизингер, воспользовавшись в качестве формального повода 7-м съездом СЕПГ, заявил: «Федеральное правительство хочет разрядки. Цель нашей политики разрядки – европейский мирный порядок, который может восприниматься всеми участниками в качестве справедливого и долгосрочного... В этой системе (*Friedensordnung*) следует отказаться от любого применения силы, устранить опасность и груз вооружений, уважать права и достоинства всех людей» [20, с.4687].

Кроме того, предстояло добиться принципиального отказа от распространения на ФРГ ст.53 и ст.107 Устава ООН о враждебных государствах. МИД ФРГ использовал опасения нейтральных стран оказаться вследствие Женевских переговоров о нераспространении ядерного оружия в невыгодной для себя ситуации. Поскольку интересы нейтралов и Федеративной Республики в этом вопросе в целом совпадали, то лейтмотив официальной западногерманской позиции стал созвучным ранее представленным европейским инициативам. Договор о нераспространении назывался, как и установление отношений с социалистическими государствами, первым шагом. Германия настаивала на равноправии и большей ответственности крупных держав. Многократное повторение этих тезисов усиливало эффект.

Результат не заставил себя ждать: Индия и Швеция поддержали точку зрения ФРГ по договору о нераспространении ядерного ору-

жия. Благодаря Швейцарии и Австрии западные немцы смогли предотвратить на будущей конференции по безопасности в Европе обсуждение германо-германского урегулирования.

Не стоит забывать и об оживленной дипломатической переписке по поводу соглашений об отказе от применения силы, которые предоставляли Бонну возможность выстроить правовую основу отношений с социалистическими странами, зафиксировать статус-кво, а затем осторожно, учитывая особенности конкретной страны, продвигаться в рамках индивидуальных треков, следствием чего закономерно стало бы ослабление позиции СССР. К 1968 г. утвердилось и понимание того, что самоизоляция ФРГ на Востоке Европе приводила к укреплению ГДР. События 1968 г. в Чехословакии приостановили восточную политику в варианте «большой коалиции», но не смогли помешать стремлению завершить самоизоляцию на максимально комфортных условиях и с максимальной выгодой.

27 февраля 1969 г. К.-Г.Кизингер размышлял перед собравшимися журналистами, что слишком много времени тратится на спорные вопросы, а не на поиск общей политики. В апреле 1969 г. после повторного внесения на будапештской встрече стран-участниц Варшавского договора инициативы о конференции по безопасности, В.Брандт убеждал коллег из стран НАТО в необходимости серьезно отнестись к идее конференции. В середине мая 1969 г. В.Гомулка сообщил о готовности вести переговоры о нормализации отношений с ФРГ, а чуть ранее, в апреле 1969 г., Ю.В.Андропов порекомендовал Л.И.Брежневу наладить вне компетенции МИД СССР тайный канал между Москвой и Бонном [4]. Если вспомнить написанное А.Майер-Ландрутом⁴, то вполне закономерен вопрос, насколько полно Кремль был осведомлен о намерениях западных немцев. В любом случае 3 июля 1969 г. СССР не возражал начать переговоры по подписанию документа об отказе от применения силы и угрозы силой.

В сентябре 1969 г. в Федеративной Республике прошли выборы, а 28 октября В.Брандтом было сделано правительственное заявление о

⁴ «Федеративная Республика Германия предоставляла восточным спецслужбам идеальную операционную базу, ибо каждого немца, который прибывал к нам из ГДР, мы, не мудрствуя лукаво, рассматривали как соотечественника... и советские спецслужбы внедряли к нам большое количество своих людей» [6, с.114].

планах работы коалиции из СДПГ и либералов. Канцлер заговорил об общей ответственности ФРГ и ГДР «за мир между нами и за мир в Европе». Это нужно было понимать как сигнал Москве, суть которого состояла в следующем: возможные проблемы будут созданы не Бонном, а Берлином и руководством ГДР. Впрочем, В.Брандт одобрял переговоры с ГДР лишь при условии, что они не приведут к ее международно-правовому признанию, поскольку отношения двух германских государств, уверял канцлер, «могут быть лишь особенной природы» [21, с.21].

В.Брандт выразил желание подписать обязательные соглашения об отказе от применения силы и угрозы силой со всеми социалистическими странами, в том числе и с ГДР. «[Ф]едеральное правительство понимает, – утверждал он, – свою политику безопасности как политику баланса и обеспечения мира» [21, с.31].

Таким образом, с приходом к власти коалиции социал-демократов и либералов стратегия оставалась прежней. Верность теории магнита в отношении ГДР не оспаривалась [см. в этом контексте: 35, с.145–247]. Изменения коснулись лишь тактических подходов и скорости объединительного процесса. Ведь еще в 1963 г., выступая в Евангелической академии г. Тутцинг, тогдашний глава Ведомства прессы и информации Западного Берлина Э.Бар⁵ заметил, «что настало время... непредвзято по-новому продумать [политику объединения]», учесть американский настрой не устранить «коммунистическое господство, а изменить его», и определить в рамках американской концепции «специфическую немецкую задачу» [15]. Ставка Э.Бара на трансформацию ГДР предусматривала согласие Советского Союза на восстановление рабочих контактов и формирование доверия, что, по мнению Э.Бара, неизбежно привело бы к иному состоянию объединительного процесса. «Усиленное предложение товаров, – рассуждал Э.Бар, – в нашем интересе. В Советском Союзе желание потреблять возросло и это способствовало позитивным изменениям. Непонятно, почему в зоне (имеется в виду ГДР. – А.С.) должно быть по-другому» [15].

Суть новой внешнеполитической стратегии ФРГ, просуществовавшей до объединения страны, состояла в создании своего рода во-

⁵ С 1950 по 1960 г. Э.Бар работал в RIAS (на радио американского сектора Берлина). Подробнее о Э.Баре и его концепции см. [30].

сточноевропейского плацдарма западного влияния. СССР и социалистическим странам предстояло решать: либо соглашаться на усиление экономических и политических контактов и укрепление ФРГ, а вместе с ней и западного лагеря в Европе, либо приняться за подготовку иных вариантов сдерживания Бонна и усиление собственного влияния.

Апробация стратегии

Упомянутый в предыдущем разделе Э.Бар стал статс-секретарем, руководителем отдела планирования в МИД ФРГ и одним из участников дипломатической команды, работавшей над заключением Московского договора. 6 декабря 1969 г. он присутствовал на встрече В.Брандта с госсекретарем США У.-П.Роджерсом и записал слова канцлера о восточной политике: «все немецкие попытки принимаются в рамках Альянса» [13, с.1384].

20 декабря 1969 г. заместитель премьер-министра Румынии Д.Маковеску рассказал Э.Бару о совещании в Москве глав-государств и правительств социалистических стран. СССР, сообщил Д.Маковеску, находится в сложном положении: он лавирует между ГДР, категорически возражающей против сближения с ФРГ, и Польшей с Венгрией, которые согласны развивать отношения. Л.И.Брежнев, полагал Д.Маковеску, вынужден успокаивать восточных немцев. «СССР, – говорил генеральный секретарь ЦК КПСС на закрытом совещании в Москве, – намерен с помощью переговоров проверить ФРГ» [13, с.1445]. Впрочем, Советский Союз, по мнению заместителя премьер-министра Румынии, не смог бы помешать установлению дипотношений, поэтому со стороны Москвы прозвучала только просьба «не мешать друг другу».

Спустя четыре дня после беседы с Д.Маковеску Э.Бара посетил журналист «Советской культуры» В.В.Леднев, один из ответственных за тайный канал между СССР и ФРГ. «Советская сторона, – сказал он, – готова к доверительному обмену мнениями». По словам В.В.Леднева, «Советский Союз рассматривает задачу нормализации отношений с Федеративной Республикой как слишком серьезное дело» [13, с.1465]. Когда же Э.Бар подчеркнул, что международно-правового признания ГДР не будет, «Леднев ответил, что... требова-

ние о международном признании [и] не обсуждалось» [13, с.1466]. Причины расширения контактов с ФРГ В.В.Леднев обосновывал следующим образом: «Советский Союз исходит из того, что Федеративная Республика останется самой важной и экономически самой сильной страной наряду с СССР в Европе, и [СССР] хочет реалистически настроиться на это» [13, с.1466].

В Бонне также захотели пойти на более серьезные переговоры. 14 января 1970 г. Э.Бар написал канцлеру В.Брандту: ФРГ не должна позволить ГДР помешать нормализации отношений с Советским Союзом. Беседы А.А.Громыко с послом Г.Аллардтом следует оценить как позитивный сигнал, а конференция по безопасности в Европе – это «наш рычаг»; «[э]тот рычаг ослабевает, чем ближе теоретически будет конференция без того, что у нас будет двусторонний отказ от применения силы» [14, с.22]. Письменный отказ от применения силы, укреплявший западногерманскую стратегию объединения, был необходим ФРГ.

Именно поэтому на последовавших затем в Москве переговорах с А.А.Громыко Э.Бар реализовывал один и тот же простой алгоритм:

- *постоянно говорить о желании пойти на компромисс;*
- *демонстрировать готовность строить отношения с ГДР на основе Устава ООН и высказывать позитивное отношение к нормализации контактов ГДР с другими странами;*
- *указывать на необходимость изменения политики ГДР на западногерманском направлении;*
- *исключить упоминание германо-германской границы в тексте подготавливаемого договора как излишнее;*
- *завышать требования и демонстрировать твердость позиции, в том числе напоминая о том, что Советский Союз знал заранее о «красных линиях» Бонна.*

Продолжительное пребывание в Москве, с точки зрения Э.Бара, благоприятствовало сбору информации и установлению контактов. Непонятным образом Э.Бар получал крайне доверительные сведения. 7 марта 1970 г. он, основываясь на неназванных советских источниках, писал в Бонн: «Вы (имелся в виду сам Бар. – А.С.) приобрели

уважение и доверие⁶. Это имеет вес в наших размышлениях... Косыгин на заседании Политбюро... спросил..., почему мы не говорили раньше (речь о контактах с западными немцами. – А.С.)...» [14, с.402–403]. 27 апреля 1970 г. в письме В.Брандту, переданному через министра иностранных дел В.Шееля, значилось: «Брежнев решил давать прямые указания для работы правительства, особенно во внешней политике». Повторный визит в Москву, аргументировал Э.Бар, нужно организовать только после «важного заседания ЦК на первой неделе мая» [14, с.684].

Стратегия ФРГ начала приносить плоды. Имея доверительную информацию, Э.Бар и западногерманская внешнеполитическая команда действовали наверняка. ГДР не удалось помешать переговорам. В Москве крепло желание углублять контакты с Бонном.

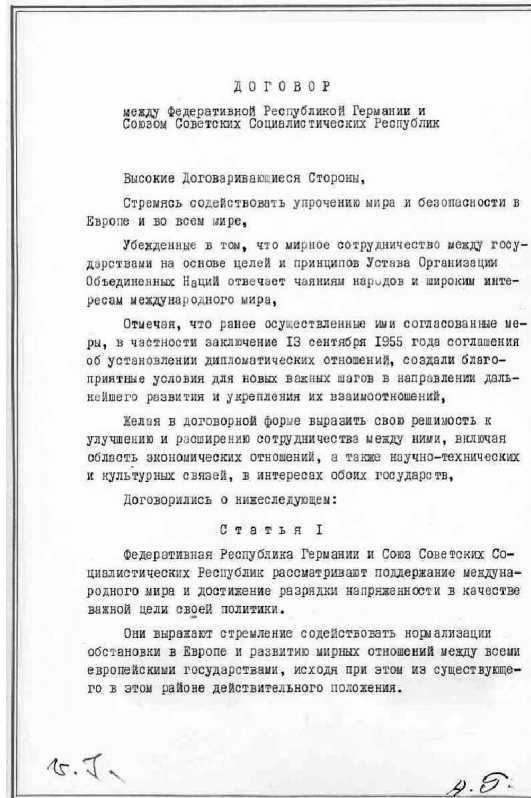
**Договор и значение
использования стратегии**

12 августа 1970 г. Московский договор был подписан. В ст. 3 значилось: «мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современ-

ные границы. [Стороны] берут на себя обязательство неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах; они заявляют, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем; они рассматривают как нерушимые сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего Договора, в том числе линию Одер-Нейсе» [3]. На первый взгляд снижалась потенциальная угроза изменения существовавших границ военными средствами, но при этом ФРГ не отказалась от мирного изменения германо-германской границы и продолжила активно сотрудничать в НАТО.

⁶ Возможно, в Москве учитывали и неофициальные размышления Э.Бара, настаивавшего в 1960-х гг. на том, чтобы объединенная Германия не входила в НАТО и не присоединялась к Варшавскому договору. В договоре об объединении государства-подписанты в случае нападения Германии на одного из них должны, по мнению Э.Бара, взять на себя обязательства оказания взаимной помощи. Тогда, рассуждал Э.Бар, единство Германии способствовало бы укреплению системы европейской безопасности. В то время Э.Бар был также противником участия Германии в европейской интеграции.

Европейские параллели

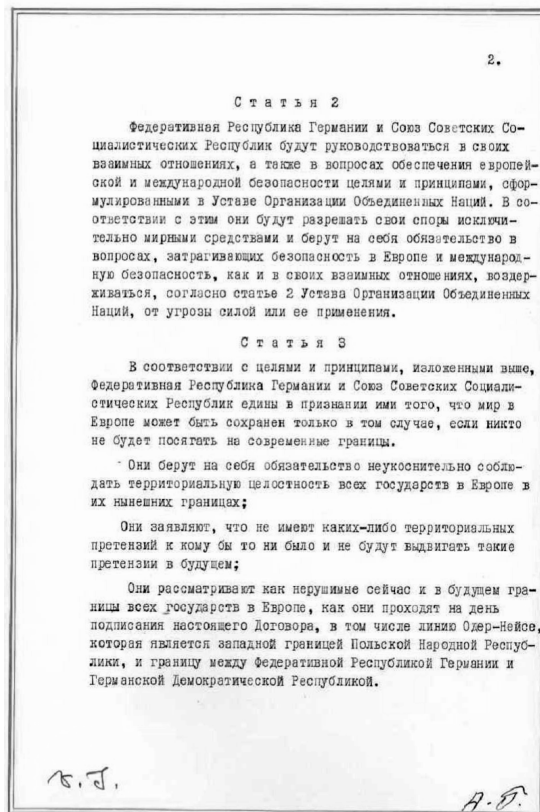

Московский договор 12 августа 1970 г.
взято с: www.1000dokumente.de

Исходя из этого, полученный результат можно оценить как противоречивый. СССР интерпретировал договор в качестве дипломатического успеха, благодаря которому осуществлялась подготовка признания ГДР и сохранялся статус-кво. Для Федеративной Республики Московский договор, наоборот, стал доказательством успешности применения собственной стратегии, направленной на постепенное изменение статус-кво и расширение контактов с восточноевропейскими странами. В 1969 г. Э.Бар писал: «Главная цель советской европейской политики – это легитимация статус-кво. Главная цель нашей политики – преодоление статус-кво. Речь идет о настоящем

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

антагонизме интересов. Этот антагонизм не сможет быть устранен в рамочном договоре... Желателен не баланс интересов, желательно средство для достижения собственных интересов» [цит. по: 28, с.300].

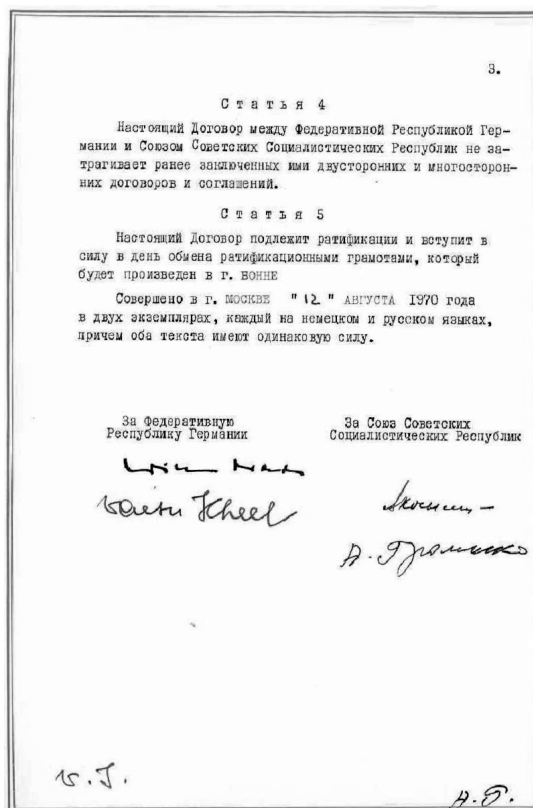
Московский договор 12 августа 1970 г.
взято с: www.1000dokumente.de

Несмотря на очевидные противоречия, уникальность положения ФРГ состояла в том, что советские руководители продолжали доверять официальным постулатам «новой восточной политики» и основным политическим фигурам, участвовавшим в ее реализации. Не случайно в 1971 г. на одной из встреч Л.И.Брежнев и В.Брандта в Орланде генеральный секретарь «[за]говорил о своих внутривосточных проблемах: о том, как огромна страна, об административных сложно-

Европейские параллели

стях, связанных, прежде всего, с централизованной экономикой, о социологических проблемах, связанных... с молодежью» [6, с.94].

Постепенно сформировался своеобразный миф о «новой восточной политике» и особых (доверительных) отношениях между СССР и ФРГ [ср.: 22, с.280–337], что в процессе объединения Германии существенно ослабило советскую позицию. Любопытно, что контакты Москвы и Бонна укрепляли положение ФРГ в западном лагере. Следовательно, стратегия ФРГ позволила ей оставаться важным партнером и для Соединенных Штатов. Последующую разрядку в советско-американских отношениях следует изучать в контексте урегулирования отношений с Западной Германией.

Московский договор 12 августа 1970 г.
взято с: www.1000dokumente.de

Внешнеполитическая стратегия ФРГ как средней державы в рассматриваемый период не воспринималась комплексно. Не учитывались ни процесс ее формирования (установление и поддержание контактов с нейтральными государствами), ни усиление американо-западногерманского взаимодействия, ни влияние на западноевропейскую интеграцию социалистических стран. Тем не менее эта стратегия по своей значимости вполне сопоставима с послевоенным реформатированием внешней политики страны [ср.: 32, с.73–116]. Московский договор 1970 г. подтвердил ее успех.

Заключение

Ситуация времен холодной войны имеет специфические отличия от современности, но четыре вывода актуальны и сегодня:

1) сотрудничество с различными акторами и посредничество между ними дают средним государствам дополнительные преимущества. Появляется возможность более успешно добиваться реализации собственных целей;

2) для средних держав сотрудничество не будет эффективным без наличия стратегии. Наверняка по этой причине Германия после объединения потеряла прежнее значение и пытается найти новую внешнеполитическую роль [34, с.69–264; 26, с.306–327; 25]. Последнее предполагает серьезное отношение к стратегиям, применяемым средними по размеру и потенциалу странами;

3) великим державам надлежит с излишней осторожностью идти на повышение значимости средних держав и помнить, что стратегия малых и средних стран в конфронтационной среде имеет больше шансов на успех;

4) европейская безопасность, если рассматривать ее через историческую перспективу, представляет собой двухуровневую систему сотрудничества: первый уровень – контакты великих держав, второй – отношения между крупными и средними странами⁷. Если какой-то из уровней не функционирует, то нарушается баланс.

⁷ В этом контексте интересными являются размышления Ал.А.Громько: «...уместно вспомнить о том, – пишет он, – что и в период холодной войны элементы "двухъядерности" по обе стороны существовали: разногласия США с Британией и Францией во время Суэцкого кризиса 1956 г.; выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г.; трения из-за экономического сотрудничества с Советским Союзом, в первую очередь в нефтяной

Библиографический список

1. Восленский М.С. «Восточная» политика ФРГ (1949–1966). М.: Наука, 1967. 428 с.
2. Громыко Ал.А. Мир вокруг Европы // Европа между трех океанов / Под общ. ред. Ал.А.Громыко и В.П.Федорова. М.: ИЕ РАН; С.-Пб.: Нестор-История, 2019. С.49–71.
3. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией [Московский договор], 12 августа 1970 г. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0017_mos&l=ru&object=translation (дата обращения: 22.02.2020).
4. Кеворков В. Тайный канал. М.: Гея, 1997. 318 с.
5. Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Межд. отн-я, 1986. 220 с.
6. Майер-Ландрут А. «С Богом! И оденься потеплее». Моя дипломатическая миссия в России. М.: Межд. отн-я, 2005. 288 с.
7. Нарочницкая Н.А. США и «новая восточная политика» ФРГ. М.: Наука, 1977. 175 с.
8. Павлов Н.В. Архитектор Московского договора // «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А.Громыко / Под общ. ред. Ал.А.Громыко. М.: Весь мир, 2019. С.256–267.
9. Синдеев А.А. Сближение с Польшей, или когда началась новая европейская политика ФРГ? // Современная Европа. 2011. №4. С.124–130.
10. Синдеев А.А. ГДР против СССР: невидимый фронт холодной войны // Германия на перекрестках истории: проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений / Под общ. ред. С.И.Дмитриевой. Вып.10. Воронеж: ВГУ, 2019. С.182–192.
11. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М.: Наука, 2009. 333 с.
12. Шульце Х. Краткая история Германии. М.: Весь мир, 2004. 256 с.
13. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1969 / Schwarz H.-P. (Hg.) u.a. Berlin; Boston; München: Oldenbourg Verlag, 2000. 1684S.
14. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1970 / Schwarz H.-P. (Hg.) u.a. Berlin; Boston; München: Oldenbourg Verlag, 2001. 1660S.
15. Bahr E. «Wandel durch Annäherung: Ein Diskussionsbeitrag in Tutzing», den 15. Juli 1963. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0091_bah&l=ru (дата обращения: 10.02.2020).
16. Bender P. Neue Ostpolitik: vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1986. 289S.
17. Bergien R. Programmieren mit dem Klassenfeind: Die Stasi, Siemens und der Transfer von EDV-Wissen im Kalten Krieg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2019. Heft 1. S.1–30.

сфере, европейских стран – союзников США вопреки желанию последних...» [2, с.59]. Однако двухядерность, думается, вряд ли уместно распространять только на разногласия.

18. Besson W. Die Außenpolitik der Bundesrepublik: Erfahrungen und Maßstäbe. München: R. Piper&Co, 1970. 494S.
19. Deutscher Bundestag: 5. Wahlperiode (80. Sitzung). Bonn, den 13. Dezember 1966. S.3643–3667.
20. Deutscher Bundestag: 5. Wahlperiode (101. Sitzung). Bonn, den 12. April 1967. S.4669–4740.
21. Deutscher Bundestag: 6. Wahlperiode (5. Sitzung). Bonn, den 28. Oktober 1969. S.19–35.
22. Großmann S. Falsche Freunde im Kalten Krieg?: Sowjetische Freundschaftsgesellschaften in Westeuropa als Instrumente und Akteure der Cultural Diplomacy. Berlin;München;Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2019. 621S.
23. Heßdörfer S.-G. Vorbehaltlose Unterstützung?: Die «Neue Ostpolitik» der Regierung Brandt/Scheel im Spiegel der Süddeutschen Zeitung und der Tageszeitung DIE WELT. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades Dr. phil. Erlangen-Nürnberg: Philosophische Fakultät/Fachbereich Geschichte, 2019. 449S.
24. Hilz W. Deutsche Außenpolitik. Stuttgart: Kohlhammer, 2017. 171S.
25. Ischinger W., Messner D. (Hg.). Deutschlands neue Verantwortung: die Zukunft der deutschen und europäischen Außen-, Entwicklungs- und Sicherheitspolitik. Berlin: Econ, 2017. 432S.
26. Jesse E. Zäsuren und Neuanfänge in der deutschen Geschichte des 20. Jahrhunderts im Vergleich // Deutsche Zäsuren: Systemwechsel vom Alten Reich bis zum wiedervereinigten Deutschland. München: Bayerische Landeszentrale für politische Bildung, 2006. S.291–327.
27. Kleßmann C. Zwei Staaten, eine Nation: Deutsche Geschichte, 1955–1970. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1988. 648S.
28. Link W. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2001. Heft 2. S.295–315.
29. Mehnert K. «Der Moskauer Vertrag» // Osteuropa: Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. 1970. Nr.20. S.809–830.
30. Raus R. Egon Bahr und das Konzept einer «europäischen Friedensordnung» (1963–1970). URL: http://www.cvce.eu/obj/rachele_raus_egon_bahr_und_das_konzept_einer_europaischen_friedensordnung_1963_1970-de-72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d.html (дата обращения: 09.02.2020).
31. Schell J. Die Politik des Friedens: Macht, Gewaltlosigkeit und die Interessen der Völker. München: dtv, 2006. 414S.
32. Schwarz H-P. Anmerkungen zu Adenauer. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2005. 224S.
33. Schwarz H-P. Das Gesicht des Jahrhunderts: Monster, Retter und Mediokritäten. München, Goldmann, 2001. 848S.
34. Schwarz H.-P. Republik ohne Kompass: Anmerkungen zur deutschen Außenpolitik. Berlin;Leck: Propyläen, 2005. 352S.
35. Thoß B. (Hg.). Vom Kalten Krieg zur deutschen Einheit: Analysen und Zeitzeugenberichte zur deutschen Militärgeschichte, 1945–1995. München: Oldenburg, 1995. 744S.

Цивилизация – это движение,
а не состояние.

Арнольд Тойнби

Политическая неподвижность
немыслима, человеческий дух
должен развиваться.

Франсуа де Шатобриан

УДК
316.2

Михаил Ковалев

«ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА И ДРУЖБЫ»:

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МЕЖДУНАРОДНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АКАДЕМИКА А.М.РУМЯНЦЕВА

РОССИЯ В МИРЕ

Статья посвящена международной деятельности экономиста и социолога, академика А.М.Румянцева (1905–1993). На основе материалов из Архива РАН, впервые введенных в научный оборот, освещаются разные этапы его биографии: период резкого карьерного взлета в 1950-е гг., время бурного всплеска советской социологии в 1960-е гг. и его участие в этом процессе, опала академика в годы брежневского застоя 1970-х. Архивные материалы позволили проследить за тем, как менялась точка зрения А.М.Румянцева на перспективы развития советско-британских отношений и роль науки и культуры в этом процессе, а также его участие в работе Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук, взгляд на экономические реформы в Югославии в 1970-е гг. Таким образом, создается широкая картина участия советского академика, «интеллигентного марксиста», как называли его современники, в транснациональных интеллектуальных обменах периода Холодной войны.

The article is devoted to the international activities of the economist and sociologist, academician A.M.Rumyantsev (1905–1993). Based on new materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences, the various stages of his biography are highlighted: the period of a sharp career take-off in the 1950s, the time of a boom in Soviet sociology in the 1960s and his participation in this process, the academician's fell down during the Brezhnev stagnation of the 1970s. Archival materials allowed to analyze the Rumyantsev's point of view on the prospects for the development of Soviet-British relations and the role of science and culture in this process, his participation in the work of the European Center for the Coordination of Research and Documentation in the Social Sciences, his perspective on economic reforms in Yugoslavia in the 1970s. Thus, a large-scale picture of the participation of the Soviet academician, the «intelligent Marxist», as his contemporaries called him, in transnational intellectual exchanges of the Cold War period is created.

Ключевые слова: А.М.Румянцев; международные научные связи; научная дипломатия; Великобритания; Югославия; социалистические страны; Холодная война; история советской социологии.

Key words: A.M.Rumyantsev; international scientific relations; science diplomacy; UK; Yugoslavia; Eastern Bloc; Cold War; history of Soviet sociology.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

**Документальное наследие
академика А.М.Румянцева**

Личный фонд академика А.М.Румянцева находится на хранении в Архиве РАН (Ф.2052). Он был передан туда его сыном, Игорем Алексеевичем, в 1994 г. Фонд включает в себя

266 единиц хранения, объединенных в одну опись, и хронологически охватывающих период с начала 1920-х гг. до начала 1990-х. Среди имеющихся материалов – научные труды, рецензии и отзывы, тексты выступлений на конференциях и семинарах, биографические документы (справки, орденские книжки, дипломы, удостоверения, автобиографии), материалы о служебной деятельности в журнале «Проблемы мира и социализма» и газете «Правда», Институте конкретных социальных исследований АН СССР, научные отчеты и докладные записки, личная и деловая переписка, многочисленные фотографии. К сожалению, это лишь небольшая сохранившаяся часть документального наследия академика.

Материалы из личного фонда А.М.Румянцева и ранее попадали в поле зрения исследователей, отдельные были опубликованы [1]. Содержательно и хронологически они связаны с периодом непродолжительного директорства А.М.Румянцева в Институте конкретных социальных исследований АН СССР. Особо стоит отметить публикацию его мемуарных зарисовок о партийной работе на Украине, а затем в ЦК КПСС, о его пути в экономическую и социологическую науку [2]. Дальнейшее изучение архивных материалов способно значительно расширить источниковую базу по истории отечественной социологии, тем более что в этом направлении уже имеется немало квалифицированных документальных публикаций [3; 4; 5]. Но материалы архива А.М.Румянцева интересны не только в контексте истории общественных наук. Так, достойна специального внимания личная и деловая корреспонденция ученого. В его фонде сохранились письма от А.Г.Аганбегяна, Г.А.Арбатова, Ю.П.Германа, М.Я.Гефтера, П.Л.Капицы, И.И.Майского, А.Д.Сахарова, С.Л.Тихвинского, Ю.Ф.Карякина, А.И.Солженицына, А.Т.Твардовского, Ю.П.Любимова и других видных деятелей науки, культуры и общественной жизни. Увы, среди сохранившихся в архиве писем очень немного посланий от зарубежных корреспондентов. Но тем бережнее и внимательнее следует относиться к содержащейся в них информации, как и вообще к материалам о его связях с зарубежными странами.

Рис.1. А.М.Румянцев (крайний справа) с деятелями Итальянской коммунистической партии. 1960 г. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.112. Л.47)

В процессе изучения личного фонда А.М.Румянцева были выявлены примечательные документы, отражающие его кипучую международную деятельность: сначала как высокопоставленного партийного работника, затем как ученого и общественного деятеля. Избранные материалы, уже кратко упомянутые в первой части статьи, публикуются теперь в полном объеме в силу их источниковедческой значимости. К сожалению, ограниченный объем журнальной публикации не дает возможности составить развернутые комментарии к этим документам и вынуждает ограничиться лишь некоторыми текстуальными уточнениями, даваемыми в сносках.

Записка в МИД СССР о посещении первого секретаря британского посольства в СССР Джозефа Доббса, не ранее 9 августа 1956 г.¹

МИД СССР – тов. ШЕПИЛОВУ Д.Т.

Как я уже Вам докладывал, г-н Добс² – первый секретарь английского посольства в СССР – пригласил меня и т. Михеева В.И. к себе в гости для продолжения теоретических разговоров, начатых во время официального визита к послу перед отъездом делегации Верховного Совета СССР в Англию, членом которой мне довелось быть, 9 августа 1956 года эта встреча состоялась. Кроме Добса и его жены присутствовали также второй секретарь посольства, одна женщина – работник посольства,

¹ Озаглавлено по содержанию документа.

² Здесь и далее А.М.Румянцев использует написание «Добс», хотя с точки зрения транслитерации правильнее писать «Доббс».

затем профессор Оксфордского университета г-н Берлин и его жена.

Вначале, до обеда в небольшой гостиной после знакомства со всеми присутствовавшими, происходила небольшая беседа по вопросам культуры. Этот разговор был продолжен за обеденным столом и частично впоследствии. Здесь были затронуты вопросы об освещении в Большой Советской Энциклопедии некоторых английских писателей, якобы излишнего подчеркивания, как, например, в отношении С.Джонсона, консервативности их взглядов и малого освещения художественной ценности их произведений.

На эти замечания был дан ответ, что из песни слова не выкинешь, если взгляды у того или иного писателя консервативны, то об этом надо писать, если произведения при этом были художественно ценны, то и об этом, безусловно, всегда сообщается. Говорили о переводах русских писателей на английский язык и английских писателей на русский язык. Профессор Берлин отметил, что в Англии очень мало хороших переводчиков и что переводы русских писателей на английский язык в большинстве своем неудовлетворительны, и подчеркнул, с другой стороны, высокую квалификацию русских переводчиков и тщательность их переводов. Сам он интересовался материалами о Белинском, которому собирается посвятить свою очередную работу. Отмечалось также, что за последние годы на русский язык почти ничего не переводится из произведений современных английских авторов. По мнению беседовавших с нами англичан, есть ряд новых молодых английских писателей, которые являются очень популярными в Англии и имеют, по их словам, хороший социальный фон, а поэтому могли бы стать популярными и в Советском Союзе. Было высказано также пожелание, чтобы на английский язык переводились популярные советские песни, которые поражают мелодичностью и могли бы завоевать большое признание в Англии. Очень одобрительно отозвались англичане о начавшемся обмене культурными силами: театрами, выставками и прочими коллективами и подчеркнули, что в Англии эти культурные меры оставили большое впечатление, в частности, хор Советской Армии, кукольный театр Образцова и цирк. Отмечено, что в Англии с большим интересом ждут приезда советского балета. Англичане высказали пожелание организовать регулярный обмен студентами между Англией и СССР.

После обеда в разговоре Добс поинтересовался впечатлениями делегатов Верховного Совета о поездке в Англию. В нескольких словах, ему кратко было сказано, что впечатление в общем благоприятное, так

как простые люди Англии, а также парламентарии и деловые люди, с которыми мы встречались, высказывались за упрочение взаимопонимания между странами, за укрепление мира и дружбы. В разговоре было замечено, что вместе с тем есть в Англии, конечно, и такие отдельные лица и группы, которые, по сути дела, не заинтересованы в укреплении мира и нормальных отношениях между нами. На это наши собеседники заявили, что это могут быть только сумасшедшие. Но эти сумасшедшие ходят по улицам – ответили мы – пишут в газетах, а стало быть, стремятся влиять на общественное мнение. Собеседники сказали, что не эти люди определяют политику государства.

Добс поинтересовался также – не изменились ли наши представления об Англии после поездки. На этот вопрос было отвечено, что представление об Англии как о стране, внесшей большой вклад в развитие науки, техники, литературы и искусства, осталось неизменным. Что же касается социальной системы (после уточнения этого вопроса Добсом), то взгляды остались также неизменными. Наши собеседники согласились с тем, что объективный процесс развития человеческого общества идёт по линии всё большего обобществления средств производства и, в конечном итоге, должен завершиться переходом к социализму. Они также согласились с тем, что пути перехода к социализму в каждой стране определяются своими условиями и обстоятельствами, и что никто не собирается навязывать той или иной стране свой путь перехода от капитализма к социализму. Наши собеседники, со своей стороны, подчеркнули, что действительно на путях преобразования своего хозяйства Россия достигла больших результатов, и что этот путь сделал Россию одной из самых могущественных стран.

В разговоре со вторым секретарем по поводу событий в Египте был задан вопрос: верно ли, что Англия мобилизует вооруженные силы для отправки в ближневосточную зону и не считает ли наш собеседник, что подобная политика ведёт к усилению напряженности и, таким образом, противоречит общей линии в международных отношениях. Второй секретарь на это ответил, что Англия не проводит большой мобилизации, что речь идёт о нескольких дивизиях, и что не следует ждать каких-либо военных действий. Наш премьер-министр Иден, говорил второй секретарь, очень хорошо по этому поводу сказал: Конечно, Египет имел право национализировать Суэцкий канал, но он должен обеспечить нормальное судоходство. На наше замечание, что нормальное судоходство вполне обеспечено и сейчас египетскими властями и что это не предлог для мобилизации вооруженных сил, он ничего не ответил. В процессе

беседы этот господин неоднократно утверждал, что всё это дело затеял Насер, что за ним никого нет, что он представляет собой военных путчистов, что все события в Египте ни в коем случае нельзя назвать национальным освободительным движением. На это было ему указано, что в Египте происходят огромные митинги, на которых собирается по сто тысяч человек, что общественные организации выражают твердую поддержку правительству в проведении этих мероприятий и поэтому говорят о том, что Насер не одинок и стоит на верном пути. С другой стороны, всяческая попытка вмешательства вооруженными силами может привести к весьма опасному положению на Востоке, где сейчас отмечается консолидация всех арабских народов и вообще ближневосточных народов в борьбе против колониализма.

При прощании господин Добс выразил пожелание о следующей встрече, на что ему было отвечено – что к этому вопросу можно будет возвратиться позже, после возвращения из отпуска.

Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.166. Л.1–4. Машинопись.

Рис.2. Совещание по вопросам издания журнала «Проблемы мира и социализма». Прага, 27–28 октября 1959 г. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.112. Л.25)

**Письмо чехословацкого журналиста М.Сайдлера
к А.М.Румянцеву, апрель 1968 г.³**

Алексей Матвеевич Румянцев
апреля⁴ 1968 г.
академик-секретарь Отделения
экономики Академии наук СССР
Москва

Уважаемый товарищ!

Технизация, вызванная быстрым внедрением науки в различные области общественной жизни, ставит руководство – прежде всего экономическое и политическое – в совершенно новые условия, несравнимые с традиционными проблемами, которые оно решало в начале нашего века. На фоне современной техники масштабы экономической и политической жизни настолько разрослись, что ни один человек не может взять на себя риск единолично управлять ими.

Некоторые фирмы представляют собой социальные формации, которые по численности людей не уступают малым государствам, а по размерам своего бюджета даже намного превосходят их. Деятельность этих формаций охватывает, по существу, весь мир. Неквалифицированный предприниматель, который когда-то распорядился своей собственностью на основе «здорового» предпринимательского ума в экономической сфере, постепенно уходит со сцены, его место занимают административные советы и менажеры⁵ с профессиональным образованием. Правовая собственность и управление (распоряжение собственностью) не всегда сводятся к одному и тому же, как это имело место раньше, так как богатство сегодня отнюдь уже не является достаточной «квалификацией» для руководства в масштабах, характерных для наших дней.

Менять свои функции и вместе с тем и свою интеллигенцию вынуждено также политическое руководство, которое в период либерализма чрезмерно не вмешивалось в экономику. Такие проблемы, как, например, сохранение элементарных условий экономической жизни с помощью права, регулирование общественного потребления и стабильность эко-

³ Озаглавлено по содержанию документа.

⁴ Конкретная дата в письме отсутствует.

⁵ Здесь и далее используется такое написание слова вместо привычного сегодня «менеджер».

номики сегодня никак нельзя рассматривать в традиционных масштабах периода относительно медленного развития.

Однако современная мировая политика, должно быть, неспособна разумно решать непосредственно стоящие перед ней проблемы. Именно это обстоятельство вызывает напряженное положение у многих крупных ученых, которые создавшуюся обстановку осознают глубже, чем простой человек. Обоснованная тревога за судьбу завоеваний науки, возможность злоупотребления ими со стороны людей заурядного, а подчас и слабого, ума, которые в общественном руководстве все еще могут найти себе применение, вызывает среди ученых этическое беспокойство. О серьезном характере этой опасности ясно свидетельствуют слова одного из крупнейших физиков нашего времени Нильса Бора: «Когда у меня возникает новая идея, я всегда ощущаю желание совершить самоубийство». Развитие оружия, которым распоряжается политическое руководство, отнюдь не останавливается на атомных или водородных бомбах и их носителях. Осваиваются действенные виды биохимического оружия, рассматривается возможность применения систем боевых средств с автоматической наводкой, расположенных на искусственных спутниках Земли, исследуются лазеры – квантовые генераторы излучения, которые позволяют практически сосредотачивать огромные энергии на одну точку, прирученных дельфинов предполагают использовать для разведки против подводных лодок и других мероприятий, современные открытия науки должны применяться для массового гипноза вражеских войск и т.п.

Классовые противоречия и различные великодержавные интересы заставляют политическое руководство прибегать к всевозрастающей гонке вооружений. Пропаганда обрабатывается в интересах народа, что эта деятельность проводится в его пользу и, следовательно, достойна всяческой поддержки. Патологический авантюризм некоторых политических систем в условиях современной технизации может иметь, однако, ужаснейшие последствия, которые заурядный ум многих власть имеющих, слепо идущих за своими групповыми интересами, не способен даже предвидеть. Когда-то безрассудство представителей человеческих обществ могло разразиться в ограниченных масштабах, например, путем уничтожения власти действия неспособного феодала. Сегодня оно представляет угрозу самому существованию человечества. Рост силы действия человечества решительно требует роста его интеллигенции. Петр Капица как-то отметил, что животное с маленькой головой и гигантским

телом, каким был, например ихтиосаурус, не имеет будущего. И человеческая голова составляет 5–10% человеческого тела, а это свидетельствует о том, что природа уделяет духовному развитию больше, чем многие государства. Разумеется, это относится не столько к количественной стороне общественной интеллигенции, сколько к ее качеству.

Одновременно с ростом силы действия политики накапливаются серьезные проблемы мировой цивилизации, которые не терпят отлагательств, но которые современное политическое руководство пока не способно решить. В первую очередь речь идет об относительно быстром отставании так называемого третьего мира, усугубленном взрывом рождаемости и проблемой питания в мире. Ненависть этих стран к технизированному миру будет возрастать, и пока это противоречие не будет решено, нельзя себе представить счастливое будущее любого государства. На фоне современной техники понятие независимых и нейтралистских народов теряет свой прежний смысл. В случае наличия возрастающей напряженности между отсталыми и технизированными государствами, по сравнению с которой уступает на задний план даже противоречие между социализмом и капитализмом, не исключена никакая, даже самая разрушительная и самая бессмысленная война. Наглядным примером этого являются политика и пропаганда сегодняшнего Китая и других стран, особенно их ориентация на производство самых современных боевых средств.

Некоторые люди рассматривают угрозу человеческому существованию в самой технике. Но «общественная опасность машины – как заявляет Винер – исходит не из самой машины, а от того, для какой цели она употребляется человеком». Только от решения людей зависит ее употребление или злоупотребление ею. Следовательно, в настоящее время угрозой обществу является, прежде всего, плохое руководство, уровень которого в некоторых сферах отстал, быть может, более чем на сто лет от требований современной техники.

Таким образом, благодаря техническому развитию возросли не только размеры экономического предпринимательства – мировые масштабы приобрело, прежде всего, политическое «предпринимательство». Поэтому оно обязательно должно избавиться от тех кустарных и, в известном смысле авантюристических условий, в которых экономическое руководство находилось еще в прошлом веке. В наше время оно требует политических деятелей с точно определенным профилем, а не людей считающих сами себя политическими деятелями.

Ни одна нормальная фирма, заинтересованная в своем самосохранении, не может себе сегодня позволить, чтобы во главе ее находилась «господствующая элита», которая не была бы одновременно «интеллектуальной элитой». А разве может себе позволить такую роскошь человечество, если оно не хочет потерять способность самосохранения? На политических деятелей вполне распространяется также вывод, сформулированный Д.Фуллером в отношении экономических менеджеров: способность руководить – это не только вторичный продукт служебного повышения. Нельзя надеяться, что найдутся врожденные политические деятели по принципу: «Бросай их в воду, пусть плавают». Если бы людям, призванным руководить, приходилось учиться только на собственных ошибках, которые они совершили на практике, то, быть может, при нынешнем уровне технизации от одной такой ошибки человечество могло бы вовсе не опомниться.

Редакция чехословацкого еженедельного журнала «Репортер», который освещает важные политические, экономические и культурные проблемы, обращается поэтому к крупнейшим ученым современного мира с предложением участвовать в анкете. Мы полагаем, что опубликованные ответы могли бы способствовать решению проблемы, которая, несомненно, беспокоит Вас и нас.

Проект анкеты:

«Парадокс технизированного и развивающегося мира»

Вопросы:

Считаете ли Вы все увеличивающийся разрыв между развивающимся и технизированным миром, усугубленный взрывом рождаемости и продовольственным положением в мире, главной проблемой современности? Если нет, то какая проблема, по Вашему мнению, более жгучая и почему?

Существует ли, по Вашему мнению, вероятная возможность злоупотребления самой современной техникой для военных целей? Вы оптимист или пессимист по вопросу самосохранения человечества?

Какая стратегия кажется Вам наиболее эффективной для устранения противоречия между технизированным и развивающимся мирами? Руководится ли этой стратегией какая-либо современная политическая система или государство?

Полагаете ли Вы, что сфера политического руководства в технизированном обществе должна как-то измениться? Считаете ли Вы традици-

онные формы демократии достаточными для руководства этим обществом?

Является ли угроза существованию человечества, если таковая существует, парадоксом самой техники или скорее парадоксом руководства или чего-то другого?

Мы были бы Вам благодарны, если бы Вы сочли возможным ответить на предложенные вопросы, которые, несомненно, беспокоят и Вас. Мы предполагаем опубликовать анкету в мае, поэтому мы приветствовали бы, если бы Вы могли нам ответить до конца апреля⁶.

Мы верим в наши совместные усилия, направленные на развитие мира.

С глубоким уважением,

М.САЙДЛЕР

заместитель главного редактора журнала «Репортер»
Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.167. Л.30–33. Машинопись.

Рис.3. На заседании Венского центра. А.М.Румянцев – первый слева.
Будапешт, 1971 г. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.124. Л.10б.)

⁶ К сожалению, пока не удалось установить – ответил ли А.М.Румянцев на вопросы чехословацкого журналиста, и, если да, то были ли эти ответы опубликованы.

ОТЧЕТ
советской делегации, участвовавшей в сессии руководящего
комитета (Совета директоров) Европейского центра по координации
исследований и документации в области социальных наук
Будапешт, 10–12 апреля 1969 г.⁷

Советская делегация (вице-президент АН СССР, акад. А.М.Румянцев, глава делегации, и ст. научн. сотр. ИМЭМО АН СССР, канд. ист. наук И.А.Лебедев) приняла участие в сессии Совета директоров Европейского центра по социальным наукам. В работе сессии участвовал также И.И.Митяев – секретарь по научным исследованиям Центра, от СССР.

На сессии присутствовали директора Центра: проф. Сабо (Венгрия), проф. Кнапп (Чехословакия), проф. Стетцель (Франция), проф. Робинсон (Великобритания), проф. Кершагль (Австрия), проф. Гренман (Голландия); президент Центра проф. Шафф (Польша); представитель генерального директора ЮНЕСКО, директор департамента социальных наук, проф. Альперт (США); доктор эк. наук Орт (Чехословакия), а также члены Секретариата Центра Петрелла (Италия), Келлерман (ФРГ), Орнауэр (Австрия) и директор Центра проф. Ведренн (Франция).

В ходе сессии обсуждались как общие вопросы, связанные с направлением деятельности Центра, так и более конкретные вопросы – состояние отдельных проектов (совместных международных исследований), публикация результатов исследований, осуществляемых в рамках Центра, формы финансирования деятельности Центра и пр.

Участники сессии одобрили предложение, высказанное в отчете президента Центра (проф. Шаффа), о целесообразности в дальнейшей деятельности Центра, дабы избежать «распыления» усилий участников и финансовых возможностей, выделить два–три главных проекта, осуществляя в то же время в дополнение к этим главным проектам еще 5–6 проектов «второго ранга».

Директора согласились, что из осуществляемых сейчас проектов следует рассматривать как главные – «Автоматизация и рабочий класс» (руководитель проекта – проф. Шафф, директор от СССР – чл.-корр. Тимофеев), «Критерии выбора между рыночными и нерыночными (общественными) путями удовлетворения потребностей населения» (директор от СССР – чл.-корр. Милейковский) и «Юношеская пре-

⁷ Авторский заголовок.

ступность» (советские научно-исследовательские учреждения в проекте не участвуют).

Был поднят вопрос о желательности проведения первого рабочего совещания по проекту «Автоматизация и рабочий класс» в СССР (ориентировочно в ноябре 1969 г.). Учитывая, что этот проект был включен в план деятельности Центра (в апреле 1968 г.) по инициативе советской стороны, советская делегация согласилась выяснить возможности проведения этого совещания в Москве.

На сессии по инициативе президента Центра рассматривался вопрос об издании раз в полугодие (в Венгрии) журнала, в котором публиковались бы итоги исследований, осуществляемых Центром. Советская делегация выразила определенные сомнения относительно возможности распространения подобного журнала в большом количестве экземпляров в Советском Союзе и других социалистических странах. Было решено, что директора дополнительно выскажут свое мнение после получения ими из Центра проспектов первых двух номеров предполагаемого журнала и после выяснения проф. Сабо реальных возможностей публикации этого журнала в Венгрии.

Проект нового статута Центра рассматривался на сессии в сугубо предварительном порядке. Все согласились, что после подробного ознакомления с проектом директора сообщат Секретариату Центра свое мнение и замечания письменно не позднее середины мая 1969 г. (с учетом того обстоятельства, что статут окончательно утверждается Исполкомом Международного совета социальных наук).

В ходе сессии в предварительном порядке были затронуты вопросы о намечаемом по инициативе ЮНЕСКО создании, по образцу Европейского центра, Африканского центра по социальным наукам, а также Центра по применению математики в социальных исследованиях (в Вене). Директора в целом положительно отнеслись к этому. Однако высказались в большей степени за моральную, а не материальную (из-за ограниченности финансовых ресурсов Европейского центра) поддержку этих новых начинаний.

Проф. Шафф информировал членов Совета директоров о намечаемом департаментом социальных наук ЮНЕСКО создании в Париже «Банка исходных данных» (по социальным наукам), в котором могли бы храниться данные по осуществляемым в Европе социальным исследованиям. Проф. Шафф (и проф. Альперт) сообщил, что в настоящее вре-

мя начинается предварительное выяснение готовности соответствующих научно-исследовательских учреждений в Европе участвовать в этом «банке».

Большое внимание на сессии было уделено проблемам финансирования деятельности Центра. Проф. Шафф подчеркнул, что к настоящему времени финансовое положение Центра несколько стабилизировалось, но сохраняется необходимость изыскания новых источников и новых форм финансирования. Он высказал мысль о необходимости добиться включения 1–2 главных проектов Центра, например, «Автоматизация и рабочий класс», в соответствующую программу ЮНЕСКО, что естественно должно привести к увеличению финансовых возможностей Центра. Проф. Альперт, высказывая свое «личное мнение», согласился, что это – реальный путь получения дополнительных субсидий от ЮНЕСКО. Проф. Шафф обратился к советскому директору и к другим директорам Центра с просьбой поставить соответствующий вопрос перед национальными комиссиями ЮНЕСКО и добиться их благожелательного отношения к включению 1–2 проектов Центра в общую программу ЮНЕСКО.

На сессии был затронут вопрос о возможных формах участия научно-исследовательских учреждений европейских социалистических стран в финансировании Центра. Было высказано пожелание, чтобы Советский Союз и другие социалистические страны последовали примеру Венгрии и открыли в соответствующих государственных банках специальные счета, которыми мог бы располагать Центр, и расходовать суммы с этих счетов в пределах соответствующей страны на мероприятия Центра с неременного согласия и одобрения соответствующего национального директора (поскольку это касается СССР, то речь идет фактически о ежегодном членском взносе АН СССР в Европейский центр в советских рублях, ориентировочно – 10 тыс. руб. в год). Советская делегация пообещала, что она будет содействовать благоприятному отношению соответствующих советских органов к данному пожеланию.

На сессии были одобрены финансовый отчет Секретариата Центра за 1968 г. и бюджет Центра на 1969 г.

Советская делегация на сессии внесла предложение об участии Центра в праздновании 100-летней годовщины со дня рождения В.И.Ленина. Это предложение было единогласно принято Советом директоров. Конкретные формы этого участия подлежат согласованию с президентом Центра.

Сессия Совета директоров прошла в нормальной рабочей обстановке. Ее участники неоднократно подчеркивали свое стремление к продолжению сотрудничества в области социальных наук в рамках Центра.

Во время сессии в Будапеште новый административный директор Европейского центра проф. Ведренн (Франция) высказал пожелание приехать в Советский Союз для установления непосредственных контактов с советскими научно-исследовательскими учреждениями – участниками проектов Центра и прежде всего с участниками проекта «Автоматизация и рабочий класс» (в сопровождении секретаря по научным исследованиям И.И.Митяева). Проф. Шафф, а также наш представитель в Центре И.И.Митяев считают приглашение проф. Ведренна в СССР весьма целесообразным и желательным.

вице-президент АН СССР,
академик, глава делегации

(А.М.Румянцев)

Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.169. Л.1–4. Машинопись.

Рис.4. А.М.Румянцев (слева) в Праге. Май, 1991 г. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.112. Л.74)

Краткий отчет о поездке в СФРЮ делегации экономистов Научной секции ССОД⁸

В течение 5–13 июня 1978 г. делегация экономистов Научной секции ССОД в составе Президента секции академика А.М.Румянцева и члена-корреспондента АН СССР П.Г.Бунича находилась в СФРЮ по приглашению Союза экономистов Югославии.

Делегация имела встречи и беседы по проблемам политэкономии социализма и экономическому механизму управления в Югославии во многих организациях, предприятиях, в частности:

- в национальном банке Югославии (с губернатором-председателем, членом правительства банка проф. Богоевым, ген. директорами отделов Д.Димитриевичем, М.Зегевичем и др.);
- в союзной организации общественного планирования Югославии (с ген. директором, членом правительства С.Меденица, двумя его заместителями и др.);
- в народном банке Македонии (с губернатором А.Макрадули, он же председатель СЭ⁹ Македонии);
- в республиканской организации общественного планирования Словении (с ген. директором и др.);
- в правительстве Словении (с зам. председателя Веча);
- в Союзе экономистов Югославии (с председателем проф. В.Черне и др.);
- в хозяйственной палате Македонии (с секретарем палаты);
- в хозяйственной палате Белграда (с зам. пред. проф. Вацичем);
- в Союзе экономистов Сербии (с пред. проф. С.Новаковичем и др.);
- на экономическом факультете Белградского университета (с деканом проф. С.Унковичем, проф. Янковым, проф. Павловичем и др.);
- на экономическом факультете Университета в Скопле (с деканом, академиком, группой профессоров);
- на экономическом факультете университета в Любляне (с деканом и др.);
- в организации общественного планирования Любляны (с ген. директором);

⁸ Авторский заголовок.

⁹ СЭ – Союз экономистов.

- в фирме «Интеримпекс» (с ген. представителем в Белграде В.Алчевски);
- на металлическом заводе в Скопле (с четырьмя зам. ген. директорами);
- на фармацевтической фабрике «Лек» в Любляне (с зам. ген. дирек., начальниками служб);
- в посольстве СССР (с послом Н.Н.Родионовым);
- в ДСК¹⁰ в Белграде (с директором М.А.Ураковым).

В результате бесед делегация получила информацию, по поводу которой с югославской стороны проведена дискуссия. Главное в этой информации с учетом оценок членов делегации состоит в следующем.

1. О концентрации хозяйственного механизма управления экономикой

Красной нитью серии реформ югославской экономики проходит идея о том, что труженики должны получать за свою работу полный результат труда (за вычетами на управление страной, оборону и т.д.), что позволит последовательно ликвидировать эксплуатацию одних людей другими, заинтересовать трудящихся в наиболее эффективной работе и активизировать их роль в управлении. С этой целью (в целом правильной, но реализованной, как будет показано ниже, в прямолинейном и одностороннем виде) провозглашено, что организации объединенного труда – новое название предприятий или первичных ячеек производства – полностью получают свой валовой доход (за указанными вычетами), делят его между собой и другими партнерами (в число партнеров попадают даже плановые органы, в т.ч. плановые службы своих сложных организаций, здравоохранение, просвещение, организации железнодорожного транспорта, водного хозяйства и др.). Остающаяся в ООТ¹¹ часть валового дохода распределяют на потребление и накопление, руководствуясь интересами обеспечения высоких доходов не только в настоящем, но и будущем. Фонд потребления внутри ООТ делится согласно сумме начисленных каждому работников баллов и общему размеру валового дохода, выделенного на потребление (без использования тверды тарифов и окладов).

Идея самоуправления доведена до критики государственной формы собственности, которая уже на современном этапе объявлена низшей

¹⁰ Здесь и далее, ДСК – Дом советской культуры.

¹¹ Здесь и далее, ООТ – организации объединенного труда.

формой социалистической собственности по сравнению с самоуправленческой.

Исходя из изложенного, производственные отношения «высшего» социализма характеризуются как отношения общественной собственности и следующих условий ее реализации: распределение по результатам труда и самоуправление. Они также включают в себя обмен и потребление.

В этой модели имеется ряд крупных противоречий. Во-первых, полная реализация общественной собственности, ее потенциальных возможностей немислима при допущении крупных диспропорций, неизбежно возникающих вследствие недостаточного развития централизованного планирования. Диспропорции же налицо – как в области группы «Б», так и в области группы «А». Характерны попытки югославских экономистов переводить слова «планомерность», «сознательность» управления, применяемые в русском переводе «Капитала» как самоуправление. В этом сказывается антиплановая направленность их доктрины.

Во-вторых, полная реализация общественной собственности не может быть совмещена с наличием безработицы, которая уменьшает как потенциальные производственные результаты, так и противоречит положению сохозяев общественной собственности. Между тем в Югославии 600 тыс. безработных и еще примерно 800 тыс. работает за границей.

В-третьих, полная реализация общественной собственности не может рассматриваться с позиций текущего дня. Здесь важно видеть и удовлетворять перспективу. Чтобы, в частности, ослабить «неравное право» в будущем важно выровнять положение людей по фактору образования. Это требует общественных фондов потребления и их перераспределения между республиками. В Югославии фонды перераспределяются крайне слабо. Поэтому различия в образовании преодолеваются медленно. Испытывается неравенство и в области здравоохранения.

В-четвертых, полная реализация общественной собственности предполагает примат решений, дающих обществу выигрыш, когда отдельные коллективы несколько теряют. Однако в Югославии, с декларированным приоритетом интересов ООТ, народнохозяйственного выигрыша над локальным реализовать чрезвычайно трудно. (понять это предложение невозможно) Чтобы действительно выполнить этот принцип, надо говорить не о равенстве партнеров в иерархии управления, а о полном праве управления каждого вышестоящего уровня на осуществление мероприя-

тий, максимизирующих эффект всей нижестоящей системы производственных единиц, о директивности управления при наличии самостоятельности ячеек, о демократическом централизме, а не о безбрежной, анархичной, односторонней самоуправленческой деятельности.

2. Экономическая доктрина и хозяйственная практика

В своей практической деятельности партийные, хозяйственные и банковские органы вынуждены вносить в доктрину изменения, суть которых сводится к более активному управлению экономикой, нежели это соответствует доктрине. В результате действие некоторых негативных процессов ослабевает.

Так, декретируется соотношение между доходами руководителей и минимальной оплатой труда. Как правило, оно равно 5:1, а в банках и внешнеторговых организациях 4:1. Тем самым пестрота личных доходов в определенной мере сглаживается, хотя между разными отраслями она составляет порядка 3:1, а между республиками – 2–1,5:1.

Существует ставка гарантированного личного дохода (в Македонии, например, 52% от средней зарплаты по республике).

В черной металлургии, энергетике, агропромышленном комплексе, машиностроении, туризме, автодорожном обслуживании и ряде других сфер деятельности (всего 14), составляющих 50–60% продукции страны, действуют директивные задания. Значительная часть цен – твердые.

Имеются попытки регулирования соотношения между «V¹²» и «V». Правда, они часто нарушаются. Доля «V» завышается, в т.ч. вследствие влияния уровня оплаты труда в ФРГ, Австрии, Швейцарии, Швеции, Голландии, куда уезжают многие югославские рабочие.

В особенности завышается доля «V» в отсталых республиках, что закрепляет их отставание на будущее. Возникающий дефицит накоплений покрывается кредитами банка за счет других предприятий (в пределах суммарного накопления), а также за счет иностранных вложений, которые в инвестициях составляют 30–50%. Соответственно увеличивается внешний долг, достигший 9 млрд. долл., уплата процентов по которому в инвестиционной части равна 300 млн. долл. в год.

Резкое, неоправданно высокое увеличение личных доходов отдельных лиц привело к появлению свободных средств. Эти средства имеются в виду вкладывать в производство, выдавать за это акции и начислять

¹² Здесь и далее: знак «V» несколько раз встречается в авторском тексте. Раскрыть смысл вставок и установить скрытые слова не удалось.

на них доход. Подобную систему оплаты за «прошлый труд» предложил накануне предстоящего съезда СКЮ¹³ Э.Кардель. По сути дела оправдывается нетрудовой доход от фактора производства – своеобразного капитала.

Фактическое регулирование экономики проявляется также в запрещении конкуренции между югославскими фирмами на мировом рынке, политике протекционизма по отношению к продаже отечественных товаров, установлении высоких таможенных сборов на иностранные товары, отборе предприятий по экспорту и импорту, распределении валютных фондов, банковской политике селективного (выборочного) кредитования, льготном кредитовании приоритетных отраслей и отсталых республик (на большой срок и под низкий процент), закреплении производственной направленности, основной специализации фирм и ряде других мер.

Особой сферой регулирования является жизненный уровень. Здесь применяются льготы при выдаче ссуд на покупку жилья, группа твердых цен, система пенсий, меры по стимулированию роста населения и др.

Применяемые методы воздействия на экономику (экономические и административно-партийные) сглаживают противоречия нынешней системы, но в основном их не устраняют.

3. Некоторый позитивный опыт

На предприятиях Югославии достаточно высока трудовая и производственная дисциплина, выпускается много продукции высокого качества и современного характера. Это явилось следствием прямой зависимости оплаты труда, всех хозрасчетных фондов от результатов производства. Хозрасчету уделяется большое внимание, он внедряется глубоко и широко.

Представляют интерес, в частности, следующие хозрасчетные формы и методы.

- 1) Значительная стимулирующая роль основного заработка (а не только премий).
- 2) Представление коллективам права на ускоренную амортизацию (с освобождением соответствующих накоплений от налога).
- 3) Бесперебойность оплаты счетов покупателями, которые при отсутствии средств вовлекают в оборот банковские ссуды (конкретная форма не лучшая – учет векселей).
- 4) Стимулирование расходования свободных средств с высокой

¹³ СКЮ – Союз коммунистов Югославии.

эффективностью – через начисление на них банковских процентов (до 7% годовых).

5) Имеются предложения о регулировании пропорции между «V» и «V» путем прогрессивного налога на рост оплаты труда сверх централизованно установленной средней оплаты.

4. Предложения по развитию контактов

Экономическая стратегия КПСС излагается в работах югославских авторов не вполне корректно. Открытие роли товарного производства при социализме выдается за чисто югославское достижение. В литературе критикуются как бы впервые советские авторы, ошибочность позиций которых с порога определена еще у вас. Тем самым искусственно создается впечатление о консерватизме взглядов советских ученых.

Для ослабления этой тенденциозной линии, усиления пропаганды и влияния нашей экономической мысли, позитивного обмена мнениями целесообразно, по нашему мнению, создать регулярный, постоянно действующий международный двусторонний симпозиум по актуальным экономическим проблемам, который мог бы собираться раз в 1–2 года поочередно в СССР и СФРЮ. Его тематика должна позволить последовательно и детально изучить конкретные вопросы, интересующие обе стороны. Многие югославские экономисты, в т.ч. из Союза экономистов, считают эту идею правильной и полезной.

В Университете в Скопле декан экономического факультета поставил вопрос о желательности расширения стажировки югославских студентов-экономистов, аспирантов и преподавателей в СССР. Думается, что эта просьба заслуживает внимания.

Необходимо также продумать пути распространения советской экономической литературы в Югославии, в т.ч. учебника по политэкономии, которого там нет, и который у нас просили некоторые ученые и практические деятели, серьезных исследований по хозяйственному механизму при социализме. Может быть, стоило бы посылать эти работы в ДСК в Белграде, отдельным югославским экономистам. В противном случае появляется односторонняя тенденциозная информация, а в ряде случаев – прямая дезинформация.

Академик
Член-корр. АН СССР

А.М.Румянцев
П.Г.Бунич

Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.170. Л.1–8. Машинопись.

Библиографический список

1. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С.Батыгин; Ред.-сост. С.Ф.Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. 683 с.
2. Румянцев А.М. Между наукой и политикой // Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов / Отв. ред. Г.Б.Старушенко. М.: Наука, 2001. С.170–187.
3. Социология и власть: Документы и материалы. Сб.1: 1953–1968 / Под ред. Л.Н.Москвичева. М.: Academia, 1997. 168 с.
4. Социология и власть: Документы и материалы. Сб.2: 1969–1972 / Под ред. Л.Н.Москвичева. М.: Academia, 2001. 200 с.
5. Социология и власть: Документы и материалы. Сб.3: 1973–1984 / Под ред. Л.Н.Москвичева. М.: Academia, 2003. 360 с.

Сергей Матвеев

**«ОН НЕ СТАРАЛСЯ СТРИЧЬ
НАШЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПРОШЛОЕ ПОД ГРЕБЕНКУ
ПРЕДВЗЯТЫХ СХЕМ...»**

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
Б.А.ЕВРЕЙНОВА В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
929

Борис Алексеевич Евреинов – историк, литератор и публицист, известный благодаря активной общественно-политической деятельности в среде русской эмиграции в Польше и Чехословакии. Исторические труды Б.А.Евреинова отражают развитие общественной мысли и научных подходов русских историков-эмигрантов. Работы ученого посвящены изучению истории русского крестьянства, в том числе и истории общины, либеральным начинаниям Александра I, жизни и деятельности М.А.Бакунина, а также истории Чешско-русских отношений.

Boris Alekseevich Evreinov is a historian, writer and publicist, known for his active social and political activities among the Russian emigration in Poland and Czechoslovakia. The historical works of B.A.Evreinov reflects evolution of social thought and scientific approaches of Russian historians-emigrants. The works of the scientist are devoted to the study of the history of the Russian peasantry, including the history of the rural community, the liberal undertakings of Alexander I, the life and work of M.A.Bakunin, and the history of Czech-Russian relations.

Ключевые слова: Б.А.Евреинов; Русское историческое общество в Праге; М.А.Бакунин; Александр I; община; П.Н.Миллюков.

Key words: B.A.Evreinov; Russian Historical Society in Prague; M.A.Bakunin; Alexander I; Rural Community; P.N.Milyukov.

E-mail: ceregamatveev@gmail.com

В эпоху глобальных перемен начала XX в. в России существенно возрос общественный интерес к исторической науке. Исторический перелом, вылившийся в революционные события, способствовал обращению к истории политиков и активному интересу к политической и общественной деятельности со стороны профессиональных историков. После октябрьского переворота многие из них не смогли принять новую власть и оказались в изгнании, где, несмотря на все трудности, смогли найти новые возможности для продолжения как научной работы, так и общественно-политической деятельности. Одним из таких историков был Борис Алексеевич Евреинов, известный как публицист и литератор, а также как участник и организатор политической жизни русской эмиграции в Польше и Чехословакии.

Б.А.Евреинов.

Из сборника «Записки Русского исторического общества в Праге. Кн.3. 1937 г.»

По канве судьбы

Борис Алексеевич Евреинов родился в селе Борщень Курской губернии 21 ноября 1888 г. (по старому стилю)¹ в семье Суджанского уездного предводителя дворянства статского советника

Алексея Владимировича Евреинова и Антонины Владимировны, урожденной Жекулиной. В 1907 г. Б.А.Евреинов окончил 3-ю классическую гимназию в Санкт-Петербурге и историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Среди университетских преподавателей Б.А.Евреинова следует отдельно выделить М.А.Полиевктова, от которого историк перенял интерес к биографическим исследованиям и русской истории XIX в. Историк окончил университет в 1911 г., однако защитил дипломную работу только в 1913 г., проведя два года на службе в лейб-гвардейском кирасирском полку. Осенью того же года Б.А.Евреинов впервые занялся общественной деятельностью. Он вступил в кадетскую партию и вернулся в Курскую губернию, где был избран мировым судьей, а позднее – уездным комиссаром Временного правительства. После октябрьского переворота Б.А.Евреинов не принял новую власть и перебрался в Киев, где работал ученым секретарем комитета министерства исповеданий Украинской державы. Весной 1919 г. историк вступил в ряды Добровольческой армии, был ранен в боях и в марте 1920 г. эвакуирован вместе с госпиталем в Салоники [44, с.210].

В эмиграции Б.А.Евреинов непродолжительное время жил в Югославии, затем перебрался в Польшу, где занимал ряд должностей в организациях русского зарубежья. В Варшаве историк стал одним из организаторов ячейки кадетской партии [37, с.89], а также принял активное участие в деятельности конспиративной структуры «Центр действия», занимавшейся организацией сопротивления большевикам в советской России.

В 1923 г. Б.А.Евреинов перебрался в Чехословакию, где продолжил заниматься общественно-политической деятельностью. Он сотрудничал с эсером С.С.Масловым в рамках организации «Крестьянская Россия»,

¹ *Биографии и научному наследию Б.А.Евреинова также посвящена статья А.В.Флоровского, в которой приводится другая дата рождения историка – 28 ноября 1888 г. [49]. Также некоторые авторы, например Е.П.Серapiroнова, приводят дату 24 ноября [44, с.209]. На наш взгляд, наиболее достоверна дата 21 ноября, поскольку она присутствует в статье С.Г.Пушкарева, помещенной в сборнике, посвященном памяти Б.А.Евреинова, где такая ошибка была бы недопустима [41].*

длительное время переписывался с П.Н.Милюковым и приложил немало усилий для объединения кадетов, группировавшихся вокруг П.Н.Милюкова, и эсеров – сторонников «Крестьянской России» в рамках Русского демократического союза. В Чехословакии Б.А.Евреинов продолжал заниматься конспиративной антисоветской деятельностью: он стал активным участником тайной организации «Опус», готовил к публикации материалы о гонениях на церковь, а также работал на радио, вещавшем на территорию СССР. Помимо политической деятельности Б.А.Евреинов принимал активное участие в культурной жизни русской эмиграции. Он являлся участником «Таверны поэтов», опубликовал ряд литературных произведений, а также выступил инициатором создания Русского музыкального общества в Праге [44, с.210–217].

В контексте научной эмиграции: новое о Б.А.Евреинове

Начало самостоятельной научной деятельности Б.А.Евреинова относится к моменту переезда историка в Чехословакию. Прежде всего, этому способствовала академическая среда, со-

стоявшая из русских ученых-эмигрантов, многие из которых со временем вошли в ближайшее окружение Евреинова. Среди них были такие известные историки, как Е.Ф.Шмурло, С.Г.Пушкарев, А.В.Флоровский и А.А.Кизеветтер. По представлению последнего Евреинов был зачислен в члены Русской учебной коллегии в Праге. В 1925 г. ученый выступил как один из организаторов Русского исторического общества (РИО) в Праге и впоследствии был избран его секретарем. В 1927 г. Б.А.Евреинов успешно выдержал магистерские испытания и спустя год получил звание приват-доцента [41, с.289].

Ценные сведения о научной деятельности Б.А.Евреинова дают материалы, опубликованные в третьем томе «Записок Российского исторического общества в Праге». Названный сборник был издан в 1937 г. в память о трех ученых, внесших наибольший вклад в работу Исторического Общества: Е.Ф.Шмурло, А.А.Кизеветтере и Б.А.Евреинове. Известный русский историк-эмигрант С.Г.Пушкарев написал для сборника биографический очерк о Евреинове, содержащий обзор его научной деятельности, а также составил полную библиографию изданных научных и литературных трудов историка. Во время написания статьи С.Г.Пушкарев пользовался материалами личного архива ученого, предоставленными женой историка – Натальей Сергеевной Евреиновой [41, с.291. Прим.1]. Изучая переписку С.Г.Пушкарева и Б.А.Евре-

инова [2, л.11–14], мы приходим к выводу, что их связывала не только научная работа, но и личная дружба, поэтому неудивительна осведомленность Пушкарева о биографии, планах и исторических воззрениях Евреинова. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся черновики этой статьи [1], которые не только отражают ход работы над текстом, но и содержат выписки из основных трудов Б.А.Евреинова. Это, во-первых, говорит нам о близком знакомстве исследователя с темой, а во-вторых, дает возможность ознакомиться с содержанием некоторых работ, недоступных современному российскому исследователю. Таким образом, учитывая личную осведомленность и активную работу непосредственно с источниками, мы можем считать сведения, сообщаемые С.Г.Пушкаревым, достоверными.

Публикаторский прорыв

Несмотря на то, что вскоре после смерти Б.А.Евреинова историками – членами РИО в Праге было начато изучение его научной и литературной деятельности, длительное время

труды и биография историка оставались незамеченными для широкого круга исследователей. В советской историографии единственное упоминание о Б.А.Евреинове можно найти в труде В.Т.Пашуто «Русские историки-эмигранты в Европе» [40], в котором дана характеристика одной из работ ученого. В результате открытия архивов и снятия идеологических ограничений на рубеже XX–XXI вв. стало возможным всестороннее изучение жизни и деятельности представителей русской эмиграции. Разносторонняя общественно-политическая, научная и культурная деятельность Б.А.Евреинова не могла не привлечь внимания современных исследователей, подтверждением чему служат публикации источников, отражающих научное и литературное наследие историка. Так, М.Д.Филиным в составе сборника «Первопрестольная: далекая и близкая. Москва и москвичи в литературе русской эмиграции» была переиздана статья Б.А.Евреинова «Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы» [17]. Кроме того, Е.П.Серрапионовой были опубликованы два публицистических очерка Б.А.Евреинова – «Правда о русской эмиграции» [25] и «Лицо политической эмиграции» [21]. Это – примеры литературы, переправлявшейся конспиративными организациями в СССР².

² *Анализу данных публицистических произведений Б.А.Евреинова также посвящена статья*

Отдельно следует отметить, что в 1997 г. сыном историка Алексеем Борисовичем Евреиновым был издан поэтический сборник, содержащий не публиковавшиеся ранее произведения Б.А.Евреинова, а также вступительную статью с краткой биографией автора [20]. А в 2004 и 2009 гг. А.Б.Евреинов издал мемуары, содержащие множество ценной информации о жизни русской эмиграции в Праге [10; 11].

Б.А.Евреинов в современной историографии

Среди работ современных исследователей³, специально посвященных жизни и деятельности Б.А.Евреинова, можно выделить статью В.Ю.Волошиной «Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции» [6], посвященную рассмотрению образа жизни и условий социальной адаптации семьи историка⁴, а также работу М.В.Соколова «Другая жизнь Бориса Евреинова» [46], в которой рассмотрена общественная и конспиративная деятельность историка. Биография ученого достаточно подробно описана во вступительной статье Е.П.Серапионовой к изданию публицистических очерков Б.А.Евреинова, в которой автор также касается вопросов изучения научного наследия историка [44]. Чаще всего современные исследователи обращаются к биографии и деятельности Б.А.Евреинова во время изучения какой-либо более крупной темы. Например, в работе «Соблазн активизма» М.В.Соколов в рамках рассмотрения конспиративно-политической деятельности организаций русских республиканцев-демократов подробно исследовал участие в их работе Б.А.Евреинова [47]. М.В.Ковалев в работе «Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы: исторические очерки» активно использовал мемуары А.Б.Евреинова, а также, основываясь на архивных источниках, осветил некоторые факты биографии Б.А.Евреинова [36]. Также общественно-политической деятельности Б.А.Евреинова в Польше касается историк С.В.Костерин в статье «Из истории варшавской группы конституционно-

Е.П.Серапионовой «Эмигранты о будущей России» [45].

³ *Отдельно следует отметить, что Б.А.Евреинову посвящена статья в издании «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь» [9].*

⁴ *Изучение социальной адаптации русских ученых-эмигрантов, в том числе и семьи Б.А.Евреинова, было продолжено В.Ю.Волошиной в работе «Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы» [5].*

демократической партии: переход от политической деятельности к благотворительной (начало 1920-х гг.)» [37].

Ряд исследователей изучал научное наследие Б.А.Евреинова. Например, Б.Сабо в статье «А.С.Пушкин в эмигрантском журнале “Русский архив”» (1928–1937)» [43] рассматривает помещенную в названном журнале статью Б.А.Евреинова «Князь П.В.Долгорукий и смерть Пушкина» [54], а исследователь Л.П.Лаптева в статье «Русские историки-эмигранты в славянских странах в 20–30-е годы XX в.» [39] перечисляет основные темы и работы историка, однако практически не анализирует их содержание.

**Вклад С.Г.Пушкарева
и перспективы изучения
наследия Б.А.Евреинова**

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что научное творчество Б.А.Евреинова, несмотря на интерес исследователей к его биографии и общественно-политической деятельности,

до сих пор изучено недостаточно полно. В большинстве трудов, посвященных Б.А.Евреинову, его научная работа представлена в общих чертах, слабо отражены связи с другими учеными, а также не проанализированы методы и подходы историка. Таким образом, можно говорить о том, что до сих пор единственной работой, содержащей более или менее полный анализ научного наследия Б.А.Евреинова, является статья С.Г.Пушкарева.

Из материалов библиографии, составленной С.Г.Пушкаревым, видно, что первыми работами Б.А.Евреинова, связанными с исторической наукой, стали статьи экономико-политического характера и рецензии на работы других ученых-историков в эмиграции. Ранние работы Б.А.Евреинова выходили в различных периодических изданиях общественно-политической направленности, таких как: ежемесячник «Крестьянская Россия» С.С.Маслова, варшавская газета «За свободу!», еженедельник «Родное слово», издаваемый для русского меньшинства Польши и Прибалтики, а также парижская газета «Последние новости», главным редактором которой являлся П.Н.Милюков [42, с.338–339].

С.Г.Пушкарев в разделе биографического очерка о научной деятельности Евреинова применил классификацию, основанную на научных интересах историка. Он разделил его научное творчество на несколько циклов. Первый посвящен эпохе Александра I, второй – истории русского

крестьянства, третий – исследованиям жизни и деятельности Бакунина, четвертый – истории русско-славянских отношений, в том числе и русско-чешских. Кроме того, историк выделил работы, анализирующие как конкретные исторические документы, так и связанные с вопросами евразийства.

История русского крестьянства в трудах Б.А.Евреинова

В 1926 г. было издано первое самостоятельное исследование Б.А.Евреинова – «Административное устройство крестьян по реформе 1861 г.» [12]. Интерес к подобной

тематике скорее всего обусловлен сотрудничеством Евреинова с организацией «Крестьянская Россия» и его близким знакомством с идеями С.С.Маслова. Так, тематика аграрной истории, впервые затронутая в публицистической статье «Сельско-хозяйственное образование в разных странах» [30], была продолжена в работах, посвященных истории русского крестьянства. Необходимо отметить также, что научный руководитель Евреинова А.А.Кизеветтер активно занимался изучением общины [35], что не могло не повлиять на выбор подобной тематики исследований.

В «Административном устройстве...», опираясь на переписку Я.И.Ростовцева с царем и официальные документы Редакционной комиссии, Б.А.Евреинов продемонстрировал эволюцию взглядов реформаторов, проанализировал состав Редакционных комиссий и показал борьбу различных точек зрения на основные вопросы организации местного управления. Евреинов не акцентировал внимания на причинах проведения реформы, упоминая только, что «вопрос об отмене крепостной зависимости... считался давно назревшим» [12, с.3]. Вместе с тем историк отметил, что ни общество, ни большинство реформаторов к осуществлению преобразований не были готовы. В рассматриваемой работе Евреинов продолжил линию, заложенную еще И.И.Иванюковым (на которого историк периодически ссылался), на представление хода реформы как борьбы за влияние на царя либерально настроенного меньшинства и консервативного большинства [32]. Главную же движущую силу реформы ученый видел в воле царя и его ближайшего окружения, что в целом коррелирует с позицией его научного руководителя А.А.Кизеветтера [34].

Особое внимание Б.А.Евреинов уделил роли общины в пореформенной системе. Одну из основных проблем он видел в противоречивости сохранения общины как независимой хозяйственной организации и наделении ее административными функциями, ограниченными дворянским управлением. По мнению историка, крестьянство оказалось в «сословной изоляции», а сложившаяся система административного управления «позволила правительству наложить руку на крестьянское самоуправление» [12, с.60].

Развивая тему изучения русской крестьянской общины, Б.А.Евреинов обратился к ее истории. В «Записках Русского института сельскохозяйственной кооперации» в 1927 г. была опубликована его статья под названием «Общинное владение (к вопросу об изучении русской общины)» [22]. Главной идеей этой работы является четкое разделение двух понятий: община как хозяйственный земледельческий союз и община как общественно-административная единица. Евреинов признавал, что крестьянское самоуправление на протяжении русской истории складывалось естественным путем, однако поземельно-передельную общину он считал искусственным формированием, время создания которого относится к эпохе Московской Руси. Возможно, в такой точке зрения прослеживается влияние идей П.Н.Милюкова, считавшего общину «продуктом владельческого и правительственного влияния», который был создан вотчинниками в интересах упорядочения наложения тягла на крестьян [7]. Подобной позиции, восходящей еще к представлениям Б.Н.Чичерина [3, с.6], придерживался и С.Г.Пушкарев, с единственным отличием в отнесении времени складывания такой общины к более позднему периоду русской истории [41, с.295. Прим.4].

Особняком в цикле работ, посвященных аграрно-административным вопросам, стоит статья «Русский администратор новейшей школы. Записка псковского губернатора Б.Обухова и ответ на нее», изданная в сборнике в честь 70-летия П.Н.Милюкова в 1929 г. [29]. Работа над этой статьей отразилась в письме Евгения Францевича Шмурло Б.А.Евреинову, написанном предположительно в июле 1929 г. Е.Ф.Шмурло писал: «Ваша статья построена на передаче того, что писал и написал Обухов..., излагает содержание записки, причем самый порядок передачи поставлен в зависимости от порядка, какого держится Об[ухов] в своем докладе. Получается впечатление, что Вас интересует не содержание записки, а сама записка как документ

исторический, точно это какой-то памятник, важный сам по себе» [3, л.60–60 об].

Действительно, можно утверждать, что источник в работе Б.А.Евреина рассмотрен в позитивистском ключе, однако в статье присутствует и аналитический фрагмент [29, с.493–495], возможно, появившийся как ответ на замечания Е.Ф.Шмурло. Так, автор выделил некоторые аспекты, позволяющие поставить источник в исторический контекст событий, связанных с изданием «Записки», и дал характеристику ее автору и издателям. Кроме того, историк отметил, что данный документ является одним из первых, в котором проявилась реакционная позиция, направленная против земств, и потому обратил внимание на реакцию на записку Министерства внутренних дел и связь документа с дальнейшей политикой властей в области сельского самоуправления.

**Б.А.Евреин
о России XVI–XVII вв.**

В сферу научных интересов Б.А.Евреина входило и изучение истории России XVI–XVII вв. Ученый готовил ряд статей и изданий источников, связанных с этой эпохой, однако опубликовать их он так и не успел. Единственной опубликованной работой, затрагивающей тематику средневековья (не считая ряда рецензий), стала вышедшая в 1927 г. в I томе «Записок РИО в Праге» статья Б.А.Евреина «Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы» [16]. В статье автор, основываясь на данных опубликованных источников, опровергал тезис евразийцев о мирном характере экспансии Московского государства на восток, начавшейся с завоеваний XVI в. и продолжавшейся вплоть до Петровской эпохи. Историк выделил ряд причин, приведших к столкновению русских колонизаторов и местных жителей: фискальные тяготы, национально-религиозная рознь и историческая память о наличии некогда независимых государственных образований кочевников. В целом, Евреин продолжил в этой работе линию ученика С.М.Соловьева Г.И.Петряковича, отметив ведущую роль московского правительства в освоении Поволжья, в особенности в деле умирения непокорных кочевников [50, с.493].

**Эпоха Александра I
как объект научного интереса
Б.А.Евреинова**

Важной сферой научных интересов Б.А.Евреинова являлось изучение эпохи царствования Александра I. Впервые к этой тематике историк обратился еще во время учебы в Петер-

бургском университете, представив дипломную работу «Преобразовательный план М.М.Сперанского 1809 г.» [41, с.287]. Снова к тематике Александровской эпохи Евреинов приблизился только в 1926 г., начав исследование истории декабристского движения. Так, в белградском сборнике «Призыв» вышла его статья «Пятеро казненных», посвященная психологической характеристике казненных представителей декабристского движения [27]. Спустя несколько лет историк приступил к составлению обширного «Критического обзора литературы о декабристах за последние 15 лет (1915–1930 гг.)». Обзор был предназначен для публикации в журнале «Zeitschrift für Slavische Philologie», однако остался непечатанным [41, с.294]. В архивах черновиков обзора обнаружить не удалось, поэтому единственным источником сведений о нем является статья С.Г.Пушкарева. Пушкарев писал, что Евреинов предложил следующую классификацию изданий, посвященных декабристам:

- *официальные материалы,*
- *частные материалы,*
- *общие очерки движения декабристов,*
- *книги и статьи, посвященные отдельным вопросам изучения декабристского движения,*
- *труды участников декабристского движения, а также художественная литература о них.*

В подобной классификации четко прослеживается понимание историком принципов классификации источников: например, в официальные он включил материалы следственного дела, а в частные – записки и воспоминания.

В ходе составления обзора историк пришел к следующему выводу: «Большого успеха достигли те исследователи (А.Е.Пресняков, С.Н.Чернов, М.В.Нечкина и др.), которые в своих работах о декабризме освободились от крайностей “культу” и “классового подхода”, стремились объективно использовать богатство и разнообразие источников для построения осторожных выводов и положений, прочно опирающихся на факты» [41, с.294]. В таком выводе прослеживается отношение Евреинова к

классовому подходу – он так же вреден, как и возведение в культ предмета исследования. Подобное отношение к классовому подходу присутствует и в других работах Евреинова, например, в статье, посвященной «Исповеди» М.А.Бакунина. Историк считал, что объяснение отрицательных черт характера философа только особенностями его происхождения неприемлемо, поскольку такие качества встречаются во «всех классах населения» [18, с.102].

В 1928 г. вышла статья «Реформа высших государственных учреждений в России в царствование императора Александра I», основанная на материале доклада, который был прочтен Евреиновым на конференции историков Восточной Европы и славянского мира [28]. В этой работе, рассмотрев борьбу политических и административных идей, предшествовавших реформе, а также результаты преобразований, историк пришел к следующему выводу: «Пусть реформы, произведенные Александром, во многом были противоречивы и неполны – надлежит все же признать, что преобразования Александровской эпохи установили в России правовой государственный строй и способствовали внедрению в государственную жизнь начала законности» [Цит. по 41, с.293]. Таким образом, Б.А.Евреинов продолжил линию дореволюционных научных школ и, отталкиваясь от представлений А.А.Кизеветтера, признавал серьезность увлечения Александром I либеральными идеями [33].

Продолжая изучение либеральных начинаний Александра I, в начале 1930-х гг. Б.А.Евреинов обратился к вопросу об источниках и обстоятельствах создания конституции Царства Польского 1815 г., однако результаты его работы были опубликованы только в 1937 г. в сборнике РИО в Праге, посвященном памяти историка [19]. Поводом для написания работы послужила публикация Марией Хмелёвской исследования, посвященного «Польскому вопросу» в 1812–1813 гг., в приложении к которому было опубликовано несколько документов из переписки князя Адама Чарторыйского с царем [51]. М.Хмелевская выдвинула тезис, что один из опубликованных документов – «Мемуар» и дополнения к нему легли в основу Конституции 1815 г. Б.А.Евреинов сравнил положения «Мемуара» и «Основы польской конституции», составленные Чарторыйским, с конституциями Речи Посполитой 3 мая 1791 г., герцогства Варшавского 1807 г., различными проектами конституции для Великого княжества Литовского и итоговым текстом Конституции 1815 г. В результате такого сравнения историк сделал вывод о значительной

отдаленности Конституции 1815 г. от идей Чарторыйского, однако между остальными конституционными проектами ученый отметил сходные черты – «некоторый традиционализм в развитии польской государственной мысли» [19, с.337]. Кроме того, анализируя взаимоотношения Александра I и князя Адама Чарторыйского, Б.А.Евреинов заключил, что князь А.Чарторыйский в то время не имел достаточного влияния и возможности оказать давление на царя в польском вопросе. Другой вывод в том, что «восстановление» Польши и дарование ей конституции были «*idée favorite*» императора и его собственным «капризом», на который повлияли обстоятельства внешней политики [19, с.331].

Б.А.Евреинов был очень осторожен в выводах, он не давал четкого ответа на вопрос об источниках польской конституции, отмечая только, что материал, опубликованный М.Хмельёвской, не может «обогащать наши сведения» по данному вопросу [19, с.337]. Работа Б.А.Евреинова находится на высоком методологическом уровне, в ней прослеживается то, как историк работал с текстом источника. Помимо непосредственно текстологического анализа в сравнении различных проектов конституции прослеживается и составляющая, близкая к компаративистике. Кроме того, историк продолжал следовать комплексному подходу к источникам, рассматривал их в контексте сходных документов и отмечал влияние на создание источников личностей авторов и внешних обстоятельств.

«Бакунинский цикл»

В сферу научных интересов Б.А.Евреинова входило также изучение жизни и деятельности М.А.Бакунина. Впервые к изучению наследия философа Евреинов обратился в 1930 г., когда во втором томе «Записок Русского исторического общества в Праге» вышла его статья с анализом «Исповеди» Бакунина [18]. Работа интересна тем, что «Исповедь» в ней рассмотрена как исторический источник, при анализе которого Б.А.Евреинов уделил большое внимание условиям создания и бытования текста, а также отражению в нем психологического состояния автора, его личности и взглядов.

Приступая к рассмотрению источника, Б.А.Евреинов поставил следующие вопросы: «...был ли Бакунин искренен, когда писал свою “Исповедь”, ... действительно ли он каялся в своих прегрешениях или вся

“Исповедь” не что иное, как сознательный и ловкий обман, притворство, к которым узник прибег для облегчения своей участи... Допустимо ли было для такого революционера типа Бакунина просить милости у царя и обращаться к нему со словами верноподданническими, покаянными и даже льстивыми?» [18, с.99]. Отвечая на них, историк остановился на психологической характеристике М.А.Бакунина. Б.А.Евреинов признавал «сильные качества» Бакунина, среди которых «кипучая энергия, широкий ум, диалектические способности, вера в свое призвание, личная храбрость, стремление к благу человечества» [18, с.101]. Но при этом историк ярко на основе источников продемонстрировал и другую, «темную» сторону личности философа, проявлявшуюся в «значительной доле лукавства» Бакунина, плохом отношении к родителям, желании вмешиваться в дела друзей, конфликте с Катковым и т.д. Евреинов писал: «Натура Бакунина не была монолитной и бескомпромиссной ... Но не моральная оценка личности Бакунина сама по себе интересует меня в данный момент; я стремлюсь лишь на основании всего нам известного из биографии и характера Бакунина попытаться объективно объяснить самый факт написания им Исповеди и определить ее сущность» [18, с.104–105].

Историк подошел к «Исповеди» как к источнику сложному и многогранному, в изучении которого неприменимы устоявшиеся штампы. Первое, на что обратил внимание Б.А.Евреинов, – события, предшествовавшие написанию «Исповеди». Бакунин написал это произведение после активного участия в революционных событиях в Европе, заточения в Саксонии и Австрии и последующей выдачи в Россию с помещением в Петропавловскую крепость, где император и предложил философу написать записку, «как духовный сын пишет духовному отцу» [18, с.100]. Кроме того, Б.А.Евреинов отметил отношение Бакунина к царю и его ближайшему окружению. Историк писал: «Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что революционерам первой половины XIX в., вышедшим из среды помещичье-дворянской или военной, чуждо было чувство ненависти в отношении слуг самодержавного режима и самого самодержца» [18, с.105]. Таким образом, Евреинов коснулся мышления Бакунина как представителя дворянской среды, взаимодействие которого с царем и другими дворянами не может рассматриваться как «падение великого ума» [18, с.124]. Подобное объяснение и отказ от трансляции современного образа мышления на

деятели прошлого выглядит актуально и по сей день, что говорит о высоком методологическом уровне исследования историка.

В «Исповеди» Б.А.Евреинов выделил два слоя. Первый – внешний, где Бакунин кается, и второй, представленный Бакуниным-агитатором, желающим оказать влияние на царя. Историк писал: «Надо заслужить похвалу не только униженным покаянием в “прегрешениях”, но и благородством стремлений и целей, надо доказать, что цели Бакунина могут стать и целями русского самодержца, что взгляды запертого в каземате государственного преступника могут быть близкими и симпатичными императору всероссийскому» [18, с.116]. Такое глубокое понимание сути «Исповеди» встречается впервые в историографии. Оно развивает идеи Б.Козьмина и А.Е.Борового [18, с.122] о том, что Бакунин если и каялся в чем-то в «Исповеди», то только в методах борьбы, но никак не отрекался от собственных идей. На фоне понимания «Исповеди» как обмана для достижения цели – освобождения (Ю.М.Стеклов) [48] или как потребности революционера в контакте с врагом (Ян Кухажевский) [55] – понимание Евреинова выглядит более глубоким и научным.

В анализе «Исповеди» прослеживается другой подход к источнику, нежели в работе, посвященной рассмотрению записки Обухова. Б.А.Евреинов не стремился передать содержание источника, а внимательно проанализировал его, основываясь на критике и комплексном подходе. Историк рассмотрел «Исповедь» как в свете событий, относящихся к моменту ее создания, так и в контексте других источников, не только содержащих реакцию на «Исповедь» или отразивших историю текста. Он сравнил ее с исповедями других революционеров XIX в., в чем прослеживается влияние источниковедческой школы Ключевского [8, с.68].

Изучая биографию М.А.Бакунина, Б.А.Евреинов обратился к его деятельности как идеолога революционной борьбы в Европе и, в частности, борьбы славянских народов за независимость. В 1931 г. на русском и чешском языках была опубликована статья «Бакунин и Палацкий» [13; 52]. В этой работе историк показал столкновение на славянском съезде в Праге в 1848 г. носителей двух противоположных идей: революционера Бакунина, политическим идеалом которого было разрушение Австро-Венгрии и передача земли в руки трудящихся, и «австрослависта» Палацкого, сторонника построения правовой конституционной монархии, а также установления на землях Австро-Венгрии парламентского и

федеративного строя. Примечательно, что историк рассматривал не только противостояние политических программ Бакунина и Палацкого, но и обратил внимание на отражение в них характеров политиков. «Бурно-пламенный Бакунин, мятущийся, непоследовательный, страстный; народный трибун, обращающийся непосредственно к массам и ненавидящий учреждения, скованные внешними формами..., в политических программах Бакунина проявляются беспочвенность, незнание среды, незнакомство с той конкретной исторической обстановкой, в которой ему приходилось действовать... Другое дело – Палацкий. Беспочвенным он никогда не был... Он знал нужды своего народа, но трезво оценивая действительность, он умел из этих нужд для данного момента выбирать те, которые казались ему наиболее существенными» [Цит. по: 41, с.297].

В 1933 г. вышла статья «Последний этап славянской деятельности М.А.Бакунина» [24], в которой историк описал «новый поворот славянских симпатий и интересов Бакунина» [41, с.299]. Б.А.Евреинов отметил падение интереса Бакунина к Чехии и увлечение философа идеей подъема национального восстания в Польше. Евреинова интересовала не столько сама деятельность Бакунина, сколько трансформация его идей: «В вопросе об отношении Бакунина к славянству эпоха начала 60-х годов является весьма характерной, потому что она обнаруживает в Бакунине стремление глубже продумать и точнее определить место, значение и отличительные особенности славянского мира в окружающей жизненной обстановке» [41, с.102].

Исследуя позицию Бакунина по славянскому вопросу, историк пришел к выводу о схожести взглядов философа и славянофилов. Панславизм для Бакунина «есть немце-ненависть», а в работах 1860-х годов он осуждал петровские реформы, восхищался общиной, верил в особую роль славянства в мировой истории – все это, по мнению Евреинова, сближало Бакунина со славянофилами. Говоря об отношении Бакунина к романо-германской культуре, историк отметил, что, несмотря на политическое неприятие немцев, германскую культуру как высокое проявление человеческого духа, Бакунин глубоко ценил. Тему сопоставления славянских идей Бакунина и славянофилов Евреинов развил в статье «Бакунин и славянский съезд 1848 г. в Праге», изданной уже после смерти автора в 1936 г. [14]. Отмечая сходство названных идей, историк выделил существенные различия между ними. Бакунину чужды были религиозные

мотивы, симпатии и конфессиональные установки славянофилов так же, как и последним были чужды революционно-республиканские идеи.

Бакунинский цикл занимает значимое место в научном наследии Б.А.Евреинова. В нем явно прослеживается целостность и последовательность научной работы историка. По словам С.Г.Пушкарева, «многочисленные и ценные работы Б[ориса] А[лексеевича] Евреинова о Бакунине... должны были в дальнейшем сложиться в большую монографию, значительную и ценную для истории как русских, так и европейских общественно-политических движений и идеологий» [41, с.300]. Действительно, многогранный подход к литературному наследию М.А.Бакунина и его личности способствовал появлению у исследователя уникальных оценок и выводов. Отдельно необходимо отметить высокое качество работ, посвященных Бакунину. В них присутствует весь необходимый научно-справочный аппарат, выводы обоснованы и построены на тщательном изучении источников, к которым автор относился с необходимым вниманием, демонстрируя при их анализе достаточно высокий уровень методологии.

**Б.А.Евреинов:
открытия в архивах**

Отдельно необходимо упомянуть об архивной работе Б.А.Евреинова. Историк обследовал частные архивы князя Шварценберга и графа Чернина на предмет наличия в них документов, отражающих российско-чешские связи XIX в. [23]. Также историк активно работал с материалами ведомственных архивов. Например, на материалах архива министерства внутренних дел была написана статья «Ю.Ф.Самарин в Праге в 1867–1868 гг.» [31]. Основываясь на переписке полиции Праги и представителей австрийского правительства, а также ряде других источников, Евреинов восстановил полную картину пребывания Самарина в Праге. Вместе с тем были выявлены и причины беспокойства австрийских властей: Ю.Ф.Самарина рассматривали как опасного агитатора, контактирующего с представителями чешской общественности, ратующими за независимость. Однако Б.А.Евреинов рассмотрел официальную переписку о поездке Самарина в контексте других источников и подтвердил позднейшие предположения австрийской полиции об исследовательском и деловом характере поездки.

Представитель московской исторической школы

В подходах ученого, выборе тем для исследований и оценках отдельных исторических фактов прослеживается явное влияние историков – представителей московской исторической

школы. Среди них наиболее заметно влияние научного руководителя А.А.Кизеветтера и коллеги по РИО в Праге Е.Ф.Шмурло. Признание влияния и благодарность А.А.Кизеветтеру со стороны Евреинова можно обнаружить в заметке «Профессор А.А.Кизеветтер (памяти учителя)» [26]. Активное научное сотрудничество с Е.Ф.Шмурло помимо переписки подтверждается публикациями в итальянских журналах [53], с которыми Шмурло поддерживал активные научные связи [4, с.154]. В работах Евреинова прослеживается влияние П.Н.Милюкова, с которым Евреинов активно контактировал по различным вопросам, связанным с общественно-политической деятельностью. Историк был очень близко знаком с научным творчеством Милюкова, о чем говорит подробная библиография, составленная им для парижского сборника, приуроченного к юбилею политического деятеля и ученого [15].

Очень характерна оценка, данная С.Г.Пушкаревым Евреинову: «В подходе его к разработке отдельных вопросов русского исторического прошлого всегда сказывалась его серьезность и объективность. Он не старался стричь наше историческое прошлое под гребенку каких-либо предвзятых схем или концепций, старался воздавать каждому должное “по делам его”, не гнался за хлесткой публицистической фразой, чтобы опорочить или осмеять бывших носителей власти ... В вопросе о роли так называемых “Исторических законов” и об отношении между личностью и исторической средой Б[орис] А[лексеевич] Евреинов] был последователем своих идейных учителей – Ключевского – Милюкова – Кизеветтера – но и эти взгляды выдаются в его сочинениях не в виде предвзятой и исповедуемой системы, а лишь в отдельных, к случаю сделанных замечаний» [41, с.303].

Произведенный нами анализ полностью подтверждает характеристику, данную С.Г.Пушкаревым. Помимо этого необходимо отметить, что от коллег и учителей Евреинов воспринял источниковедческий подход В.О.Ключевского. Комплексный подход к источникам и большое внимание к отражению в них аспектов социальной истории выдают явное влияние московской научной школы. Однако историк испытывал и влияние

позитивистской методологии, что иногда выливалось в увлечение фактографией или же в детальную передачу содержания источника.

Примечательно, что, занимаясь в семинаре Г.В.Вернадского – одного из основателей евразийской теории, Б.А.Евреинов оказался в лагере противников евразийства. Особенно ярко позиция Евреинова проявилась в статье о русской колонизации Поволжья, что даже дало повод В.Т.Пашуто написать следующее: «При некоторой односторонности статьи, игнорирующей прогрессивную сторону русской колонизации, она содержит обильные данные этнической инфильтрации русского населения и особенно, о выступлениях местного и русского населения против феодальной власти в XVI–XVII в.» [40, с.58].

**Лишь на первый взгляд –
разрозненно и фрагментарно**

Научное творчество Б.А.Евреинова представляет интерес не только само по себе, но и как историческое явление, обусловленное социально-историческим контекстом эпохи.

Научное наследие историка лишь на первый взгляд кажется разрозненным и фрагментарным, однако при его внимательном рассмотрении заметно, что Б.А.Евреинов создал уникальный корпус работ, связанных как тематически, так и идейно. В выборе вектора исследований проявилось влияние либерально-демократической политической среды, что привело к изучению демократического наследия декабризма, либеральных начинаний эпохи Александра I, истории крестьянства, общины и проектов славянских федераций Бакунина. В этих работах Б.А.Евреинов развивал подходы дореволюционных научных школ и уделял большое внимание источникам, что способствовало появлению у исследователя уникальных оценок и выводов. Часть трудов ученого так и осталась неопубликованной в связи с его ранней смертью 29 октября 1933 г., а опубликованные научные работы были изданы малыми тиражами, что в условиях эмиграции ограничивало знакомство с ними научного сообщества. Данные факторы не дали трудам историка занять заметное место в историографии изучаемых им вопросов, и потому широкую известность получила только политическая и общественная деятельность Б.А.Евреинова.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-5891. Оп.1. Д.24.
2. ГАРФ. Ф.Р-5891. Оп.1. Д.170.
3. ГАРФ. Ф.Р-6077. Оп.1. Д.2.
4. Беляев С.А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып.5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М.: Наука, 2003. С.149–157.
5. Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 439 с.
6. Волошина В.Ю. Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции // Мир историка. 2007. №3. С.244–258.
7. Воронцов В.П. К истории общины в России. М.: Типолитограф. т-ва И.Н.Кушнерев и К°, 1902. 164 с.
8. Данилевский И.Н., Кабанов В.В. и др. Источниковедение. М.: институт «Открытое общество»; РГГУ, 2004. 701 с.
9. Демина Л. Б.А.Евреинов // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С.230–231.
10. Евреинов А.Б. Между двумя эмиграциями. Лувэн-ла-Нев: Б.и., 2009. 132 с.
11. Евреинов А.Б. Чешская рапсодия. Дни минувшие в событиях, портретах, размышлениях. Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М.Шукшина, 2004. 73 с.
12. Евреинов Б.А. Административное устройство крестьян по реформе 1861 г. Прага: типография Лингва, 1926.
13. Евреинов Б.А. Бакунин и Палацкий // Центральная Европа. 1931. №1. С.29–37.
14. Евреинов Б.А. Бакунин и славянский съезд 1848 г. в Праге // Записки русского научного института в Белграде. 1936. Вып.13. С.131–160.
15. Евреинов Б.А. Библиография печатных трудов П.Н.Милокова (1886–1930) // П.Н.Милоков. Сборник материалов в честь его семидесятилетия. 1859–1929. Париж: Родник, 1930. С.30–51.
16. Евреинов Б.А. Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы // Записки РИО в Праге. 1927. Кн.1. С.57–79.
17. Евреинов Б.А. Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы // Первопрестольная: далекая и близкая. Москва и москвичи в литературе русской эмиграции: в 2-х т. Т.1. М.: Русский мир, 2003. С.277–304.
18. Евреинов Б.А. «Исповедь» М.А.Бакунина // Записки РИО в Праге. 1930. Кн.2. С.95–124.
19. Евреинов Б.А. К вопросу об источниках польской конституции 1815 г. // Записки РИО в Праге. 1937. Кн.3. С.318–337.
20. Евреинов Б.А. Книга стихов. М.: Б. и., 1997. 128 с.
21. Евреинов Б.А. Лицо политической эмиграции // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. М.; СПб.: Нестор-история, 2016. С.226–251.
22. Евреинов Б.А. Общинное владение (к вопросу об изучении русской общины) // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. 1927. Кн.5. С.154–168.

23. Евреинов Б.А. Отчет Б.А.Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварцберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Инджирском Градце // *Ročenka Slovanského ústavu*. 1931. Sv.IV. S.114–116.
24. Евреинов Б.А. Последний этап славянской деятельности М.А.Бакунина // *Научные труды Русского народного университета в Праге*. 1933. Т.V. С.98–109.
25. Евреинов Б.А. Правда о русской эмиграции // *Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике*. М.; СПб.: Нестор-история, 2016. С.218–226.
26. Евреинов Б.А. Профессор А.А.Кизеветтер (памяти учителя) // *Наше время*. 1933. №17 (728).
27. Евреинов Б.А. Пятеро казненных (Бестужев-Рюмин, Каховский, Муравьев-Апостол, Пестель, Рылеев) // *Призыв*. 1926. №4. С.56–61.
28. Евреинов Б.А. Реформа высших государственных учреждений в России в царствование императора Александра I // *Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du monde slave*. Varsovie, le 28–29 juin 1927. II-me partie. Varsovie, 1927. P.63–85.
29. Евреинов Б.А. Русский администратор новейшей школы. Записка псковского губернатора Б.Обухова и ответ на нее // *Сборник статей, посвященных П.Н.Милокову*. 1859–1929. Прага: типография Орбис, 1929. С.479–495.
30. Евреинов Б.А. Сельскохозяйственное образование в разных странах // *Крестьянская Россия*. 1924. Кн.7. С.162–171.
31. Евреинов Б.А. Ю.Ф.Самарин в Праге в 1867–1868 гг. (по материалам пражской полиции) // *Сборник Русского института в Праге*. 1929. Т.I. С.333–350.
32. Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. СПб.: Изд. т-ва Общественная польза, 1903. 395 с.
33. Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // *Кизеветтер А.А. Исторические очерки*. М., 1912. С.287–401.
34. Кизеветтер А.А. Император Александр II и реформа 19 февраля 1861 года // *Освобождение крестьян: деятели реформы*. М.: Научное слово, 1911. С.VII–XXXIII.
35. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Университетская типография, 1903. 810 с.
36. Ковалев М.В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930е годы: исторические очерки. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т имени Ю.А.Гагарина, 2014. 154 с.
37. Костерин С.В. Из истории варшавской группы конституционно-демократической партии: переход от политической деятельности к благотворительной (начало 1920-х гг.) // *Вестник РГГУ*. 2014. №19 (141). С.88–96.
38. Криницкая С.Г. Особенности формирования Русского государства в исторической концепции Б.Н.Чичерина // *Вестник Томского государственного университета*. 2003. №276. С.63–70.
39. Лаптева Л.П. Русские историки-эмигранты в славянских странах в 20–30-е годы XX в. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2016. Т.11. С.40–54.
40. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 398 с.
41. Пушкарев С.Г. Б.А.Евреинов. Биографический очерк // *Записки РИО в Праге* 1937. Кн.3. С.287–303.
42. Пушкарев. С.Г. Библиография печатных трудов Б.А.Евреинова // *Записки РИО в Праге* 1937. Кн.3. С.338–344.

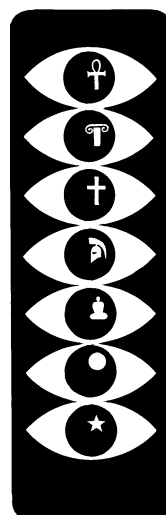
43. Сабо Б. А.С.Пушкин в эмигрантском журнале «Русский архив» (1928–1937) // Русская литература и журналистика в движении времени. 2018. №1. С.286–307.
44. Серапионова Е.П. Б.А.Евреинов о русской эмиграции // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. М.; СПб.: Нестор-история, 2016. С.209–218.
45. Серапионова Е.П. Эмигранты о будущей России // Славяноведение. 2017. №4. С.31–40.
46. Соколов М.В. Другая жизнь Бориса Евреинова // Новый журнал. 2008. Кн.251. С.378–404.
47. Соколов М.В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М.: Азбуковник, 2011. 568 с.
48. Стеклов Ю.М. М.А.Бакунин, его жизнь и деятельность: в 3-х т. Т.1. М.: Издательство Коммунистической академии, 1926. 564 с.
49. Флоровский А.В. Борис Алексеевич Евреинов // Ročenka Slovanského ústavu. 1935. Sv.V – VII. S.320–325.
50. Цыганова Я.М. Среднее Поволжье в работах историков и краеведов второй половины XIX – начала XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17, №3 (2). С.490–498.
51. Chmielowska M. Z materiałów do sprawy polskiej w r. 1812–1813 // Rocznik Zakładu Narodowego imienia Ossolinskich. 1927. Tom I. S.1–33.
52. Evreinov B.A. Bakunin i Palacki // Руски Архив. 1931. XIV–XV. С.55–64.
53. Evreinov B.A. Recensione: Prof. F.V. Taranovskij. Elementy osnovnykh zakonov v Uloženíi carja Alekseja Michajloviča // L' Europa Orientale. 1931. Anno IX. №3–4. P.152.
54. Evreinov B.A. Кнез П.В.Долгоруков и Пушкинова смрт // Руски архив. 1933. XXII–XXXIII. С.96–120.
55. Kucharzewski I. Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk: Tower Press, 2000. 325 s.

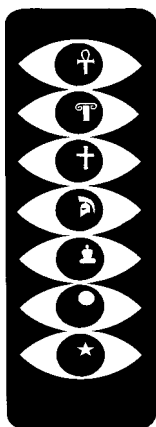
Когда могущество государства и нации объявляются большей ценностью, чем человек, то в принципе война уже объявлена, все для неё уже подготовлено духовно и материально, и она в любой момент может возникнуть.

Николай Бердяев

Общество не консервативно,
когда оно не видит, что сохранять.
Дайте ему что положительного
и увидите, что оно будет консер-
вативно.

Ф.М.Достоевский

Любовь Мельникова

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ
ВОЙНА 1877–1878 гг.
В ВОСПРИЯТИИ
ПОЛКОВЫХ
СВЯЩЕННИКОВ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94 (47).072

В статье анализируются письма, дневники и воспоминания полковых священников – участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: Вакха Гурьева, Александра Цитовича, Иоанна Софронова, Анатолия Лебедева и Григория Лапишина. В них нашли отражение непосредственная деятельность армейских пастырей, их отношения с солдатами и офицерами, значение религии в жизни русского воина, восприятие духовенством освобождаемых «братьев-болгар». Подчеркивается, что записки полковых священников содержат много ценных наблюдений за происходившими событиями и раскрывают перед исследователями не столько внешнюю, сколько внутреннюю (повседневную и духовно-нравственную) сторону войны.

The article analyzes the letters, diaries and memoirs of regimental priests who participated in the Russian-Turkish war of 1877–1878: Vacchus Guryev, Alexander Tsitovich, John Sofronov, Alexander Lebedev, Grigory Lapshin. They reflect the direct activities of army priests, their relations with soldiers and officers, the significance of religion in the life of a Russian soldier, and the perception of Bulgarian brothers by priests. It is emphasized that the notes of the regimental priests contain many valuable observations of the events taking place, and reveal to researchers not so much the external as the internal (everyday, spiritual and moral) side of the war.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг.; армия; военное духовенство; православие; раненые и больные воины; болгары.

Key words: Russian-Turkish war of 1877–1878; army; military clergy; Orthodoxy; wounded and sick soldiers; Bulgarians.

E-mail: melnikova-lv@mail.ru

В Российской империи военное духовенство представляло собой особую категорию духовного сословия. Полковые священники делили со своей паствой все тяготы военной службы, нередко подвергаясь опасности и рискуя жизнью. Они не только удовлетворяли религиозные потребности солдат и офицеров через совершение богослужений и исполнение христианских треб (что само по себе было важно для моральной поддержки воинов в напряженной военной обстановке), но также являлись для них духовной опорой. Православная составляющая имела огромное значение в воспитании русского воинства, в укреплении его боевого духа. Последний протопресвитер русской армии и флота Г.И.Шавельский подчеркивал, что «роль священника в армии – почтенная и ответственная роль, роль молитвенника, просветителя и вдохновителя русского воинства» [21, с.283].

Записки полковых священников как исторический источник

Источники по истории военного духовенства представлены, в основном, делопроизводственной документацией, львиную долю которой составляют послужные списки армейских

священников и приказы об их награждениях, слишком краткие и лаконичные в силу своей специфики. Документов личного происхождения (писем, мемуаров, дневников), вышедших из-под пера представителей военного духовенства, за весь имперский период известно крайне мало, при этом сразу несколько из них относятся ко времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Среди них письма священника 9-го гренадерского Сибирского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего полка, благочинного 3-й гренадерской дивизии Вакха Гурьева, записки священника 56-го пехотного Житомирского полка, благочинного 14-й пехотной дивизии Александра Цитовича, дневник священника 19-го пехотного Костромского полка Иоанна Софронова, походный дневник священника 8-го гренадерского Московского Великого Герцога Фридриха Мекленбургского полка Анатолия Лебедева и воспоминания священника 138-го пехотного Болховского полка Григория Лапшина.

Письма Вакха Гурьева в 1880 г. были опубликованы в журнале «Русский вестник» [9], через три года вышли отдельным изданием [10], в 2007 г. были переизданы Государственной публичной исторической библиотекой России [11]. Записки Александра Цитовича дважды публиковались в 1878 г. в газете «Церковно-общественный вестник» и в Прибавлениях к «Калужским епархиальным ведомостям» [20]. Походный дневник

Анатолия Лебедева также был издан дважды в том же году – в газете «Современность» и отдельным оттиском из нее [15]. Дневник Иоанна Софронова был опубликован в 1901 г. в «Сборнике материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове» [17]. Наконец, воспоминания Григория Лапшина были напечатаны в 1892 г. в «Вестнике военного духовенства» [14]. Несмотря на неоднократную публикацию (все издания вышли без предисловия и научных комментариев), эти документы до сих пор мало используются исследователями Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Что касается их авторов, то о Вакхе Гурьеве можно найти лишь самые краткие сведения в справочной литературе, об Александре Цитовиче, Иоанне Софронове, Анатолии Лебедеве и Григории Лапшине информации в историографии практически нет. Между тем записки священнослужителей являются ценным источником для исследования духовно-религиозной составляющей Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В них нашли отражение: непосредственная деятельность армейских священников во время войны, их отношения с солдатами и офицерами, значение православной веры в жизни русского воина, восприятие священниками освобождаемых «братьев-болгар». Проанализируем эти документы, а также с помощью архивных исследований попытаемся проследить жизненный путь их авторов.

Письма Вакха Гурьева

Вакх Васильевич Гурьев родился 6 октября 1830 г. в слободе Новая Меловатка Богучарского уезда Воронежской губернии, в семье священника. В 1851 г. с отличием («с аттестатом 1-го

разряда») окончил Воронежскую духовную семинарию, после чего в течение нескольких лет преподавал сначала в Бирюченском, а затем в Воронежском духовных училищах. 20 декабря 1853 г. он был рукоположен в священники и определен к Благовещенской церкви Новой Меловатки, в сентябре 1854 г. перемещен к Богословской церкви слободы Попасная того же Богучарского уезда [3, д.603, л.41 об.].

В августе 1856 г. Гурьев переехал в Томск и стал священником городской Знаменской церкви. Природные дарования, отличное образование и старания пастыря вскоре обратили на него внимание Томского епархиального начальства. 27 ноября 1856 г. «за отличную ревность к служению церкви Божией» он был награжден набедренником, а 18 декабря 1858 г. «за составление назидательных Катехизических поучений» получил благословение Томского епископа Парфения (Попова) [3, д.603, л.42 об.]. В

октябре 1859 г. священник был утвержден в должности законоучителя Томской губернской мужской гимназии, в июне 1861 г. назначен членом Комитета для составления «Церковно-исторического и статистического описания Томской епархии». В сентябре 1863 г. отец Вахх стал также законоучителем Томской Мариинской женской гимназии и с 1867 г. – священником церкви, состоявшей при этом учебном заведении. (От заведования приходом Знаменской церкви он был освобожден в 1866 г.). За успешное преподавание Закона Божия в двух гимназиях губернская администрация неоднократно поощряла его довольно значительными денежными вознаграждениями. По представлению Святейшего Синода 22 июля 1864 г. священник был награжден скуфьей [3, д.603, л.42 об.–45 об.]. 12 августа 1870 г. по собственному прошению Гурьев был освобожден от всех занимаемых должностей и уволен за штат «для приискания нового места служения», получив при этом в награду 400 рублей серебром «за более чем 10-летнюю усердную и ревностную службу в Томских губернских гимназиях» [3, д.603, л.45 об.–46 об.].

«Новым местом служения» стало военное ведомство. 19 октября 1871 г. Вахх Гурьев был назначен полковым священником 10-го гренадерского Малороссийского Генерал-Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского полка. Уже в новом качестве 8 апреля 1873 г. он получил следующую церковную награду – камилавку, а 21 октября того же года стал благочинным 3-й гренадерской дивизии. 4 июля 1875 г. Гурьев был переведен полковым же священником (с оставлением благочинным) в 9-й гренадерский Сибирский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего полк, с которым и принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [3, д.603, л.46 об.].

В походе Вахх Гурьев находился ровно год: с 20 сентября 1877 г. по 25 сентября 1878 г. Практически все пережитое и пережитое им за это время он регулярно, «по свежим следам» отражал на страницах своих писем. Эта острота впечатлений и несомненный дар слова придали его запискам удивительный колорит. «Куй железо, пока оно горячо, – отмечает Гурьев, – пиши письма, описывай события, предметы, явления, пока все это непосредственно действует на твое воображение, волнует тебе кровь; пропустишь эти неповторяемые моменты – и многое пропадет. В подогретом супе далеко не тот вкус, что в свежем» [11, с.57]. Поскольку все письма (за исключением двух, адресованных врачу А.И.Ваттерну) не содержат имени адресата (встречается лишь обращение «Мой друг»),

имеют довольно значительный объем и написаны прекрасным литературным языком, то может показаться, что они не предназначались каким-то конкретным людям, а представляют собой известный в то время прием журналистики. Возможно, что так оно и есть. Тем не менее внимательное изучение текстов писем показывает, что все они написаны одному и тому же человеку женского пола («Будь здорова и храни, яко зеницу ока, святую простоту сердца» [11, с.232]), хорошо знавшему особенности и привычки автора (например, его «боязнь высоты» [11, с.123]) и пославшему ему неоднократно упоминаемую пресловутую посылку с пирожками и печеньем, без малого полгода догонявшую своего хозяина [11, с.92, 112, 234]. Скорее всего, это жена Вакха Гурьева Александра Владимировна. При этом не вызывает сомнений, что перед первыми публикациями, состоявшимися при жизни Гурьева, письма прошли авторскую литературную обработку. Об этом, в частности, свидетельствуют небольшое количество содержащихся в них «личных деталей», а также появившиеся во втором (отдельном) издании деление текста на главы и посвящение книги «Памяти незабвенного царя-освободителя, в Бозе почивающего, государя императора Александра Николаевича».

Во время войны Вакх Гурьев состоял при подвижном дивизионном лазарете, к которому был прикомандирован 8 августа 1877 г. [3, д.603, л.47 об.]. Поэтому основное внимание священника, разумеется, было приковано к внутренней и внешней жизни лазарета, к проблемам, с которыми постоянно сталкивались персонал и пациенты. Значительная часть этих проблем была вызвана не только объективными трудностями, но также непродуманностью и ошибками, допущенными чиновниками различных тыловых служб. В частности, рассказывая о лазаретном обозе, изготовленном накануне войны в Варшаве, отец Вакх подчеркивает, что, несмотря на презентабельный вид, он имел ряд недостатков: линейки (повозки) были слишком тяжелыми, широкими, громоздкими, неповоротливыми и недостаточно прочными. По словам священника, в походе как нельзя более оправдалась остроумная шутка одного генерала, осмотревшего обоз перед его выступлением: «Нужно будет написать Керим-паше¹, чтоб он двигал свои армии только по шоссе-ным дорогам, потому что наши обозы не пригодны для проселочных» [11, с.256]. Действительно, по проселочным дорогам лазаретный обоз двигался крайне медленно, за-

¹ *Абдул-Керим-Надир-Паша (1807–1885) – турецкий маршал (с 1876 г.), с начала войны до 23 июля 1877 г. главнокомандующий турецкими войсками на Дунае.*

стревал в грязи, часто ломался, не укладывался в маршрутное расписание, постоянно отставая от своей воинской части на несколько переходов. Ситуацию осложняло также состояние лошадей, многие из которых оказались старыми, с подорванным здоровьем. Тем не менее, несмотря ни на что, в течение трех недель лазарет 3-й гренадерской дивизии преодолел расстояние от г. Люблин до р. Дунай, 10 октября 1877 г. благополучно совершил переправу и 24-го открыл свою деятельность в болгарском селении Трестеник-Семерет, в нескольких верстах от Плевны.

Когда 3-я гренадерская дивизия влилась в состав северо-западного отряда обложения Плевны, осада города была в полном разгаре. Гурьев называет Плевну «ненавистой», «адской геенной, поглотившей столько наших храбрых воинов» [11, с.28], в то же время осознает и подчеркивает несомненную важность происходившего: «Здесь все убеждены, что центр тяжести настоящей войны... здесь, у нас, за Дунаем, около Плевны» [11, с.45].

В течение первого месяца деятельности лазарета его основной контингент составили больные дизентерией, вспышка которой возникла в русской армии в связи с плохой водой и испортившимися в дороге сухарями. До решающего столкновения под Плевной число раненых было невелико, в то время как численность «дизентериков» вскоре в несколько раз превысила допустимое количество мест (лазарет был рассчитан на 83 человека, но уже через неделю в нем находилось 278 больных) [11, с.31, 34]. В результате почти сразу сказалась нехватка продовольствия, медикаментов, перевязочных и постельных принадлежностей. Необходимые лекарства поступали в лазарет с большим опозданием, так как по решению полевого военно-медицинского управления аптечный склад располагался в г. Систово, на другом берегу р. Вид, в 70 верстах от Трестеника. В ненастное осеннее время по грязным, размытым дорогам путь туда занимал почти целую неделю.

Отец Вахх регулярно посещал больных, проводил богослужения, исполнял требы. Общение со священником благотворно действовало на моральное состояние пациентов лазарета, помогало им восстановить душевное равновесие. «Посмотрели бы вы, – пишет он, – с какой невыразимой отрадой встречают меня эти недугующие, страждущие! Многие со слезами радости и горячей молитвы прикладываются ко кресту, слабые подползают на коленях, а к самым слабым, не могущим повернуться, сам я подползаю...» [11, с.42].

Нелегкой обязанностью Гурьева было отпевание и погребение умерших. Первые похороны скончавшегося от дизентерии рядового Малороссийского гренадерского полка Макара Ситниченко поразили священника тем, что прошли без одной из самых необходимых в таких случаях вещей – гроба. Дивизия и лазарет стояли на Дунайской равнине – «среди голой безлесной пустыни», где «на десятки верст кругом ни единого деревца или кустика» и «дерево продается чуть не на вес золота». По словам отца Вакха, с большим трудом удалось тогда купить несколько старых досок, однако, по общему соглашению, было «признано более полезным и более человечным оставить их для общей квашни», то есть для печения хлеба больным, ибо «кормить их теми же сухарями, от которых они заболели», было «совершенно немислимо» [11, с.32]. С наступлением холодов, по распоряжению начальства, умерших стали хоронить «не только без гробов, но и безо всякой казенной одежды, в одном белье», так как у многих солдат в полках не оказалось шинелей («растеряли или промотали во время похода»). Такая форма погребения, вызванная необходимостью «раздевать мертвых, чтобы спасти от холода живых», производила на душу Гурьева «тяжелое впечатление» [11, с.45–46].

Побежденные. Панихида по павшим воинам. Худ. В.В.Верещагин. 1878–1879 гг.

Отношения отца Вакха с солдатами и офицерами были доверительными. Несмотря на загруженность в лазарете, где священник, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, оказывал посильную

помощь медицинскому персоналу, он регулярно навещал своих подопечных «сибирцев» на бивуаке, прямо под открытым небом проводил богослужения. Солдаты передавали ему на хранение ценные вещи, просили написать родным в случае своей гибели. По словам Гурьева, все они были полны сознания лежавшего на них высокого долга, однако не могли не испытывать определенного морального напряжения, вызванного близкой опасностью. Молитва воинов всегда была «искренней, теплой» и, несомненно, укрепляла их духовно.

Размышляя о значении веры на войне, отец Вахх заметил, что «шипение турецких пуль» и «ужасы кровавой битвы» разбудили религиозное чувство даже в тех, в ком оно было «парализовано до последней степени» (в молодых офицерах – «питомцах известного периода шестидесятых годов», выросших под влиянием идей Д.И.Писарева, Н.Г.Чернышевского и др.). Гурьев пишет: «Говорят: кто в море не бывал, тот Богу не молился, а мы можем со своей стороны прибавить к этому, только не в отрицательной, а в положительной форме: кто в битве побывал, тот вере в Бога научился! Страшен этот урок, зато и памятен на всю жизнь» [11, с.142]. Спустя четверть века другой военный священник, упоминавшийся протопресвитер Г.И.Шавельский, основываясь на своих наблюдениях в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., пришел практически к тому же выводу: «Постоянные опасности, близость смерти переносят мысль воина к вопросам вечности; душа воина на войне жаждет молитвы, чутко прислушивается к слову о вечном, просится к Богу» [21, с.284].

28 ноября 1877 г. под Плевной состоялось решающее сражение: турецкая армия Осман-паши предприняла последнюю отчаянную попытку прорвать осаду, но была разгромлена русскими войсками, занявшими город. В начале сражения Вахх Гурьев наблюдал за происходившим с возвышенности за лазаретом, потом отправился на поле боя, чтобы оказывать помощь раненым. По дороге он узнал, что «наши в Плевне». Представшая взору священника «необозримая картина» изуродованных и мертвых тел заставила его «на несколько минут оцепенеть от ужаса». Кругом стоял «раздирающий душу гул», в который сливались стоны и вопли раненых. До наступления темноты Гурьев бродил по полю битвы, пытаясь хоть как-то «облегчить ужасное положение несчастных страдальцев»: давал им коньяка, хлеба и сыра, накрывал шинелями, которые снимал с убитых, причащал, принимал предсмертные просьбы. Наконец, «невыразимо измучившись душой» и «порядочно устав» физически, отец Вахх «не

выдержал и зарыдал» [11, с.57–65]. «За отличие, оказанное в делах с турками при взятии г. Плевны», Гурьев был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами².

После Плевненского сражения дивизионный лазарет переполнился ранеными: в него поступило около тысячи человек [11, с.280]. Вновь сказалась острая нехватка всего самого необходимого. В это время Гурьев пишет: «работы свыше сил человеческих», «тяжело ужасно» и «отрывать нельзя» [11, с.55]. Врачи («друзья человечества») работали с восьми утра до трех часов ночи. А к обычным обязанностям отца Вакха добавились теперь новые: «уговаривать кричащих, успокаивать стонущих, ободрять приготавливаемых к ампутациям, давать вино после тяжелых операций, кормить молоком и яйцами безруких, безногих, а в свое время напоить чаем и весь наличный персонал врачей» [11, с.73]. Увещевания священника действовали на нуждавшихся в ампутации воинов гораздо сильнее, чем аргументы врачей. Поэтому по просьбе хирургов он часто стоял возле операционного стола, находя нужные слова и благословляя тяжелораненых.

В начале ноября неоценимую помощь лазарету оказал летучий отряд Красного Креста, сотрудники которого привезли четыре телеги полезных вещей: белье, фуфайки, шапки, полушубки, сапоги, валенки, байковые одеяла, спирт, коньяк, чай, сахар, консервы, табак, махорку и различные аптечные материалы. «Но что всего важнее, – пишет Гурьев, – Красный Крест привез с собой свое христиански сострадающее, братское сердце, полное самого теплого участия к горькой судьбине наших страдальцев». В результате лазарет «совершенно переродился, просиял» [11, с.281–282].

Отца Вакха, принявшего на себя хранение и раздачу раненым теплых вещей, «по единогласному заявлению врачей избрали на должность "сестры милосердия" и назвали членом Красного Креста» [11, с.77]. Через два года, 9 октября 1879 г., Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах пожаловало ему Знак Красного Креста, установленный за участие в деятельности Общества во время войны 1877–1878 гг. [3, д.603, л.65 об.].

² В послужном списке Вакха Гурьева сказано, что орден Св. Анны был пожалован ему 17 июня 1878 г. [3, д.603, л.47 об.], однако письмо священника от 26 марта 1878 г. свидетельствует о том, что это произошло несколько раньше: «Вчера, на Благовещение, мы служили соборно, и в первый раз возложили на себя Высочайше пожалованные нам за Плевну ордена» [11, с.198].

К теме Красного Креста Гурьев обращается на страницах своих писем неоднократно. Он называет его «общим другом и благодетелем русской армии», «великим и святым учреждением» [11, с.80, 138, 193, 277]. Священник подчеркивает также, что «деятели Красного Креста, раздавая свою щедрую помощь, везде предлагали ее от высочайшего имени государыни императрицы; а это имело громадный, широчайший смысл» [11, с.282]. Что касается непосредственно сестер милосердия, число которых неожиданно для самого себя пополнил священник, то первая встреча с ними, состоявшаяся на вокзале в Яссах в сентябре 1877 г., произвела на него неблагоприятное впечатление. Гурьеву показалось тогда, что «эти барыни» слишком громко смеялись, «не стеснялись двусмысленными фразами, не скупилась на очень выразительные взгляды» [11, с.4–5]. Однако в дальнейшем, познакомившись со многими сестрами, послушав лестные отзывы солдат и офицеров об их высоком самоотвержении, отец Вахх заявил, что берет свои слова назад. «Русская женщина в лице сестер милосердия воздвигла себе на полях Болгарии несокрушимый памятник», – вынужден был признать священник [11, с.110–111].

Дивизионный лазарет, в котором служил Гурьев, пробыл в Плевне до 29 декабря 1877 г. В день выступления стало известно, что накануне, 28-го, русские войска взяли Шипку. Поэтому выступали из города «по окончании торжественного молебна, при всеобщем народном ликовании» [11, с.100]. Дальнейший путь лежал через Балканы. Преодолев Шипкинский перевал, 13 января 1878 г. лазарет открыл свою деятельность в г. Казанлык, где сразу же принял около 700 раненых, а вскоре начал ожесточенную борьбу с тифом, в ходе которой скончались несколько дивизионных врачей и фельдшеров.

Между тем, русская армия разбила последние турецкие части, заслонившие дорогу на Константинополь. 19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, обеспечивший освобождение балканских народов от гнета Османской империи. После заключения мира русские войска несколько месяцев ожидали отправки домой. Воинская часть Гурьева долго стояла в г. Чорлу, где 18 апреля 1878 г. встретила Пасху. В конце августа она переместилась в г. Родосто, где вскоре погрузилась на пароходы и отправилась в Россию. 8 сентября гренадеры высадились в г. Николаев, жители которого устроили им торжественную и вместе с тем теплую встречу, охарактеризованную Гурьевым как «просто пре-

лесть, восторг» [11, с.242]. Роскошный букет, врученный священнику маленьким гимназистом со словами «Это вам, батюшка, за Плевну!», показался ему не менее дорогим, чем заслуженный орден [11, с.243].

Помимо указанных выше наград, за участие в Русско-турецкой войне Вахх Гурьев получил также золотой наперсный крест, пожалованный ему Святейшим Синодом 19 сентября 1879 г. [3, д.603, л.66 об.]. 28 марта того же года он был возведен в сан протоиерея.

**«Памятная книжка»
Александра Цитовича**

Александр Иоаннович Цитович родился 19 сентября 1845 г. в семье священника. В 1867 г. после окончания Могилевской духовной семинарии «со званием студента» практически

сразу был определен священником в 56-й пехотный Житомирский полк. 14 января 1868 г. он был рукоположен в сан священника и менее чем через три недели приступил к исполнению своих обязанностей в полку. 23 марта 1871 г. за усердную службу отец Александр был награжден набедренником, в 1874 г. – скуфьей. В 1877 г. он был назначен благочинным 14-й пехотной дивизии [4, д.674, л.1–2; 13, с.287].

Цитович пробыл в походе с апреля 1877 г. по сентябрь 1879 г. Его небольшая по объему «памятная книжка», охарактеризованная им самим как «спешный, походный набросок очерка деятельности священников 14 пехотной дивизии во всю настоящую кампанию», явно предназначалась для публикации изначально, что подтверждает финальная фраза сочинения: «В запасе воспоминаний полковых и госпитальных священников найдется много сведений, полных глубокого значения и заслуживающих широкого распространения в обществе в качестве ценного исторического достояния» [20, с.151].

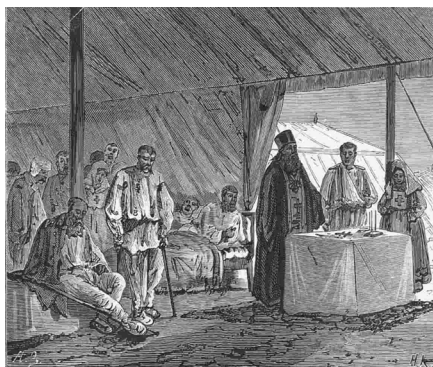
Поведение и задачи армейских священников во время похода, при движении войск к Дунаю, отец Александр описывает так: «В походе все священники шли безотлучно в рядах войск своих частей и никогда не позволяли себе отлучаться в обоз, который постоянно отставал от отряда и отдыхал там, где ему вздумается. Дождь, грязь, зной и холод мы одинаково переносили с солдатом; вместе обливались градом пота, вместе промокали до костей, вместе топтали весною бессарабскую грязь, вместе на привале отдыхали, вместе в палатке спали, вместе и из одного котла ели, – словом: радость и горе, труд и отдых делили пополам. Солдат ежеминутно видел пред собою своего духовного отца, видел в нем пример тер-

пения и радости. Во время похода деятельность священника, как и каждого офицера – невелика; нужно только, чтобы солдат не притворялся больным и не занимал бы таким образом место в лазаретной линейке, не отставал бы от своей части, чрез что растягивается и замедляется движение полка, наконец, чтобы солдат не пил грязной воды. Священник, врачи и дежурный офицер идут позади полка и на всякого утомленного, отстающего солдата могут действовать нравственно-побудительно: "А ну, братец, крепись, не отставай, вот скоро привал; а там и рюмка водки, и теплый и сытный обед, и двух-трехчасовой отдых тебя ожидают, подтянись, подтянись, братец!"» [20, с.125–126].

13 июня 1877 г., накануне переправы через Дунай, 14-я пехотная дивизия остановилась на дневку в с. Бей-Румыния, в 18 верстах от Зимницы. Цитович передает духовно-религиозное настроение, царившее в это время в войсках. Он констатирует, что после молебнов, отслуженных священниками во всех полках по приказу командующего дивизией генерал-майора М.И. Драгомирова, масса «житомирцев» обратилась к нему с просьбой отслужить им молебен «отдельно в каждой роте»: «одна рота просит молебен святителю Николаю, другая – Иоанну-воину, третья – великомученику Георгию-Победоносцу, четвертая – акафист Спасителю, пятая – акафист Пречистой Деве». Во время этого трехчасового священнодействия отец Александр внимательно наблюдал за солдатами: «Каждый переполнен был религиозным воодушевлением и хотел найти успокоение себе в молитве. Один стоит на коленях, склоня голову вниз и исповедуя пред Господом все свои согрешения; другой осеняет себя чисто-русским крестом и с глубоким вздохом возносит молитву: "Господи, помоги!"; третий, сложивши руки вместе, устремил свои взоры на небо. Ничего подобного в жизни своей я не видел; это задушевное, неподдельное моление тысячи воинов, предназначенных к грозно-кровавому делу, производило невыразимое впечатление. Я сам был растроган до слез; мысли чужды были земле; душа была переполнена самою высокою верою и надеждою на Бога» [20, с.126–127]. «В пять часов, – продолжает Цитович, – собрались ко мне все священники дивизии и, словно сговорясь, передали, что при служении молебна настроение духа в полках было нравственное-цельное, глубоко прочувствованное» [20, с.127].

Во время переправы через Дунай и развернувшегося на турецком берегу сражения армейское духовенство находилось на перевязочном пункте. Поскольку все санитары были заняты переноской раненых, а фельдшеры помогали врачам, Цитович распорядился, чтобы церковнослужители «безостановочно» доставляли свежую холодную воду и удовлетворяли жажду

пациентов. Священники «первым делом успокаивали раненых», уверяя, что раны их не смертельны, оперируемых «убеждали быть спокойными». Тяжелораненых, находившихся в сознании, они исповедовали и причащали, безнадежным, пребывающим в «беспамятном уже состоянии», читали отходную молитву.

Кавказская армия. Молебен в палатке.
Гравюра А.Зубчанинова по рис. Н.Каразина.
1878 г.

Последующие два дня священники хоронили убитых, «как своих, так и неприятельских» [20, с.128–129]. В сентябре 1877 г. «за отличие при переправе через Дунай в ночь с 14 на 15 июня 1877 г.» благочинный 14-й пехотной дивизии Александр Цитович и один из его подчиненных – священник 54-го пехотного Минского полка Доримедонт Твердый были награждены орденами Св.

Анны 3-й степени с мечами [2, д.433, л.271].

Во время стоянок в Болгарии полковые священники каждый воскресный и праздничный день совершали богослужения «на открытом воздухе в степи», после чего произносили поучения на различные темы: «Жить с болгарями дружно, мирно, не обижать, за взятую вещь платить по стоимости, не пьянствовать, на постах быть зоркими, бдительными, не позволять себе заснуть, чтобы таким образом не дать врагу возможности застать нас врасплох» [20, с.147].

Самым тяжелым испытанием для отца Александра и подведомственного ему духовенства стало участие в обороне Шипки. 11 августа 1877 г., преодолев накануне в течение суток форсированным маршем более 50 верст «при сильнейшей жаре и недостатке пищи», Житомирский и Подольский полки прибыли на Шипку, а на следующее утро были введены в бой. Это был уже 4-й день ожесточенного шестидневного сражения (9–14 августа), в ходе которого русские войска не позволяли превосходящим силам армии Сулеймана-паши захватить Шипкинский перевал. «Стоял отчаянный бой, – пишет Цитович, – в воздухе слышался один общий гул от тысячного свиста пуль и разрывных гранат; позиции переходили из рук в руки. Раненые громадными массами являлись на перевязочный пункт. Тревожное состояние еще более увеличилось, когда узнали, что ранен

начальник дивизии, генерал Драгомиров, и что враг наш далеко превосходит нас своими силами. Действительно с трех сторон мы были окружены турками, и только дорога в Габрово была свободна. Бой настолько был ожесточенный и упорный, что подвести сражающимся не только пищи, но даже воды не было возможности. Что войска наши вытерпели в эти дни, один Бог знает. На перевязочном пункте все также ничего почти не ели в дни 12 и 13 августа. Наконец, к нам приехал корпусный интендант. Часа через два после того прислано было 8 пудов сухарей, 2 пуда круп, голова сахару и два фунта чаю. Болгары также привезли от себя ведер 6 водки, ведра два вина, пудов 6 листового табаку. Корпусный хирург обратился ко мне с просьбою принять все это в свое распоряжение и раздавать раненым» [20, с.148]. Во время сражения священники 14-й дивизии выполняли свои обычные обязанности на перевязочном пункте: «уговаривали раненых, напутствовали умирающих и погребали скончавшихся, кормили, поили и вообще служили при раненых словом и делом. Церковники же заняты были носкою воды» [20, с.148]. Чтобы облегчить положение утомленных до изнеможения санитаров, отец Александр попросил болгар, из любопытства собравшихся на перевязочном пункте, помочь носить раненых, на что «в ту же минуту» получил их согласие. Во избежание каких-либо неприятных эксцессов священник назначил к каждому носилкам одного русского солдата-санитара и троих болгар, все это значительно ускорило процесс [20, с.149]. 1 декабря 1877 г. «за отличия во время обороны Шипки с 9 по 14 августа 1877 г.» Александр Цитович был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте [13, с.287].

По итогам этого сражения обе стороны остались на своих позициях. Началось изнурительное, более чем четырехмесячное «шипкинское сидение», все тяготы которого священники переносили вместе с войсками. «Мы терпели горе и беду с двух сторон: от грозной и суровой балканской погоды и от неприятеля, – отмечает отец Александр. – Гора св. Николая, где стояла наша дивизия, имеет более 500 ф. высоты и потому почти постоянно бывает покрыта облаками, туманом, и слабогрудому просто смерть было здесь жить. С 1 сентября у нас началась отвратительная погода: дождь, грязь, слякоть, а с 15 числа даже выпал снег. Жили мы в ложементов, в земле, в постоянной сырости; стены ложементов всегда были покрыты дождевыми каплями, нас окружал холод невыносимый, так как дверей, плотно затворяющих ложементы, нельзя было сделать; при сильном дожде явилась течь самая надоедливая... Перейти из ложемента в ложемент, принести воды или дров каждый из нас совершал с опасностью потерять жизнь... Только ночью мы спокойно выползали из ложементов,

чтобы расправить кости и свободнее вздохнуть воздухом. Погребение умерших, а также служение молебнов мы совершали ночью или же при сильном тумане, когда ничего не видно врагу, что у нас делается. А сколько было несчастных случаев ранения при служении! Бывало, отправляется погребение, вдруг неприятель пускает гранату по собравшейся кучке солдат, и вы слышите команду "ложитесь", и ложишься в облачении на землю, притаив дыхание... Превосходно один из русских проповедников охарактеризовал Шипку, назвав ее Голгофою, где постоянно проливалась кровь христианская за своих собратий – христиан» [20, с.149–150].

На Рождество Христово священники совершили торжественное богослужение на самой позиции, около ложементов командующего дивизией. Турки дважды пустили в сторону молящихся разрывные гранаты, но оба раза они зарылись в снег и не разорвались.

27–28 декабря 1877 г., в дни решающего сражения за Шипку, закончившегося полной победой русских войск, священникам, по словам Цитовича, пришлось работать в еще более тяжелых условиях: «Перевязочный пункт... устроен был в котловине между тремя вершинами балканских гор, на которых стояли наши батареи. Громадная масса выстрелов, как из наших орудий, так и из турецких, потрясали сарай, в котором он помещался. Пункт никогда в мою бытность не находился в таком тревожном состоянии, как в это сражение. Нужно было бороться с поранениями, с трескучим морозом, с недостатком воды для питья и обмывки ран, с недостатком полушубков для укутывания раненых, – словом кругом нас только и были – плач, стоны и смерть. Священники заботились первым делом согреть раненых полушубками, чаем и поддержанием костров. Воды совершенно нельзя было принести, а потому церковники набирали в солдатские манерки снег и таяли его для питья» [20, с.151]. В 1879 г. «за отличие на Шипке 28 декабря 1877 г.» Александр Цитович был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами [1, д.133, л.12–13].

Дневник Иоанна Софронова

Иоанн Павлович Софронов (Сафронов) родился 11 ноября 1843 г. в семье священника. В июле 1867 г. окончил Курскую духовную семинарию. 21 мая 1868 г. епископом Курским и Белгородским Сергием (Ляпидевским) был рукоположен в священники и определен к Николаевской церкви села Старицы Белгородского уезда Курской губернии. 9 октября 1870 г. по собственному прошению отец Иоанн был назначен священником 4-го Кавказского линейного батальона. 5 сентября 1874 г. он был переведен в 19-й пехотный Костромской

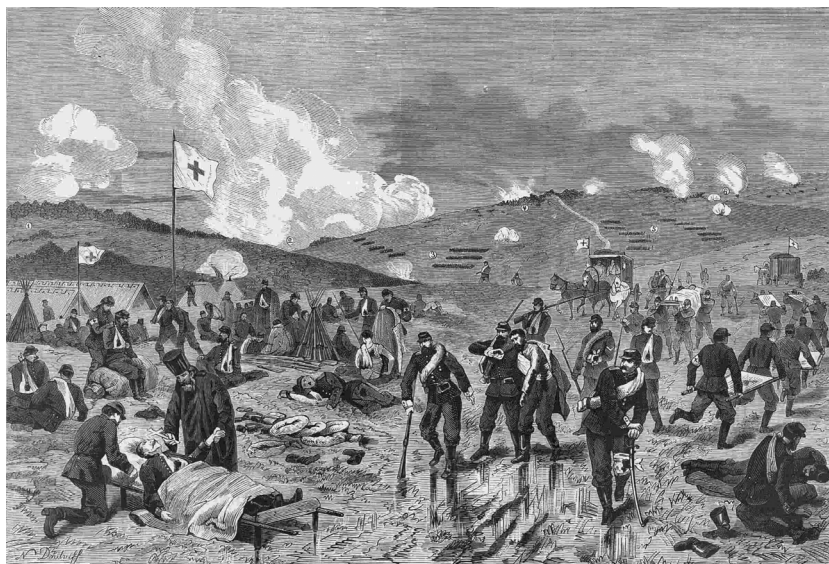
полк, с которым и принял участие в войне 1877–1878 гг. Уже после начала военных действий, 17 октября 1877 г., Софронов был назначен благочинным 5-й пехотной дивизии [4, д.124, л.93–94 об.].

Согласно послужным спискам Иоанна Софронова, в походе он находился с 12 апреля 1877 г. по 11 июля 1879 г. [4, д.124, л.96 об.]. Его дневник охватывает период с 22 июня по 15 июля 1877 г.

15 апреля 1877 г. 19-й пехотный Костромской полк в составе 9-го армейского корпуса выступил из м. Браилов Каменец-Подольской губернии и через десять дней вступил в Румынское княжество, по которому проследовал к Дунаю. 25 июня «костромичи» переправились через Дунай [4, д.124, л.97]. 29 июня, находясь в селе Пятикладенцы, они отметили свой полковой праздник. Этот «день, – пишет отец Иоанн, – как великий для полка, начался молитвою. В 9 часов утра, на открытом воздухе, полк построился покоем; посредине, вместо аналая, поставлен был небольшой походный столик, покрытый красным сукном, на который поставлен полковой образ и положены крест и евангелие. К сему времени приехал наш начальник дивизии со своим штабом, полковая музыка заиграла марш, начальник поздоровался с полком, поздравил с праздником, и я начал служить молебствие, на котором пели г.г. офицеры, а по окончании молебствия мною сказана краткая речь, в которой я напоминал своим слушателям, с каким самоотвержением св. покровители полка (святые апостолы Петр и Павел. – *Л.М.*) исполняли свои апостольские обязанности, при распространении св. веры Христовой, и мы, как последователи и защитники св. веры, должны следовать примеру наших покровителей, и проч. По окончании уже богослужения приехал наш корпусный командир, поздоровался и поздравил полк с праздником, он окружил себя г.г. офицерами и солдатами, напомнил о долге и присяге каждого и в заключение сказал, что он своим ходатайством пред государем императором не оставит за слуг, но, в свою очередь, строго будет наказывать за дурные и недостойные поступки русского воина. К немалому удивлению нашему, у командира полка каким-то образом нашлась бутылка шампанского, и вместо бокалов наполнили походные стаканчики и выпили за здоровье государя императора, за главнокомандующего и за полк. По отъезде начальства некоторые г.г. офицеры зашли ко мне в палатку, нашлась скромная закуска и "очищенная", и праздник проведен благодушно» [17, с.79–80].

Совершив несколько переходов, 8 июля 1877 г. 19-й пехотный Костромской полк принял участие в сражении под Плевной, где понес колоссальные потери. Отец Иоанн справедливо называет этот день «злосчастным для полка» [17, с.83]. В начале сражения священник с возвышенности наблюдал

в бинокль за происходившим и «мысленно молил Господа, чтобы он даровал нам победу над неприятелем». Затем он спустился к лазаретным линейкам, куда уже «потянулись непрерывною нитью раненые офицеры и солдаты». На перевязочном пункте отец Иоанн утешал раненых «словом и надеждою на Бога, что он поможет им перенести страдания и исцелит их от ран». Желаящих (как правило, тех, которые «чувствовали себя очень слабыми») он исповедовал и приобщал святых тайн. Когда лазаретные линейки, до которых уже стали долетать неприятельские пули, отодвинулись на версту назад, Софронов через болгарского архимандрита, знавшего русский язык, обратился к наблюдавшим за сражением болгарам с просьбой помочь переносить русских раненых на перевязочный пункт. Из 300 болгар более 100 человек откликнулись на этот призыв и тут же «бросились бегом, пешие и на осликах, по направлению к Гривице (деревне, где была позиция полка. – Л.М.) спасти наших раненых» [17, с.85–86].

Дунайская армия. Под Плевной. Перевязочный пункт близ Радихова.
Гравюра А.Зубчанинова по рис. П.Дмитриева. 1877 г.

Через несколько часов Иоанн Софронов отправился на позицию и попал под обстрел. «...Едва я поднялся на возвышенность, – пишет священник, – ... как снаряд с шумом пронесся над моею головою и упал в нескольких шагах от меня, поднявши массу пыли, но к великому счастью снаряд не разорвало, только обдало меня пылью. Пули с визгом и каким-то неприятным шипением

падали там и сям и расстроили мои нервы до того, что я на несколько минут потерял сознание, то есть как бы не существовал, но, придя в себя, я начал убираться из сферы огня». Вскоре от шедших ему навстречу раненых отец Иоанн узнал, что убит командир полка полковник И.М.Клейнгауз и что в целом полк понес тяжелые потери. От этих скорбных известий священник расплакался, но быстро взял себя в руки и принялся успокаивать подававшихся панике воинов. Так, на крик раненного в обе ноги унтер-офицера «Батюшка наш родимый, молитвенник ты наш, разбили нас, начальство наше перебили, пропали мы!» отец Иоанн спокойно ответил: «Перекрестись, успокойся, что ты, Господь с тобой! Слышишь выстрелы, наши еще дерутся и добивают турок». От этих простых слов тот «немного пришел в себя и стал усердно креститься» [17, с.86].

Иоанн Софронов попытался организовать вынос с поля боя тела убитого командира полка, однако не преуспел в этом. Полковые музыканты, которым он дал это поручение, трусили: сначала «направились к месту побоища», но вскоре «стали удирать и прятаться за стога» [17, с.87]. Впоследствии священник очень сожалел о том, что тело полковника И.М.Клейнгауза, «этого достойного и доброго человека, оставили на поле битвы, в руках злодеев, тогда как можно было бы вынести его без всякой опасности» [17, с.90].

Когда прозвучал сигнал к отступлению, и лазаретные линейки тронулись в путь, отец Иоанн по совету старшего врача Орнацкого обратился к командиру встретившейся им 1-й бригады Кавказской казачьей дивизии полковнику И.Ф.Тутолмину с просьбой прикрыть отход перевязочного пункта и выслать телеги для подбора отставших раненых, а затем, добравшись до обоза, уже по распоряжению и от имени И.Ф.Тутолмина, отправил для этой цели к Плевне еще несколько фур [17, с.87–88]. Отец Иоанн обращает также внимание на то, что полтора десятка повозок (каруц) предоставили для перевозки раненых жители болгарских деревень. Более того, благодаря болгарам, сообщившим русскому командованию о намерении татар из Трестеника передать в Плевну записку о слабом прикрытии русского обоза с ранеными, удалось избежать опасности нападения турецких войск на лазаретные линейки: злоумышленники были схвачены, обысканы и расстреляны [17, с.89].

В сражении под Плевной 8 июля 1877 г. 19-й пехотный Костромской полк потерял убитыми 7 офицеров и более 300 солдат, ранеными – 15 офицеров и более 600 солдат. Через неделю остатки полка прибыли в Никополь. Иоанн Софронов ежедневно навещал раненых, погребал умерших от ран. 11 июля 1877 г. он отслужил панихиду по погибшим воинам и молебн о здравии живых [17, с.90–91].

С прибытием существенно поредевшего полка в Никополь дневник Софронова заканчивается. Согласно послужным спискам отца Иоанна, «костромичи» находились там до 24 ноября 1877 г., в декабре того же года в составе отряда генерал-адъютанта И.В.Гурко они перешли Балканы. 16 января 1878 г. 19-й пехотный Костромской полк вступил в Адрианополь. Позднее он был переведен в Филиппополь, где в составе войск 9-го армейского корпуса находился до окончания оккупации. 10 июля 1879 г. Иоанн Софронов со своими подопечными отбыл из Бургасского порта и на следующий день высадился в Севастополе. 2 августа 1879 г. полк прибыл на постоянные квартиры в г. Глухов [4, д.124, л.97–97 об.].

14 июля 1879 г. за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. отец Иоанн был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. В дальнейшем список его наград пополнили также камилавка, полученная им 4 октября 1880 г., и наперсный крест, выданный ему Святейшим Синодом 23 апреля 1884 г. «за отлично-усердную службу» [4, д.124, л.94 об.–95 об.].

**«Братья-болгары» в записках
Анатолия Лебедева,
Вакха Гурьева,
Иоанна Софронова
и Григория Лапшина**

Наш четвертый герой – Анатолий Андреевич Лебедев родился в 1853 г., также в семье священника. В 1875 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию «со званием студента» и был определен псаломщиком к церкви Таврического дворца.

В октябре 1875 г. он занял должность учителя в Санкт-Петербургском Александро-Невском духовном училище: в «приготовительном классе» – по всем предметам и в первом классе – по русскому языку. 25 мая 1877 г. Лебедев был рукоположен в духовный сан и назначен священником 8-го Гренадерского Московского Великого Герцога Фридриха Мекленбургского полка. 14 июня 1877 г. отец Анатолий прибыл к своему полку, с которым через три месяца, 16 сентября, отправился на театр военных действий. В походе он находился ровно год до 15 сентября 1878 г. 28 ноября 1877 г. Лебедев принял участие в сражении при падении Плевны, за что 26 марта 1878 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами [3, д.1238, л.1–2].

Отметим, что в походном дневнике отца Анатолия об этом, равно как о военных действиях вообще, ничего не говорится. Основное внимание священника приковано к освобождаемым «братьям-болгарам», а также к стране, в которой они проживают. Рассмотрим этот важный вопрос, дополнив наблюдения Лебедева сведениями на ту же тему из писем Гурьева, дневника Софронова и воспоминаний Лапшина. В последних речь

идет о пребывании 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии после заключения Сан-Стефанского мира (главным образом, о стоянке в Видине), поэтому основными темами являются взаимоотношения однополчан с местными жителями и их борьба с инфекционными заболеваниями. (Что касается записок Цитовича, то в них болгары упоминаются лишь один, приведенный выше, раз в связи со сражением за Шипку).

Приступая к анализу восприятия болгар священниками, следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, которое в последние годы уже отмечалось в историографии. Дело в том, что у большинства россиян, до войны слабо представлявших себе реальную жизнь на Балканском полуострове, под влиянием церковных проповедей и сообщений прессы об Апрельском восстании 1876 г. и турецких экзекуциях в Болгарии сформировался абстрактный образ болгарских «братушек» (нищих, забитых единоверцев, с нетерпением ожидавших русских освободителей и готовых оказать им всевозможное содействие), который при непосредственном знакомстве с ними претерпел определенную трансформацию. В частности, белгородский историк Е.А.Сучалкин показал, что многие современники явно не ожидали увидеть на Балканах сравнительно зажиточное болгарское население, по-разному встречавшее русские войска (наряду с гостеприимством и теплыми приветствиями нередко были проявления сдержанности и корыстного завышения цен на продовольствие), по-разному оценивалось и участие болгар в собственном освобождении: от довольно слабого до существенного [19, с.140–145; 18, с.88–132]. Изучив значительный комплекс записок, принадлежавших военнослужащим, волонтерам, врачам, медицинским сестрам и общественным деятелям, Е.А.Сучалкин практически «оставил за кадром» свидетельства полковых священников. Между тем, анализируемые нами материалы существенно дополняют характеристику образа болгар в восприятии российских участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ибо содержат ценные наблюдения не только за материальной, но и духовной жизнью болгар: их религиозностью, семейным укладом, положением болгарского духовенства, состоянием местных православных храмов. От внимания священников не укрылись и непростые взаимоотношения болгар с греками, особенно обострившиеся после решения Константинопольского собора Восточных Православных Церквей 1872 г. по поводу болгарской схизмы. Значительное место в записках духовных лиц занимают также факты, свидетельствующие об отношении болгар к русским и туркам в ходе войны. Акцентируем внимание на этих вопросах.

Первое впечатление, произведенное болгарскими священниками, было не слишком благоприятным. Анатолий Лебедев пишет: «Наружный вид болгар непривлекателен. Грязное лицо и руки, вкоченные волосы, суровый взгляд, войлоковые или толстые штаны, теплая куртка, по поясу большой красный кушак или просто полотенце, на голове чалма с черной повязкой или, по преимуществу у молодых, красная феска, на ногах сандалии из необделанной бараньей или воловьей шкуры, за поясом нож. Женский пол ходит в рубахах и сарафанах, волосы в одну косу, на ногах башмаки или деревянные сандалии» [15, с.7]. Жилищем болгар в придунайских селениях служили землянки или «небольшие халупы, сделанные из хвороста и глины, с небольшим окошечком». Внутри – земляной пол и нары, «заменяющие мебель и кровать» [15, с.7].

Несмотря на непрезентабельный внешний вид жителей болгарских селений и убогую обстановку их домов, отец Анатолий приходит к выводу, что «на самом деле люди здесь вовсе не так бедны». «О земле, – пишет он, – понятно, и речи быть не может: ее с избытком приходится на долю каждого. Производительность почвы богатая; луга роскошные. На них пасутся огромные стада болгарские – овец, баранов, коз и волов. Многие, кроме того, имеют "парички и златицы" (монеты. – Л.М.), как они выражаются. Но все эти богатства у болгар скрыты: живое богатство – скот пасется в горах, металл хранится в земле. И болгарин ни за какие деньги не выдаст вам тайны своего состояния» [15, с.7]. По свидетельству священника, привыкшие к поборам болгары поначалу отказывали русским военным в продовольствии («Нема, братушка... Турка забирал!»), а когда убедились, что им предоставляется за это денежная компенсация, «стали с жадностью бросаться на наши златицы», значительно завышая цены. Нередко встречались даже случаи откровенного обмана, когда за одного вола приходилось платить дважды: настоящему хозяину и подставному лицу, утверждавшему, что животное у него украли и продали русским [15, с.7–8].

Подобные факты вызывали возмущение россиян, составивших о болгарях нехорошее мнение³. Причинами столь нерадушного отношения «братьев» к своим освободителям Анатолий Лебедев считает их многолетнюю привычку хитрить и обманывать, приобретенную «в рабстве», и

³ В частности, генерал-лейтенант П.Д.Зотов писал в своем дневнике: «Ближайшее знакомство с болгарскими священниками располагает к ним все менее и менее. Я в этой нации не нахожу никаких симпатических черт: они весьма сходны с евреями, отличительная черта – это страсть к наживе денег, и эксплуатируют они нас же, своих спасителей» [16, с.115]. О недружелюбном и корыстном отношении болгар к российским участникам войны см. также: [5, с.98, 343, 353–354; 6, с.121, 127; 7, с.27, 42] и др.

неуверенность в завтрашнем дне. «Исход войны, – пишет он, – был неизвестен; болгары не знали, останется ли у них прежний господарь, или будет новый. Нисколько не удивительно, если по нашем уходе отсюда на вымогательства турка братушки будут отвечать ему: "Нема, братушка... Все рус забирал!"» [15, с.8]. Именно неуверенностью болгар в благополучном исходе войны, а также страхом мести со стороны турок за радушие к русским войскам (как это нередко случалось после прежних войн России с Турцией) объясняли сдержанное и порой недоверчивое отношение местных жителей к своим освободителям и другие участники похода⁴.

Вахх Гурьев объясняет недружелюбие болгар случаями мародерства, иногда имевшими место в румынской и русской армиях, а также неумением военных найти правильный подход к местным жителям: «Неприветливо встречают нас братушки-болгары и по весьма простой и резонной причине: в течение нескольких месяцев проходят здесь чуть не ежедневно и целыми тысячами то русские, то румыны и немилосердно обирают болгар: смотреть за всем нельзя, да в походе и не церемонятся» [11, с.19]. «Многие укоряют болгар в том, что они припрятали от нас свои продовольственные запасы, – отмечает священник позднее. – Укоризны эти совершенно несправедливы: если с болгарями обходиться ласково, исправно выплачивать стоимость забираемых продуктов звонкою монетой, а не бумажными квитанциями, с которыми они не знают, что делать, то у них всегда можно достать по крайней мере самые важные продукты продовольствия – муку и мясо» [11, с.101]. Отец Вахх приводит примеры доброжелательного отношения «братушек» к русской армии и цитирует слова одного из жителей Плевны, согласно которым «болгары еще со времен императрицы Екатерины Великой не переставали верить, что Россия рано или поздно непременно освободит их от турецкого ига», «они не теряли никогда своей заветной надежды на братьев-русских» и теперь «твердо убеждены, что час их освобождения скоро пробьет» [11, с.99]. Священник утверждает, что победы русской армии приводили болгар «в неописанный восторг» [11, с.104], и с видимым удовольствием описывает бурную

⁴ Например, С.П.Боткин писал: «Конечно, другой вопрос, кого винить в этой неприветливости; разумеется, всего меньше – болгар; виноваты турки, а потом и мы, с постоянной нашей помощью, которая приносила болгарам пока больше вреда, чем пользы. После какой турецкой войны участь болгар улучшалась? Я не знаю» [5, с.354]. В.В.Верещагин рассуждал: «Надобно прибавить еще неуверенность, бывшую у болгар в том, что на этот раз русские братушки доведут дело освобождения от господства турок до конца и что снова не случится того, что бывало после прежних наших войн с турками, когда заключивши более или менее выгодные условия для себя и выговоривши на бумаге забвение вин для всех туземцев, зарвавшихся в деле оказания помощи нашим войскам и сопротивления своим – мы уходили, фактически предавая наших сторонников гневу и ярости турок, вымещавших свое бессилие перед нами на них, их семьях, их имуществах» [6, с. 127].

овацию, устроенную ему жителями Трестеника после произнесения им в конце Рождественской службы «многолетия всероссийскому, румынскому, сербскому, черногорскому христоролюбивому воинству и защитникам своего многострадального Отечества – болгарским дружинам» [11, с.95]. «Эта неожиданная овация сильно меня тронула, – признается Вахх Гурьев. – Нет, несправедливы те, кто укоряют болгар в недружелюбии к нам, – это совершенная неправда; нужно только уметь говорить и обращаться с народом, нужно уметь затронуть и вызвать его истинные чувства; а высокомерным отношением, несправедливыми укоризнами, грубостью не вызовешь, конечно, этих истинных народных чувств. И многим нашим неразборчивым укорителям и поносителям болгар мне хотелось бы напомнить изречение: врачу, исцелися сам...» [11, с.95–96].

Иоанн Софронов отмечает, что в конце июня 1877 г. жители Систова отнеслись к пришедшим русским войскам довольно настороженно: они «как бы куда попрятались; правда, изредка на улицу показывался братушка, но он жался к стене и спешил куда-либо скрыться». При этом в «первой же обитаемой болгарскими хатке» священника «приняли с неподдельным радушием» [17, с.78]. Русские воины, в свою очередь, в собственном лагере принимали болгар гостеприимно и оказывали разнообразную помощь тем из них, кто в чем-либо нуждался. Так, отец Иоанн сообщает, что в начале июля 1877 г. во время стоянки 19-го пехотного Костромского полка под Трестеником к ним в лагерь «ежедневно приходили болгары, бежавшие из различных мест от турок, так что их собралось около 200 человек; одни из них с косами, другие с топорами и прочими хозяйственными принадлежностями; в числе этого сборища были и женщины. Солдаты наши, движимые чувством сострадания, питали их своими сухарями и одеяла по возможности горячею пищею» [17, с.81]. А 7 июля 1877 г. во время стоянки у деревни Згалуицы солдаты полка отбили болгар, мирно убиравших хлеб, у напавших на них черкесов и башибузуков. Восемь раненых болгар были принесены в полковой лазарет, где медики обработали и перевязали их раны [17, с.83].

После заключения Сан-Стефанского мира болгары относились к русским войскам в основном с благодарностью и радушием. Так, Григорий Лапшин отмечает, что 24 марта 1878 г. жители Видина встретили 138-й пехотный Болховский полк «с большою торжественностью и радушием, весь город украсился флагами и цветами, все жители вышли на берег Дуная, – представители города по славянскому обычаю с хлебом-солью, а духовенство с крестным ходом, громкое "ура" и "живио" не умолкали. В тот же день для офицеров и нижних чинов предложен был радушный и обиль-

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. В ВОСПРИЯТИИ ПОЛКОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ

ный обед» [14, с.399–400]. Священник вспоминает, что митрополит Видинский Анфим (бывший экзарх Болгарский) по возвращении из ссылки в свою епархию 7 августа 1878 г. «со слезами на глазах высказал свою радость, видя болгарский народ свободным от ига турецкого, перечислил жертвы, принесенные русским народом за болгар, и именем Божиим и слезно убеждал болгар помнить и вечно благодарить русского императора и русский народ за все эти жертвы, при этом просил все хорошее перенимать и усвоить, – учиться у старшего брата. Вид плачущего старца, его полная убеждения и чувства речь имели поражающее впечатление; с ним плакала почти вся церковь» [14, с.407–408]. Накануне выступления 138-го пехотного Болховского полка из Видина, 5 октября 1878 г., болгары «с истинно славянским радушием» угощали солдат и офицеров. После обеда были устроены игры и пляски, в которых принимали участие как русские, так и болгары. «Глядя на эту оживленную картину, – пишет отец Григорий, – на смешанные группы людей, обнимающихся и целующихся, видно было, что нижние чины полка успели сблизиться и сдружиться с обывателями; и действительно, за все время стоянки полка в Видине не было ни одного случая столкновения или неприятности с местными жителями» [14, с.409].

Русский генерал Иосиф Гурко получает хлеб и соль от священников при въезде в Софию.
Гравюра неизвестного автора. 1878 г.

Характеризуя болгар с духовно-нравственной стороны, священники неоднократно подчеркивают их необразованность и «забитость». Анатолий Лебедев довольно резко заявляет: «Наши братушки придунайские и забалканские все сшиты на одну колодку: грубы и необразованы и составляют единое стадо баранов, пастырем которых долгое время был "злой турка"» [15, с.19]. Не отрицая высокие природные задатки болгарского населения, отец Анатолий показывает губительное воздействие турецкого ига на уровень интеллекта большинства его представителей: «В умственном развитии болгарский народ в массе своей ушел весьма недалеко. Он живет среди роскошной природы и тяготеет больше к ней, хотя способности к развитию имеет громадные. Нам попадались крайне необразованные люди, но весьма смышленные. Если бы болгарам даны были средства к образованию, они не замедлили бы на деле доказать способности к развитию» [15, с.8].

Вакх Гурьев констатирует, что многовековое проживание в мусульманской стране с наличием некоторых ограничений для отправления собственного религиозного культа несколько притупило в болгарях «сознание того, что они христиане». Неоднократно присутствуя при богослужениях в местных храмах, Гурьев заметил, что даже взрослые болгары не умеют правильно креститься, а молодые «совсем не имеют никакого понятия даже о внешней стороне христианства» [11, с.42–43]. «Болгары посещают свои храмы очень редко, – пишет священник, – неохотно и на самое короткое время, для того только, чтобы поставить свечу и затем поскорее уйти домой, так как в церкви их ничто не привлекает и не интересует» [11, с.94]. Такому положению вещей, по его мнению, способствовали бедность церквей, отсутствие в большинстве храмов церковного пения, слабое знание болгарскими священниками церковно-славянского языка, делавшие службу скучной, монотонной и непонятной. Не случайно богослужения русского духовенства, сопровождавшиеся «стройным, звучным пением наших певчих» и отличавшиеся «громким, отдельным произношением возгласов, молитв и Евангелия», производили на болгар «сильное впечатление и видимо им нравились» [11, с.94]. О «громадном значении церковного пения в религиозно-народной жизни» свидетельствует, в частности, по мнению отца Вакха, реакция жителей г. Ловча на пение русских певчих во время обедни 1 января 1878 г.: «Наступила минута, раздался стройный аккорд, зазвенел наш Тамберлик⁵, и в церкви мгновенно водворилась тишина; бродившие по церкви

⁵ Рядовой 11-го гренадерского Фанагорийского полка Шебелов – превосходный тенор, получивший от начальника дивизии прозвище Тамберлик в честь знаменитого в то время итальянского певца Энрико Тамберлика.

болгары и болгарки как будто прикипели к месту, и нужно было видеть, с каким удивлением, а потом с каким заметным удовольствием вслушивались они в гармоническое пение, как будто не веря своим ушам. К концу обедни церковь была полна до тесноты, и все стояли как вкопанные...» [11, с.104]. Любопытно также наблюдение Гурьева, что за Балканами «болгары гораздо религиознее и развитее, нежели по ту сторону, около Дуная» [11, с.141]. Различие между придунайскими и забалканскими болгарами заметил и Анатолий Лебедев, считавший, что последние были «беднее, добрее и более сочувственно относились к русскому народу, чем северные» [15, с.19].

«Братушки во Христе, болгарские священники», называвшиеся в своей стране «попами», привлекали особое внимание Вакха Гурьева и Анатолия Лебедева. Отец Анатолий пишет: «Духовенство, по крайней мере сельское, ничем не отличается от поселянина. Одежда одна и та же; о рясах и подрясниках и помину нет, ни дома, ни в храме... Содержания болгарские священники не получают никакого. Живут пособиями от прихожан» и в большинстве своем «стоят немного выше» паствы: «умеют читать, писать и считать» [15, с.8]. Вакху Гурьеву встречались случаи, когда священники «ужасно путали» во время службы или не могли истолковать «Требник». Для богослужений они, как правило, имели «одну убогую епитрахиль», использовавшуюся и в будни, и в праздники [11, с.44, 95, 103]. При этом по замечанию Лебедева, «в нравственном отношении» болгарские попы стояли выше румынских священников, нередко злоупотреблявших пьянством и попрошайничеством. В отличие от последних они пользовались большим уважением своего народа и имели на него значительное влияние [15, с.5–6, 8].

Православных храмов в Болгарии было немало, однако, по выражению Вакха Гурьева, их главными отличительными чертами были «очень скромные размеры» и «крайнее убожество» [11, с.183]. Григорий Лапшин также отметил, что болгарские храмы «бедны и неблаголепны, а иконопись в них в совершенно первобытном состоянии» [14, с.411]. Дело в том, что после завоевания турками Балканского полуострова многие находившиеся там знаменитые христианские храмы были разрушены или обращены в мечети. На строительство новых православных церквей (как болгарских, так и греческих) был наложен ряд ограничений: по высоте и форме они должны были соответствовать обычным обывательским домам, наличие куполов и колокольни не допускалось. О том, что это культовое сооружение, а не простой жилой дом, зачастую свидетельствовал только крест, водруженный над алтарем. Особенно много таких церквей русские священники встретили за Балканами [11, с.189; 15, с.8–9]. В придунайской Болгарии храмы чаще всего не отличались «от обычного типа

православных церквей», но колоколов, как правило, не имели [15, с.6, 8–9]. Григорий Лапшин вспоминает, что «очень приятное впечатление» произвело на болгар обновление солдатами 139-го пехотного Моршанского полка церкви в селе Семенли: полковые столяры сделали иконостас, солдаты-иконописцы написали иконы, а на пожертвования офицеров была приобретена «приличная утварь» [14, с.411].

Внутри храмов Вакха Гурьева часто поражала «необычайная неряшливость, которую допускает в святом алтаре болгарское и греческое духовенство» («кучи всяческого мусора сваливаются под престол, тут и половые щетки, и тряпки, пустые бутылки, разбитые лампадки, бумажки с поминальными записками и всякий другой хлам»), а также предосудительное поведение священников и прихожан во время богослужения (первые нередко, стоя в алтаре, разговаривали и даже ссорились между собой, а последние не снимали с головы турецкие фески и шапки) [11, с.104, 190]. С горечью наблюдая эти «прискорбные явления», отец Вакх, тем не менее, надеялся на перемены к лучшему после окончания войны: «Думаю, что церковная дисциплина и благочиние в болгарской церкви потребуют от ее представителей коренных мер; настоящие же недостатки и нестроения по этой части вполне извиняются тяжким многовековым положением и самой церкви, и ее паствы» [11, с.176].

К несомненным положительным чертам духовно-нравственного облика болгар Гурьев относит «прекрасный строй их семейной жизни», в значительной степени определявшийся, по его мнению, постоянной трезвостью болгарских мужчин. «Отсутствие кабаков – это величайшее счастье для болгарина и неизлечимая общественная и семейная язва для нашего русского простолюдина! – восклицает священник. – От этого одного болгарин постоянно скромн, сдержан, рассудителен, миролюбив с соседями, а в своей семье – это тип доброты, мягкости, самого гуманного отношения ко всем членам семьи и вместе с тем это неизменно верный супруг, всецело преданный своему домашнему очагу» [11, с.96]. У болгарок отец Вакх также нашел целый ряд достоинств: «все они по большей части необыкновенно стройны, красивы, серьезны, даже строги», являются хорошими хозяйками и «известны своим глубоким патриотическим чувством» [11, с.102, 104–105]. Анатолий Лебедев к характеристике болгарских женщин добавляет также их целомудрие: «Только в Тырнове проявлялись случаи разврата среди болгарок. Виноваты в этом – "златицы". Кто деньгам не прельщается! Но женщин, занимающихся открытым развратом, среди болгарок не существует. Их заменяют в Болгарии румынки» [15, с.8].

Полковые священники неоднократно подчеркивают благоприятный климат Болгарии. Анатолий Лебедев отмечает «роскошную природу», большое количество теплых и солнечных дней в году, «богатую производительность земли», позволяющие «без особого труда» выращивать «обильный хлеб: пшено, ячмень и просо», персиковые, миндальные, ореховые и виноградные деревья, а также устраивать розовые плантации [15, с.13]. Вахх Гурьев называет Болгарию «богатейшей житницей» и «благодатной страной» [11, с.39, 149]. Именно теплый климат и плодородная земля в сочетании с трудолюбием болгар позволили им достичь того уровня материального благосостояния, который так удивил многих российских участников войны и вызвал у них даже сомнения в необходимости освобождения «братушек». Например, В.В.Верецагин писал: «Велико было, однако, удивление наших войск, когда они нашли всюду сравнительное довольство, благосостояние, и чем дальше, тем больше чистоту, порядок в домах, особенно городских, полные житницы, закрома, набитые всяким добром! Невольно явилась и стала высказываться мысль, что мы напрасно "кроем чужую крышу, когда своя хата течет"» [6, с.126]. Сестра милосердия Е.В.Духонина отмечала, что «болгары живут гораздо лучше самых богатых наших крестьян» [12, с.52], а, по мнению полковника М.А.Газенкампа, «в материальном отношении болгарам могли бы позавидовать не только наши, но крестьяне и горожане всей Европы: такое у них изобилие и богатство» [8, с.359]. Интересно, что священник Анатолий Лебедев сравнивает болгар не с русскими или европейскими крестьянами, а с их непосредственными соседями – турками и греками. При этом оказывается, что из этих трех населявших Турцию народов болгарский – «самый беднейший по состоянию» и «самый меньший по правам». Особенно это относится к забалканским болгарам, которые, по наблюдению священника, беднее не только турок и греков, но даже «своих придунайских собратий» [15, с.14]. Иоанн Софронов заметил к тому же, что и в придунайской Болгарии жители разных (даже соседних) селений могли отличаться в материальном отношении. Так, в селе Ореше, остановившись в болгарском доме, священник «от души позавидовал их хорошей и привольной жизни: скотоводство у них прекрасно, хлеба изобильно, да и сами по наружности народ крепкий и живой», а на следующий день, побывав в селе Стижаров, отец Иоанн записал в дневнике: «Жители с. Истежор – все болгары и сравнительно с жителями с. Ореше бедны, храм православный разрушен турками» [17, с.79].

Анатолий Лебедев пытается разобраться: почему два православных народа – болгары и греки – чувствуют себя столь различно в мусульманской стране: «на лицах болгар выражается тяжелый гнет, тоска и уныние»,

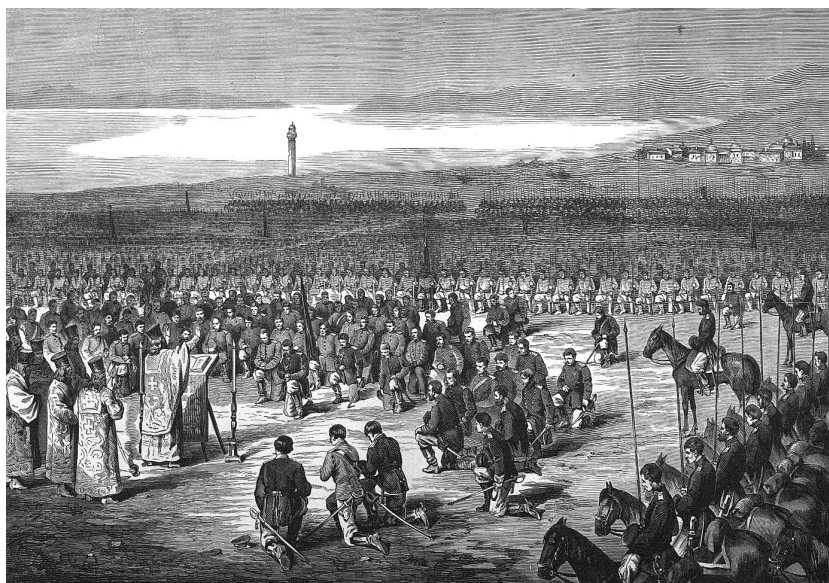
а «грек высматривает господином – поважнее самого турка» [15, с.14]. Священник приходит к выводу, что греков «от бед своих соседей» предохраняет «природная хитрость», «они держатся правила: "приноравливайся или, вернее, подделывайся ко всяким обстоятельствам"» [15, с.16]. Более того, Лебедев полагает, что грекам удалось не только приспособиться к привольной жизни в Турции, но и усилить вражду между болгарами и турками. Последнему во многом способствовал выход Болгарской Церкви из Константинопольского Патриархата, повлекший за собой объявление ей схизмы. Греческое духовенство настроило своих прихожан против болгарских «схизматиков»: начались доносы, жалобы и клевета на них туркам. «С того времени – пишет священник, – забалканским болгарам пришлось терпеть с двух сторон: одни драли шкуру, другие помогали и подстрекали первых» [15, с.20–21].

Главную причину «крайнего раздражения» греческих иерархов созданием независимого Болгарского экзархата отец Анатолий видит не в духовной, а в материальной сфере: «через это они лишились многих златиц, взимаемых за посвящение в священный сан» [15, с.21]. Меркантильность греческого духовенства подчеркивает и Вахх Гурьев, красочно описывая, как греческий протосинкел, настоятель монастыря в г. Чорлу настойчиво пытался продать ему и через него – русским солдатам и офицерам «якобы священные предметы»: крестики с поддельными мощами, камешки, привезенные из Иерусалима и др. При этом «любезный фанариот-торгаш» не забыл отметить «великое благочестие русских людей» и «их щедрую благотворительность, которою только живет и поддерживается бедствующая греческая церковь» [11, с.187–188].

Основным чувством, определявшим отношение большинства болгар к туркам, полковые священники считают страх. Хотя болгары занимали во время войны брошенные турками хорошие дома и даже устраивали храмы в мечетях, они очень боялись возвращения старых хозяев и мести с их стороны. Так, Вахх Гурьев пишет: «В Эски-Загре мы... заходили в мечеть-церковь. Странное впечатление производит она: в куполе и по стенам огромные турецкие надписи из Корана, а в одном углу ничем не покрытый столик и на нем христианская икона и деревянный крест с Распятием; на столике славянские богослужебные книги московской печати, по которым совершается православное богослужение... Мы спросили одного священника, отчего они не уничтожают турецких надписей? Он сконфузился, видимо, растерялся и как-то нерешительно отвечал, что еще не успели этого сделать... А на самом деле они еще боятся турок, еще не верят в благополучный для них исход настоящей войны и оставляют турецкие надписи из опасения, что турки могут снова вернуться и тогда им,

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. В ВОСПРИЯТИИ ПОЛКОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ

болгарам, придется жестоко поплатиться за поругание магометанской святыни» [11, с.175–176]. Анатолий Лебедев, пообщавшись перед отъездом с забалканскими болгарами, пришел к выводу, что они «ожидают удаления русских войск отсюда и возвращения турок как страшного суда Божия» [15, с.19]. Страх болгар перед турками и их беспокойство за исход войны отмечает и Иоанн Софронов: «Проходя д. Истежор, из которой две недели тому назад выступили, мы встретили болгар, как-то не особенно дружелюбно и вместе с боязнью смотревших на наше отступление. Некоторые из братушек спрашивали, далеко ли турки и зачем мы отступаем? Я объяснил любопытным братушкам, что мы идем по приказанию начальства в Никополь, что турки очень далеко и сюда не придут; одни из них успокаивались, но многие недоверчиво относились к моим словам и с каким-то волнением покачивали головами и расходились по домам» [17, с.92].

Дунайская армия. Молебствие в лагере при Сан-Стефано
по случаю заключения мира 19 февраля 1878 г.
Гравюра Б.Брауне по рис. А.Больдингера. 1878 г.

Итоги войны несколько разочаровали наших героев. Вакх Гурьев сокрушается, что русские войска не взяли Константинополь, считавшийся в российских общественных кругах «программой-максимум», «венцом и

конечной целью настоящей войны»: «Еще б один шаг, и Св. София воскресла бы от своего векового, смертоносного усыпления... Другого такого случая для восстановления христианства на Востоке не скоро мы дождемся» [11, с.154, 204]. А Анатолий Лебедев искренне сочувствует забалканским болгарам, получившим меньшую автономию, чем их северные собратья: «Нельзя было не видеть, с какою грустью встретили южные болгары решения Берлинского конгресса, с какою горестью узнали о разделе Болгарии, о счастье придунайских братьев и о своем несчастье... Нельзя не пожалеть их» [15, с.19].

Таким образом, записки полковых священников раскрывают перед исследователями не столько внешнюю (героическую) сторону войны, сколько внутреннюю – повседневную и духовно-нравственную, показывают реальную роль представителей военного духовенства в русской армии и их отношение к происходившему. Немаловажно, на наш взгляд, что, несмотря на трудности похода и определенную трансформацию первоначального образа «братушек», русские священники ни разу не усомнились в необходимости достижения высоких целей войны: освобождения единоверцев-славян и укрепления позиций христианства на Востоке.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.797. Оп.48. Отд.3. Ст.4.
2. РГИА. Ф.797. Оп.97.
3. РГИА. Ф.806. Оп.16.
4. РГИА. Ф.806. Оп.17.
5. [Боткин С.П.] Письма С.П.Боткина из Болгарии 1877 г. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1893. 374 с.
6. [Верещагин В.В.] На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В.Верещагина. М.: т-во И.Д. Сытина, 1902. 317 с.
7. [Волков А.А.] Война 1877–78: Записки унтер-офицера А.В. СПб.: типо-лит. А.А.Лейферта, 1902. 86 с.
8. Газенкамф М.А. Мой дневник 1877–78 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 624 с.
9. Гурьев В. Письма священника с похода 1877 и 1878 года // Русский вестник. 1880. Т.145. С.648–704; Т.147. С.621–664; Т.148. С.129–146, 581–611; Т.149. С.552–594; Т.150. С.120–157, 726–793.
10. Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Унив. тип. [М. Катков], 1883. 320 с.
11. Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Гос. публичная ист. б-ка России, 2007. 286 с.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. В ВОСПРИЯТИИ ПОЛКОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ

12. Духонина Е.В. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. Варшава: тип. Окр. штаба, 1885. 102с.

13. Капков К.Г. Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.-Белгород: «Летопись», 2012. 868 с.

14. Лапшин Г., прот. Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию. (Из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. 1892. №13. С.397–412.

15. [Лебедев А.] Путевые наблюдения и заметки во время последней турецкой войны. Из походного дневника полкового священника Анатолия Лебедева. СПб.: тип. журн. «Странник», 1878. 27 с.

16. Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания / Сост. Н.В.Ильина, Л.Я.Саев. М.: РОССПЭН, 2001. 213 с.

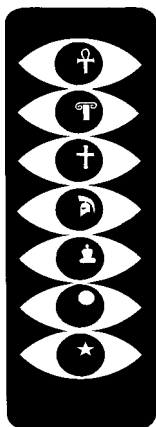
17. Софронов И. Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877–78 гг. // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып.20. СПб.: изд. Военно-исторической комиссии Главного штаба, 1901. С.77–93.

18. Сучалкин Е.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников. Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 224 с.

19. Сучалкин Е.А. Трансформация представлений российских участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. о материальном состоянии болгар // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. №13 (108). Вып.19. С.140–145.

20. Цитович А. Из памятной книжки полкового священника (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. №7. С.125–129; №8. С.147–151.

21. Шавельский Г.И. Служение священника на войне // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. (Российский военный сборник). 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2006. С.283–307.

Андрей Иванов

**ПРАВЫЙ ЛАГЕРЬ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ***

УДК
94(47)“1905–1917”

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы истории правых политических партий Российской империи. Особое внимание уделяется таким острым проблемам как национализм и антисемитизм русских правых, черносотенный террор, вопрос об ответственности черносотенцев за еврейские погромы. Внимание также уделено взаимоотношению правых партий и союзов с правительственной властью, программе правых по противодействию надвигающейся в 1917 году революции и причинам их стремительного поражения. Опираясь на достижения современной российской историографии, автор показывает, как за последние десятилетия изменились представления о правом лагере, его составе, численности и месте в политической истории России начала XX века.

The article discusses the debatable issues of the history of the right-wing political parties of the Russian Empire. Particular attention is paid to such acute problems as nationalism and anti-Semitism of the Russian right, the Black Hundred terror, the question of the responsibility of the Black Hundreds for the Jewish pogroms. Attention is also paid to the relationship of right-wing parties and alliances with government, the program of the right, to counter the impending revolution in 1917 and the reasons for their rapid defeat. Based on the achievements of modern Russian historiography, the author shows how over the past decades, ideas about the right camp, its composition, number and place in the political history of Russia at the beginning of the 20th century have changed.

Ключевые слова: Правые партии; черносотенцы; русские националисты; черная сотня; русские монархисты; политические партии Российской империи.

Key words: Right-wing parties; the Black Hundred; Russian nationalists; Russian monarchists; political parties of the Russian Empire.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.».

С момента поражения правых политических партий и союзов Российской империи прошло уже более ста лет. Появившись в начале XX века, они просуществовали полтора десятилетия и, выступив грозной контрреволюционной силой в 1905–1907 гг., бесславно и неожиданно тихо для своих политических противников сошли с исторической сцены в 1917 году. Конечно, попытки реставрации правого движения предпринимались и в годы гражданской войны, и в эмиграции, однако на фоне успеха, достигнутого правыми во время Первой российской революции, эти усилия выглядели весьма блекло, а их результат – более чем скромным.

За последние три десятилетия в изучении истории правого движения был совершен настоящий прорыв. Исследовательская литература, посвященная дореволюционным русским правым, на сегодняшний день весьма представительна и выражает различные точки зрения на это явление российской политической жизни [7; 12]. Тема, многие годы бывшая фактически запретной, а затем довольно долгое время освещавшаяся упрощенно и предвзято, начиная с 1990-х гг. стала привлекать к себе пристальное внимание исследователей, изучивших к настоящему времени основные сюжеты из истории правого движения. Среди наиболее важных исследовательских работ, охватывающих историю правого движения во всероссийском масштабе, в первую очередь необходимо отметить монографии С.А.Степанова, Ю.И.Кириянова, И.В.Омельянчука, А.В.Репникова, Д.А.Коцюбинского, С.А.Саньковой [37; 13; 25; 31; 32]. И хотя «лакун» в этой теме все еще хватает, а многие вопросы продолжают оставаться дискуссионными, современная историография и корпус доступных источников позволяют сделать некоторые обобщения и наблюдения, подводящие своеобразный итог этапу современного осмысления этого явления политической жизни Российской империи начала XX века.

Одним из несомненных достоинств современной историографии правого движения является ее большая беспристрастность по сравнению с написанными в пылу политической борьбы публицистическими работами начала XX века и выдержанными в рамках строгого идеологического канона исследованиями большинства советских историков. Конечно, работы современных профессиональных историков в той или иной степени также несут отпечаток политических предпочтений их авторов (а в отдельных случаях, по выдержавшим несколько изданий монографиям, можно судить и об изменениях этих предпочтений

[36;35;37]). Однако стремление к объективной оценке правого движения, кажется, стало уже тенденцией.

Вместе с тем, в этой теме остается еще немало дискуссионных вопросов, спорных моментов, малоисследованных сюжетов, требующих дальнейшего изучения.

Кто такие правые?

Одной из таких дискуссионных тем является полемика о границах правого лагеря и его организационном единстве. Во избежание терминологической путаницы (ибо за последнее столетие кто только не относил себя к «правым силам») напомним, что под термином «правые» относительно российских реалий начала XX века принято понимать политические силы, отстаивавшие царское самодержавие и исповедовавшие в качестве политического кредо знаменитую уваровскую триаду: «православие, самодержавие, народность». Как разъяснял один из видных деятелей черносотенного движения Г.А.Шечков, «правые – это русские люди, желающие остаться русскими, верными себе самим и своему долгу перед отчеством. <....> На их хоругви, как и у них на душе, есть заветные три слова: "вера, царь и народ", и осеняет эти три слова не фригийский колпак, а Крест святой» [42].

При этом термин «правые», несомненно, шире понятия «черная сотня». На наш взгляд, для лучшего понимания политических реалий начала XX века к черной сотне следует относить лишь тех деятелей, партии и союзы, которые *сами* называли себя черносотенными, не стыдясь этого названия. Иначе говоря, если все черносотенцы – это правые, то далеко не все правые – черносотенцы. Черносотенцы представляли собой крайний фланг правого лагеря дореволюционной России, включавший ряд умеренно правых организаций, дистанцировавшихся от черной сотни, и возникшие уже после революционных событий 1905–1907 гг. политические структуры русских националистов (с некоторыми оговорками), а также широкий спектр кружков, салонов и прочих неформальных объединений русских консерваторов. К правому лагерю также можно отнести императора, ряд государственных, общественных и церковных деятелей, консервативных публицистов. Причем лагерь этот никогда не был монолитным, и внутри него шла довольно острая политическая борьба. У черносотенцев после 1907 г. не прекращались расколы, приведшие в итоге к раздроблению крупнейшей монархической

По целому ряду принципиальных вопросов – об отношении к треть-еиюньской политической системе, столыпинским реформам, модернизации страны и т. д. – внутри правого лагеря существовали весьма существенные разногласия. Правый лагерь, мобилизовавшись в 1905–1907 гг. в консолидированную и влиятельную силу, в последующие годы уже не мог претендовать на организационное единство. Точно также, как либеральный и социалистический лагерь, он распался на ряд течений и направлений, сохранявших идеологическую близость, но отнюдь не полное единомыслие. Поэтому среди историков до сих пор нет согласия, например, в отношении партии русских националистов – ВНС. Одни исследователи объединяют националистов с крайне правыми в рамках понятия «черносотенцы» [24], другие даже не рассматривают их как часть общего правого лагеря [13], третьи – не без оснований указывают на «пограничный» характер этого идейно-политического движения, сочетавшего в себе как консервативные, так и либеральные составляющие [16; 32]. К тому же важно учитывать и то, что граница между правым и либеральным лагерями в начале XX века далеко не всегда являлась четкой и строго определенной: некоторые провинциальные отделы Союза 17 октября, который подавляющее большинство современных исследователей справедливо относят к правому флангу либерального движения, мало чем отличались от отделов черносотенных союзов – местная правая общественность, не желая конфликтовать с властями и рассчитывая на их поддержку, нередко записывалась в ряды «респектабельных» октябристов. В свою очередь, некоторые правые октябристы мало чем отличались от русских националистов, а левый фланг ВНС определенно тяготел к правому флангу либерального движения, что и показали события 1915 г., когда выделившиеся из ВНС «прогрессивные националисты» примкнули к оппозиционному Прогрессивному блоку.

Идеологические установки

Говоря об идеологических установках правого лагеря, также необходимо обратить внимание на ряд моментов, которые были уточнены современной историографией. Как уже отмечалось выше, центральным идейным постулатом, отстаиваемым всеми без исключения правыми партиями, являлась триада, сформулированная графом С.С.Уваровым еще в царствование императора Николая I – «православие, самодержавие, народность». Основным конституи-

Знамя Брянского отдела Союза русского народа. Источник: Аукционный дом и художественная галерея «Литфонд». Аукцион XXXI. Революционные события 1917 года в России и Первая мировая война: редкие книги, рукописи, автографы, документы, открытки, фотографии, плакаты и графика. М., 2016. С.78–79.

рующим признаком Российской империи для правых было православие, а лучшей системой политической власти, наиболее удовлетворяющей православному мировоззрению – царское самодержавие [25, с.228–262]. При этом правые указывали на принципиальные отличия «истинного самодержавия», ограниченного евангельским учением и исторической традицией, от западноевропейского абсолютизма [28, с.78–79]. Афористично это выразил один из видных деятелей черной сотни, отмечавший, что «Русь самодержавием строилась, а абсолютизмом болела» [41, с.6]. Считая себя идейными наследниками славянофилов, почвенников и русских консерваторов конца XIX в., русские правые продолжали отстаивать тезис об особом историческом пути России, а следовательно, выступали противниками механического заимствования западноевропейских политических институтов и идей. В равной мере являясь противниками либерализма и социализма, русские правые, вне зависимости от толков и течений, всегда выступали против буржуазных ценностей, индивидуализма, материализма, антиклерикализма, космополитизма, идеи ра-

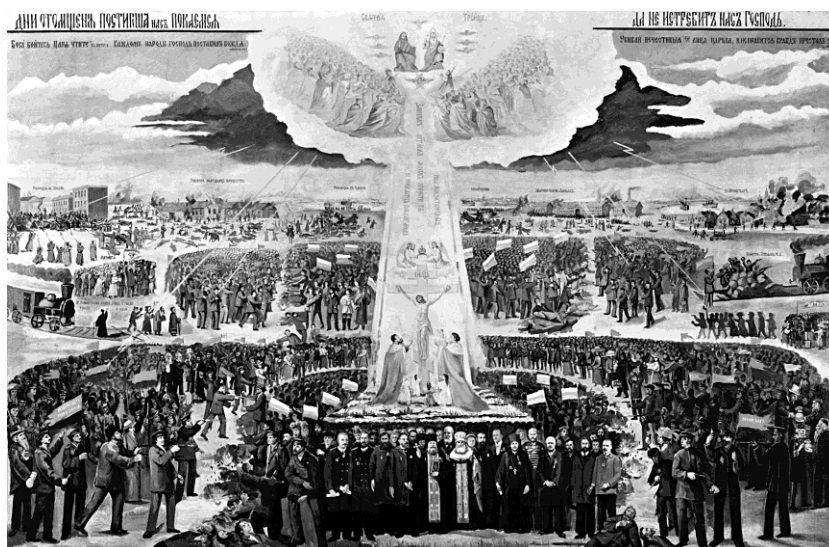
венства, ответственности царской власти перед представителями общества и любых проявлений антитрадиционализма.

Как и для предшествующих поколений русских консерваторов, для лидеров правых партий начала XX в. были характерны признание прио-

ритета самодержавно-монархической формы правления, необходимости сохранения конфессионального характера государства, принципа естественного неравенства людей, необходимости общественной иерархии, патриотизм. Данные установки приводили к особому отношению правых к таким общественным институтам как церковь, армия, школа и семья, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции.

Отдельного внимания заслуживает свойственный правым национализм. У черносотенцев собственно национальная идея находилась в подчиненном положении, занимая «почетное третье место» после двух первых членов уваровской триады – православия и самодержавия. Играя в их идеологии важную роль, национализм не являлся главной ее составляющей. К тому же подчеркивание «русскости» во всех программных документах правых и борьбу за привилегированное положение в империи русского народа в большинстве случаев следует рассматривать не с этнических позиций, а с религиозно-культурно-политических. Русскими в представлении дореволюционных правых являлись люди, исповедующие православную веру, отождествившие себя с русской культурой и лояльные самодержавно-монархической системе власти [11]. Отстаивая национализм «государственный», лидеры правых партий и союзов, как правило, выступали с критикой национализма «племенного», характеризуя, например, национальную политику П.А.Столыпина как «зоологический национализм» [5], а национализм, проповедуемый некоторыми идеологами ВНС, как «национализм без веры и царя» [20]. В отношении «инородцев» обычно практиковался следующий принцип: относиться к ним в строгом соответствии с тем, как они сами относятся к Православной церкви, царскому самодержавию, русскому народу и делу укрепления Российской империи. Собственно националистами, выдвинувшими идею нации на первое место (в ущерб православию и самодержавию) были идеологи ВНС и родственных ему организаций. Но даже наиболее радикальные из них (например, М.О.Меньшиков) оставляли представителям национальных меньшинств Российской империи возможность стать русскими. То есть в правом лагере «русскость» трактовалась не только как врожденное качество, но и как приобретенное. И среди русских националистов того времени такой подход к трактовке «русскости» был наиболее популярным. Даже идеологи ВНС подчеркивали, что под словами «русское

население» националисты понимают «не одно только великорусское племя, но и племена малорусское и белорусское, а также и другие племена, насколько они сливаются с русским населением и считают свои интересы общими со всем русским населением, а Россию – дорогой для них родиной» [2, с.157].

Картина «Дни отщепенца постигшего нас... Покаяемся, да не истребит нас Господь» (1905). В центре изображены вожди черносотенного движения. Источник: Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006.

Среди видных участников и покровителей монархического движения встречаются выходцы из татарских родов В.П.Мещерский, А.А.Ширинский-Шихматов, А.Н.Карамзин, немцы по происхождению В.А.Грингмут (по другим данным – еврей), М.Ф.Таубе и С.К.Гершельман, поляки В.Ф.Залеский и С.К.Глинка-Янчевский, молдаване П.А.Крушеван, Г.В.Бутми де Кацман и П.Ф.Булацель, грузин И.А.Думбадзе, хакас Н.Ф.Катанов, французы В.Ф.Доррер и М.Н.Дитрих (урожденная де Рошефор), голландец Н.Ф.Гейден и многие другие. А в Главном совете ВНС состояли такие люди, как А.П.Урусов, А.А.Потоцкий, Н.К. фон Гюббенет, Ф.Н.Безак, А.И.Урсати, Н.П.Пештич, также считавшие себя, несмотря на нерусские фамилии, «истинно русскими людьми». При этом те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые, с точки зрения правых,

присущие русской народности качества (православие, монархизм, патриотизм), переставали быть для них русскими. Так, лидер РНСМА В.М.Пуришкевич, мать которого была полькой, подчеркивал, что в национальном вопросе русские правые исходят не из этнической принадлежности того или иного человека, а из национальной самоидентификации. «Сопоставьте теперь с одной стороны немцев: Екатерину II, Миниха, Остермана, Меллер-Закомельского, Ренненкампа, Кауфмана и с другой стороны – Милюкова, Павла Долгорукова, Петрункевича, Родичева, Набокова (лидеров кадетской партии. – *А.И.*). Можно ли и здесь применять зоологический национализм?» – вопрошал Пуришкевич, сравнивая «русских немцев» – государственных деятелей и русских по крови российских либералов, которым он в принадлежности к русскому народу отказывал [40, с.27].

**Еврейские погромы
и антисемитизм**

Одной из самых «острых» тем при обращении к истории монархического движения по-прежнему остается вопрос об антисемитизме русских правых, причастности черносотенцев к еврейским погромам и террору. Эти обвинения, появившиеся с момента возникновения правых политических партий и союзов, стали расхожим местом как советской, так отчасти и российской историографии. Однако здесь также нужно отметить ряд важных нюансов. Что касается антисемитизма, то это обвинение во многом справедливо: подавляющее большинство русских правых, действительно, не испытывали к евреям симпатий, позволяли себе недопустимые по современным меркам высказывания в их адрес, причем в начале XX века юдофобия из традиционного для консервативной христианской традиции неприятия иудаизма все чаще превращалась в «племенной» и даже расовый антисемитизм. Последнее обстоятельство постоянно заставляло видных представителей Православной церкви одергивать патриотов-антисемитов, указывая им на принципиальную разницу между иудаизмом как религией, отвергающей Христа, и евреями как национальностью, между ветхозаветными еврейскими праведниками и евреями-атеистами из либерального и революционного лагерей [6, с.6–12; 22, с.104–108]. Более того, известный своими правыми взглядами и покровительством СРН митрополит Антоний (Храповицкий) отмечал, что даже у современных иудеев

есть чему поучиться русским людям: отношению к семье, своему народу, стойкости в вере, трудолюбию [1].

Также важно помнить, что в той или иной степени антисемитизм в начале XX века был характерен для многих европейских консервативных деятелей, партий и организаций, поэтому говорить о нем как о явлении исключительно русском было бы неверно. Некорректно, как это делал У.Лакер и вслед за ним некоторые современные историки, говорить о черносотенцах как о «наставниках Гитлера» [43]. У германских нацистов хватало учителей и без русских правых, которые, в своем большинстве, остались чужды расовому подходу, получившему широкое распространение в Западной Европе. Расовый подход захватил не столько черносотенцев (исключение – А.С.Шмаков), оставшихся в большинстве своем на позициях религиозного, политического, социального и экономического антисемитизма [30, с.255–257], сколько отдельных представителей «более культурных» и ориентированных на западные политические практики русских националистов, которые, как уже говорилось, дистанцировались от черной сотни (М.О.Меньшиков, И.А.Сикорский, П.И.Ковалевский) и заимствовали эти идеи у европейских расистов. Для большинства русских правых монархистов, находившихся под влиянием православия и имевших в своих рядах немало представителей духовенства, идеи «расовой неполноценности» не могли встретить сколько-нибудь серьезной поддержки. И хотя в публичных выступлениях вождей крайне правой ориентации довольно часто звучали грубые и неприемлемые для нашего времени антисемитские выпады, «экстремистскими» в современном понимании этого слова, они для тогдашнего общества не были. Как справедливо отмечает М.Л.Размолодин, несмотря на то, что и черносотенцев и русских националистов «объединяла крайне негативная оценка евреев как единственной на земле этнорелигиозной секты, вносившей нестроения в среду приютивших их народов», разность двух доктрин проявлялась в следующем: «Если националисты без критического анализа пошли на поводу у западных идеологов расизма, то черносотенцы остались верны религиозной традиции, согласно которой специфика народов определялась не физиологическими признаками, но религиями, формировавшими их духовный стержень, мировоззрение, смысл земного существования, а также поведение и этику отношения к окружающим», поэтому «именно иудаизм, а не состав крови, по

мнению крайне правых, стал источником негативных качеств евреев, приводя к напряжению с коренным населением в политической, экономической и иных областях» [30, с.257].

Другой дискуссионной проблемой остается вопрос о вине правых партий и союзов в череде еврейских погромов, прокатившихся по стране осенью 1905 года. Если для советской историографии было свойственно констатировать виновность правых вслед за их политическими противниками из левого лагеря как аксиому, то сегодня эта проблема выглядит не так однозначно. Говоря о еврейских погромах, следует иметь в виду, что в этот период правые партии еще находились в стадии формирования и принять участие в этих эксцессах не могли хотя бы по причине отсутствия у них на тот момент таких возможностей. В последующих еврейских погромах, произошедших в 1906 г. в Гомеле, Белостоке, Седльце, правые партии не принимали никакого участия.

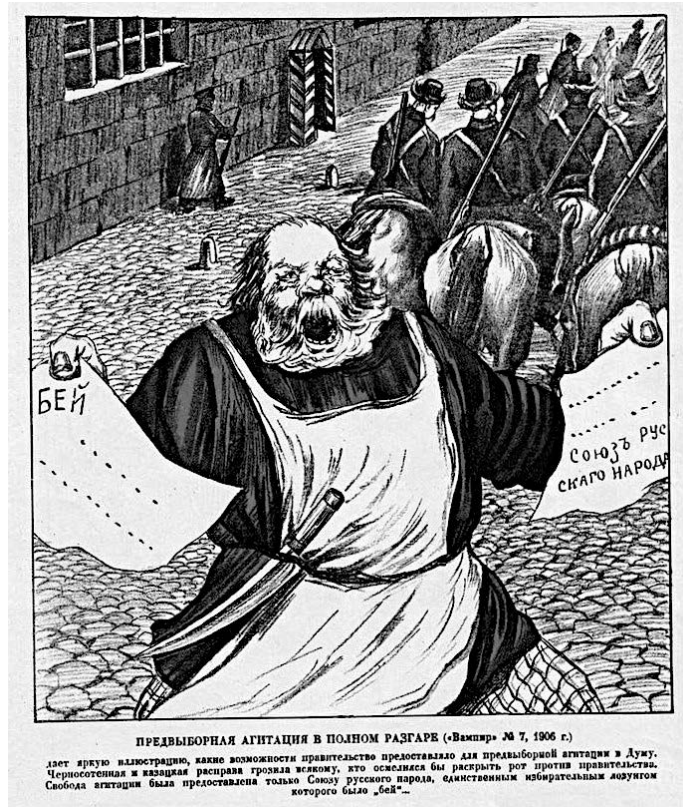
Показательно, что ни одна из всероссийских черносотенных организаций, несмотря на присутствовавший в их риторике антисемитизм, никогда не призывала своих членов к погромам, а напротив, осуждала эту форму борьбы. По крайней мере, до настоящего времени историкам не удалось обнаружить призывов лидеров правых к погромам, в то время как высказывания представителей правого лагеря с осуждением погромной тактики хорошо известны. С осуждением погромов выступали почетный член СРН Иоанн Кронштадтский, митрополит Антоний (Храповицкий) [34]; Главный совет СРН в ноябре 1906 г. называл еврейские погромы самосудом и «проявлениями дикого насилия» и указывал на то, что ему пришлось приложить немало усилий для того, чтобы удержать своих членов от подобных выступлений [15, с.104]. А черносотенный публицист А.П.Липранди и вовсе объяснял еврейские погромы отсутствием в 1905 г. сильных монархических организаций, способных сдерживать антисемитские настроения в народных массах в законных рамках [18, с.35]. Даже те из черносотенных политиков и публицистов, кто сочувствовал погромам (а такие, безусловно, были), не позволяли себе их публично одобрять. Известный своей воинственной антисемитской риторикой А.И.Дубровин решительно отмежевывался от обвинений в погромах, называя их «преступлением» (хотя и делал показательную оговорку, что до этого преступления русский народ был доведен «еврейскими преступлениями») [29, с.97, 106]. Поэтому, говоря о черносотен-

тенных погромах, следует уточнять, что в данном случае термин «черносотенный» может использоваться для характеристики монархически, антиреволюционно и антисемитски настроенных масс, не принадлежащих к каким-либо организованным политическим структурам, а не к возникшим чуть позже черносотенным (правым) партиям и союзам. Впрочем, это, естественно, не означает, что участники еврейских погромов 1905 г. не могли позже влиться в ряды черносотенных организаций, равно как и то, что среди деятелей правого движения не могло быть «погромных настроений». Однако официально погромная тактика вождями черной сотни осуждалась, ибо являлась действием «революционным», преступным, развращающим массы. Ведь те, кто с энтузиазмом громил еврейские лавки, с легкостью мог оказаться в рядах тех, кто позже жег дворянские усадьбы. Да и из прагматических соображений погромы, от которых страдали преимущественно представители мелкой еврейской буржуазии, были для лидеров правых явлением совершенно бесполезным, ибо их жертвы не имели никакого отношения к тем евреям, которые, по мнению консервативных теоретиков, сосредоточили в своих руках мировые финансы, влияли на судьбы мира или же руководили революционным движением. Другое дело, что воинственный антисемитизм русских правых уже сам по себе мог способствовать погромным настроениям среди малокультурных участников черносотенного движения. И тем не менее с подачи вождей черной сотни ни одного погрома в Российской империи в период 1905–1917 гг. не произошло.

Черносотенный террор

Не менее дискуссионной является и тема черносотенного террора. Не отрицая активную деятельность в 1905–1907 гг. черносотенных дружин в ряде российских регионов, направленную на противодействие левым радикалам, и виновность отдельных деятелей черной сотни в политических убийствах, важно обратить внимание на следующие моменты. В отличие от аналогичных дружин левых радикалов (бундовцев, эсеров, анархистов и т. д.) черносотенцы в большинстве случаев действовали легально, с санкции властей, которые их вооружали и осуществляли контроль над ними (хотя часто и недостаточный). То есть изначально они создавались не для

террористической или погромной деятельности, а для защиты правопорядка и помощи полицейским властям в условиях революционной ситуации. Это обстоятельство, конечно, не означает, что добровольные помощники власти всегда действовали в рамках закона, но неорганизованными бандами они также не были. В условиях экстремальной ситуации и свойственной ей радикализации общества (вплоть до эксцессов крайне острого гражданского противостояния – вооруженных столкновений, терактов, погромов), в 1905–1907 гг. черносотенные дружинники нередко превышали свои полномочия, а иногда и вовсе выходили из подчинения властям, однако преступления, совершенные ими, все же следует рассматривать как эксцессы, а не как целенаправленную террористическую политику правых.

Карикатура на черносотенца. Источник: Вампир. 1906. №7

Что же касается политических убийств, избиений и покушений, совершенных в этот период черносотенцами, то до сегодняшнего дня среди историков продолжается полемика относительно того, кем именно были инициированы данные преступления (например, убийство депутата-кадета М.Я.Герценштейна) – вождями черной сотни, Департаментом полиции или они были частной инициативой руководителей правых боевых дружин? И еще один важный момент: преступления, совершенные черносотенцами, несопоставимы по своему размаху с террористической деятельностью левых, число жертв которых в разы превосходит количество пострадавших от правых радикалов. Поэтому демонизация правого террора при романтизации террора левого, что все еще встречается в литературе, говорит скорее о политических предпочтениях авторов, но не об объективном подходе к экстраординарной ситуации 1905–1907 гг.

Кроме того, говоря об отдельных террористических акциях правых, нельзя забывать и о многочисленных терактах, совершенных против правых, жертвами которых стали многие черносотенцы. При этом террор против правых оправдывался не только эсерами и анархистами, но и социал-демократами, включая В.И.Ленина и Г.В.Плеханова. Последний, являясь в целом противником террора, утверждал, что по отношению к «черным сотням» социал-демократы могут «признавать только один прием – *террор*» [4, с.315]. И если левые радикалы своей террористической деятельностью гордились, то правые от обвинений в терроре всегда отмежевывались, осуждали его и объясняли участие отдельных своих членов в политических убийствах их личными низкими моральными качествами. Последнее замечание, конечно, не свидетельствует о том, что среди вождей правого движения не было людей способных на политические убийства (участие В.М.Пуришкевича в убийстве Г.Е.Распутина в 1916 г. и его попытка в годы гражданской войны организовать убийство М.М.Винавера говорят об обратном [9, с.254–302, 392–393]), но показывает принципиально разное отношение к террору в правом и левом лагере.

И последнее, что необходимо заметить: отношение к правому террору имели лишь представители черной сотни, которая, как было отмечено выше, не исчерпывала всего правого движения. Целый ряд партий и союзов как черносотенных, так и умеренно правых, особенно появившихся в самом конце революции 1905–1907 гг. или уже после ее окон-

чания (РНСМА, ВНС, Отечественный патриотический союз и ряд других), к насильственным методам борьбы никакого отношения не имели, хотя в числе их членов и могли состоять те, кто практиковал такие методы ранее.

Численность и состав

Несомненным достижением российской историографии стал пересмотр отношения к правым партиям и союзам как к бандам «хулиганов, грабителей и погромщиков» [27, с.40]. За

1905–1907 гг., в результате контрреволюционной мобилизации широких народных масс, правый лагерь превратился в многочисленную и влиятельную политическую силу. Достаточно заметить, что совокупная численность монархических партий и союзов составляла к концу Первой российской революции не менее 450 тыс. членов [25, с.85] (больше, чем совокупная численность левых и либеральных партий вместе взятых). Кроме того, ни левые, ни либеральные партии не могли похвастаться охватом всех сословных групп и классов российского общества, в то время как правый лагерь этим свойством до определенного момента обладал, имея в своих рядах представителей родовитой знати, дворянства, интеллигенции, духовенства, купечества, казачества, крестьян и рабочих. Участие последних в черносотенном движении в советское время обычно замалчивалось, а между тем на начальном этапе деятельности правых партий и союзов рабочие играли в нем немаловажную роль. Помимо участия в деятельности СРН и других правых партий, рабочие-монархисты имели и свои политические организации, среди которых наибольшую известность получили Киевский союз русских рабочих и Патриотическое общество мастеровых и рабочих уфимских железнодорожных мастерских.

Руководящие органы всероссийских правых партий и союзов в плане образовательного ценза мало уступали другим политическим партиям, имея в своих рядах видных ученых (А.И.Соболевский, П.В.Никольский, А.С.Вязигин, Ю.А.Кулаковский, В.Ф.Залеский и др.), юристов, сановников, администраторов и т. д. Все вожди всероссийских правых союзов имели высшее образование. Правые организации пользовались активной поддержкой со стороны значительной части православного духовенства, членами СРН были Иоанн Кронштадтский, будущие патриархи Русской православной церкви Тихон (Беллавин), Алексей (Симанский),

Сергий (Страгородский); среди членов правых партий и их покровителей было немало и других известных архиереев и священников, некоторые из которых ныне причислены РПЦ к лику святых. По подсчетам С.А.Степанова, в 1906–1908 гг. десятая часть председателей губернских отделов и почти треть председателей уездных отделов СРН являлись священнослужителями [37, с.316]. Призывы к духовенству и православным верующим вступать в ряды монархических союзов публиковались на страницах епархиальных изданий [17, 21]. Знамена правых союзов нередко выставлялись в православных храмах. Несмотря на попытки оппонентов представить черносотенное движение маргинальным, оно являлось массовым и до определенного времени пользовалось поддержкой значительной части российского общества, в отличие от политических организаций иной идеологической направленности. Однако со временем в результате внутренних распрей и расколов, допущенных ошибок и просчетов, стремления власти отмежеваться от своих защитников справа, радикализации российского общества и других факторов это преимущество правыми было утрачено. И численность правых партий и союзов после 1907 г. неуклонно снижалась, уменьшившись к Февральской революции практически в 10 раз – до 30–45 тыс. чел. [13, с.82, 417]. Такие же негативные процессы произошли в социальном составе правого лагеря, который к 1917 г. также заметно сузился.

Участники монархической делегации к императору Николаю II 1 декабря 1905 г.
Источник: газета «Вече».

Правые и правительство

Еще один сюжет, который подвергся пересмотру в новейшей российской историографии, касается взаимоотношений правых с властью. С одной стороны, в расширительном

(особенно свойственном для оппозиционной и революционной публицистики эпохи) толковании правые партии и союзы часто характеризовались как некий «придаток» не менее правой и реакционной власти. В современной историографии тенденция представлять правых верными клеветами правительственной власти сменилась более взвешенным подходом, учитывающим то обстоятельство, что, во-первых, эти отношения переживали различные стадии; во-вторых, отношение власти к правым и правых к власти сильно зависело от личности и политической позиции председателя Совета министров; в-третьих, отношение правого лагеря, представленного как крайними, так и весьма умеренными партиями и союзами, к власти также не было единым.

Но кое-что общее, характерное для правого лагеря, все же можно отметить. С момента возникновения крайний фланг правого лагеря – черносотенцы считали себя безоговорочными защитниками *царского самодержавия*, но никак не *правительственной власти*, практически сразу же став ее критиками справа. В условиях думской монархии крайне правые являлись консервативной оппозицией правительственной власти, став по отношению к ней своеобразными контролерами, блюдущими исполнение «подлинной монаршей воли» [3, с.277]. Представители правительственной власти отвечали крайне правым взаимностью: ни один из составов Совета министров не рассматривал черносотенцев в качестве своей опоры, предпочитая иметь дело с либерально-консервативными или консервативно-либеральными партиями. Нуждаясь в поддержке черносотенных масс в условиях революции 1905–1907 г., когда требовалась мобилизация всех контрреволюционных сил, правительственная власть стала дистанцироваться от них сразу же после окончания беспорядков, а то и целенаправленно содействовать их ослаблению. Революционные потрясения, как казалось тогда многим представителям бюрократии, безвозвратно ушли в прошлое, а тесное и неприкрытое сотрудничество с ультраконсерва-

тивными течениями в новых политических условиях компрометировало власть.

Все составы правительства (за исключением отдельных министров), по сути своей, имели характер не столько охранительный, сколько умеренно реформаторский и не являлись, в отличие от крайне правых, непримиримыми противниками развития России по западноевропейскому пути и постепенной либерализации общественно-политических отношений. В итоге, по справедливому замечанию Ю.И.Кирьянова, правительственная власть не столько помогала правым, сколько терпела их [14, с.20]. Это нашло отражение в том, что, несмотря на определенную финансовую поддержку ряда правых организаций, имевшую целью держать их под контролем, власть в то же самое время содействовала их ослаблению, превращая, по словам одного из вождей черной сотни Н.Е.Маркова, «полки» в «академии» [19, с.151–152]. Исключение в этом плане составлял лишь ВНС, ставший в последние годы нахождения П.А.Столыпина у власти его надежной опорой и своего рода «партией власти». Впрочем, такое положение продолжалось совсем недолго и уже с 1912 г. стало ясно, что новый премьер В.Н.Коковцов не намерен столь же тесно сотрудничать с русскими националистами. В результате консервативный фланг ВНС вынужденно оказался в правой оппозиции новому кабинету, часть националистов предприняла попытку перестроиться под новые реалии и превратиться в «центр», а в 1915 г. около трети думских националистов организовались в думскую фракцию (позже партию) прогрессивных русских националистов и встали в оппозицию правительству, правда, уже с другого фланга, поддерживая требования либеральной оппозиции.

Таким образом, отношение правых к правительству было двойственным и во многом зависело от изменения общественно-политического положения в стране: защищая власть от нападков левой и либеральной оппозиции, правые не являлись силой, слепо следующей правительственному курсу, и позволяли себе критиковать отдельных членов кабинета и некоторые направления его деятельности. При этом, в отличие от либеральной оппозиции, мечтавшей о «министерстве общественного доверия» («ответственном министерстве»), большинство правых преследовало другую цель: путем дискредитации вынудить уйти в отставку неугодных консервативному крылу

министров и тем самым заставить правительство отказаться от лавирования между интересами либеральной общественности и правыми кругами в пользу последних. Вместе с тем, добиваясь от верховной власти формирования кабинета из консервативных деятелей, правые, получая назначения на ключевые государственные посты, упустили все предоставленные им шансы переломить ситуацию в свою пользу. Из всех министров, назначенных императором из числа лиц, пользовавшихся доверием правого лагеря (Н.А.Маклаков, А.Н.Хвостов и др.), никто не сумел ни поставить общественные процессы под жесткий контроль власти, ни войти в конструктивно-сотруднические отношения с общественностью. Получался замкнутый круг, выхода из которого охранительными политическими силами так и не было найдено.

Причины краха

Стремительное поражение правых в 1917 г., которого не ожидали их политические противники, помнившие массовые контрреволюционные выступления черносотенцев в 1905–

1907 гг. и потому опасавшиеся «черной реакции», заставляет историков задумываться о причинах столь быстрого ухода монархических союзов с исторической сцены [8; 23; 38; 39]. К февралю 1917 г. правые партии подошли в состоянии полного разброда, глубокого уныния, осознания собственной обреченности. Растеряв за время Первой мировой войны остатки бывшего влияния [10, с.519–559], они уже не представляли силы, способной противостоять революции, и фактически потерпели поражение еще до свержения монархии. При этом трагизм положения правых усиливался тем, что утратив к 1917 г. поддержку широких народных масс, раздираемые расколами и внутренней борьбой, которую так и не удалось преодолеть, последние защитники самодержавия прекрасно видели надвигающуюся революционную бурю. Более того, им удалось с большой прогностической точностью предсказать как свое поражение, так и печальный итог деятельности либеральной оппозиции, закончившейся крахом имперской государственности и торжеством левых радикалов (П.Н.Дурново, Н.Е.Марков, П.Ф.Булацель, В.Н.Снежков и др. [26; 33]), причем

многие из этих «пророчеств» были сделаны еще до начала Первой мировой войны.

К началу 1917 г. у правых уже практически не оставалось сомнений в том, что революция стоит на пороге России. Представители правого лагеря искали способы спасти самодержавие, адресуя власти записки, предлагавшие ряд мер, направленных на противодействие революционным силам. Многие из этих предложений были, на первый взгляд, вполне адекватными (установление диктатуры, немедленный роспуск Государственной думы, введение военного положения в Петрограде и Москве; концентрация в обеих столицах надежных войск; немедленное закрытие всех органов оппозиционной печати; надежная защита телеграфа, почты и железных дорог; занятие войсками соборных площадей и других мест массовых сборищ и др.). Но проблема заключалась в том, что почти все эти предложения никому было воплощать в жизнь. В стране уже не было ни решительной власти, ни готовой брать на себя личную ответственность администрации, ни верного монарху генералитета, ни сплоченных монархических партий. Кроме того, несмотря на понимание, что революция становится неизбежной, практически никто из правых не допускал мысли, что она произойдет уже в феврале 1917 г. Другими неожиданностями, дезориентировавшими правых, стали отречение царя и его решение отказаться от борьбы; отказ великого князя Михаила Александровича взойти на престол; поддержка революции сверху (генералитетом, частью высшей бюрократии, аристократией) и ее национально-патриотическая риторика. Кроме того, в силу специфики монархического движения, русские правые оставались достаточно пассивными, адресуя большую часть своих требований монарху и его правительству, ожидая именно от действующей власти активности, решительности и руководства всеми контрреволюционными силами. Но, как показали события, действующая власть не смогла оправдать ожидания правых, а потому их призывы к диктатуре и проведению волевой и решительной политики повисли в воздухе. Выступить же самостоятельно, без призыва и лидерства со стороны верховной власти, правые оказались неспособны.

Политическое поражение русских правых было предопределено самим ходом истории. Уже к концу 1916 г. стало ясно, что «черносоленной угрозы», которой пугали либеральные и левые издания, не

существовало. Дискредитация царского самодержавия означала и поражение его наиболее рьяных защитников. Во многом трагедия консервативного лагеря заключалась в том, что, научившись довольно метко критиковать своих политических противников, находить слабые места в их программах, показывать с удивительной прогностической точностью последствия, к которым вели действия оппозиционного и революционного лагеря, сами они не смогли избежать серьезных ошибок, преодолеть внутреннего разлада, восстановить свое былое влияние на народные массы, предложить адекватные ситуации рецепты для вывода страны из глубокого кризиса и спасения монархии от краха. Однако поражение правых и их уход с исторической сцены в феврале 1917 г. не означал полного краха всех их идей. Как не раз отмечалось исследователями русского правого движения, являясь государственниками, русские правые монархисты были силой, отстаивавшей сильную верховную власть и государственное единство страны; были ориентированы на поддержку отечественного производителя; ратовали за укрепление вооруженных сил (при этом не стремясь к развязыванию военных конфликтов); боролись за народную нравственность и сохранение традиций [13, с.429–430]. Поэтому, несмотря на то что в деятельности правых было немало недостатков, просчетов и ложных установок, они не заслуживают исключительно негативной оценки, еще недавно господствовавшей в исторической науке (к настоящему времени, правда, уже во многом преодоленной). Размах русского правого движения, его численность, поддержка различными социальными слоями, равно как и след, оставленный им в истории, не позволяет признать это явление российской политической жизни начала XX века случайностью или «недоразумением». Правые были неотъемлемой и естественной частью политической культуры дореволюционной России и внесли немалый вклад в ее развитие и специфику.

Библиографический список

1. Антоний (Храповицкий). Слово в неделю святых жен-мироносиц, сказанное в житомирском кафедральном соборе 20-го апреля 1903 года // Волянь. 1903. 2 мая.
2. Балясный М.Я. Чего ожидать от русского национализма // Ладо. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. 2-е изд. СПб.: Типография журнала «Сатирикон», 1913. 242 с.
3. Барач П.А. Переоценка ценностей // Прямой путь. 1913. Вып.4. С.272–284.
4. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: РОССПЭН, 2000. 396 с.
5. В.М.Пуришкевич о националистах // Речь. 1911. 24 апреля.
6. Глаголев А.А. Ветхий Завет и его непреходящее значение в христианской Церкви. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. 61 с.
7. Ивакин Г.А. Историография черносотенного движения: этапы становления // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. №3–4. С.397–408.
8. Иванов А.А. «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 года // Российская история. 2017. №2. С.42–59.
9. Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 448 с.
10. Иванов А.А. Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.519–559.
11. Иванов А.А. Трактовка понятия «русские» в российской консервативной мысли (1860-е – 1917 гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. №2 (22). С.40–50.
12. Карпухин Д.В. «Черная сотня»: Вехи осмысления в России. М.: Издательство МГОУ, 2009. 387 с.
13. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
14. Кирьянов Ю.И. Предисловие // Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М.: РОССПЭН, 1998. Т.1. С.5–66.
15. Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М. [Без издательства], 1998. 228 с.
16. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
17. Лашков И. Несколько слов о «Союзе русского народа» // Холмская церковная жизнь. 1907. №2. С.47–49.
18. Липранди А.П. Равноправие и еврейский вопрос // Мирный труд. 1910. №10. С.30–80.
19. Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М.Б.Смолин. М.: Москва, 2002. 528с.
20. Марков Н.Е. Национализм без веры и царя // Свет. 1908. 26 февраля.

21. Нечто о великом нашем недоразумении // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. №16. С.506–509.
22. Никон (Рождественский). Мои дневники. Вып.6. 1915. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Лавры, 1915. 189 с.
23. Омелянчук И.В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. №7. С.3–21.
24. Омелянчук И.В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории. 2008. №4. С.95–104.
25. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
26. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 т. Т.2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А.В.Репников, сост., предисл. и коммент. А.В.Репников, А.А.Иванов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 652 с.
27. Портнов В.П. ВЧК. 1917–1922. М.: Юридическая литература, 1987. 207 с.
28. Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т.1. 1905–1910 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 720 с.
29. Приговоренный к расстрелу дважды (коммунист-монархист Александр Иванович Дубровин) / Публ. В.Г.Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / под ред. Д.Б.Павлова. М.: РОССПЭН, 2010. С.84–143.
30. Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль: Ньюанс, 2012. 388 с.
31. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.
32. Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Издатель Светлана Зенина, 2006. 370 с.
33. Свет и тени Великой войны. Первая мировая война в документах эпохи / сост. А.В.Репников, Е.Н.Рудая, А.А.Иванов. М.: РОССПЭН, 2014. 414 с.
34. Слово о. Иоанна Кронштадтского. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в г. Кишиневе. С прибавлением слова епископа Антония о кишиневских событиях. Одесса: Изд. тип. И.Б.Иохельчика, 1903. 11 с.
35. Степанов С.А. Черная сотня. М.: Издательство «Эксмо». Издательство «Яуза», 2-е изд., доп. и перераб., 2005. 544 с.
36. Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914. М.: Изд-во ВЗПИ, 1992. 329 с.
37. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
38. Степанов С.А. Черносотенцы в период Февральской революции 1917 г. // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы 15-й Международной конференции. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С.797–803.

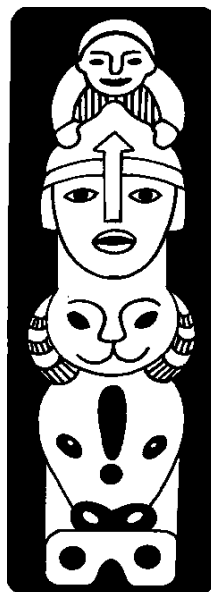
39. Шахматов В.В. Революция 1917 года и правомонархическое движение в России // Октябрьской революции – 100 лет. Сборник статей. М.: АИРО–XXI, 2017. С.176–190.
40. Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб.: Издательство РНБ, 1997. 315 с.
41. Шечков Г.А. Об истинном значении некоторых слов. Харьков: Типография губернского правления, 1906. 17 с.
42. Шечков Г.А. Что такое правые? // Московские ведомости. 1916. 5 марта.
43. Laqueur W. Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia, New York: Harper Collins, Cop., 1993. 317 p.

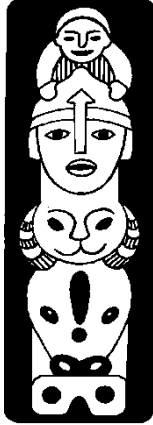
Во всем, на что направлен в наши дни киноаппарат, массы получают возможность взглянуть самим себе в лицо.

Вальтер Беньямин

Анаксагору, изгнанному из Афин, сказали: «Ты лишился общества афинян». Он ответил: «Нет, это они лишились моего общества».

Диоген Лаэртский

Ольга Заиченко

**НЕМЕЦКОЕ
И РУССКОЕ КИНО
В ИЗГНАНИИ**

**ЧАСТЬ I.
УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
325.2
7.071.2
327.83

В статье делается попытка сравнительного анализа двух волн европейского культурного трансфера в США в первой половине XX в. на примере исследования немецко-еврейской и русской эмиграции деятелей кинематографа. Покинувшие в 20–30-е гг. Россию и Германию деятели кинопроизводства рассматриваются, прежде всего, как носители двух национальных культурных традиций: культуры Серебряного века и Веймарской культуры.

The article represents a comparative analysis of two waves of European cultural transfer to the United States in the first half of the 20th century on the example of the study of German-Jewish and Russian emigration of cinematographers. Russian and German filmmakers, who left in the 20s – 30s, are considered primarily as carriers of two national cultural traditions: the culture of the Silver Age and the Weimar culture.

Ключевые слова: Россия; Германия; кинематограф; эмиграция; национальная культура.
Key words: Russia; Germany; cinema; emigration; national culture.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Национальная культура как инструмент самоидентификации эмигрантов из России и Германии

Сохранение национальной культурной традиции и противостояние забвению – такой видели свою сверхзадачу изгнанники из большевистской России и фашистской Германии. Потерявшие

Родину и вычеркнутые из числа ее граждан, эти представители двух мощнейших волн европейской эмиграции межвоенного периода сделали все возможное, чтобы сохранить «национальное лицо» своих великих культур в изгнании: вне пределов собственного государства, в инокультурном, инонациональном окружении. На собственном примере им удалось доказать, что сохранение культуры даже при распаде породившего ее государства способно предотвратить исчезновение нации.

Что же представляли собой культурные традиции, ставшие для русских и немецких эмигрантов основным критерием и инструментом национальной самоидентификации? В начале XX в. в России сформировалась уникальная культура Серебряного века, которая сразу же заявила о себе как одном из лидеров мирового духовного движения. Чуть позднее, после Первой мировой войны, в Германии возник феномен Веймарской культуры, определившей развитие авангардных направлений мирового искусства и последующей массовой культуры всего XX в. Серебряный век был оборван политическими, военными и социальными потрясениями 1917–1922 гг. Приход национал-социалистов к власти в Германии в 1933 г. положил начало планомерному уничтожению авангардной культуры, возникшей за короткий период существования Веймарской Республики. Но такие мощные духовные движения не могли исчезнуть в один момент. Благодаря вынужденной эмиграции большинства их носителей эти две великие европейские культуры не погибли: трансформированные, пересаженные на чужую почву, в новом социальном контексте русская и немецкая культурные традиции продолжили свое развитие сначала в Европе, затем по ту сторону Атлантики. В связи с этим при изучении истории эмиграционных волн из России и Германии в США на первый план выходят проблемы взаимной интеграции культур, а также неизбежной культурной ассимиляции беженцев из Европы, несмотря на их стремление сохранить национальную самобытность.

Веймарская культура и судьба немецкого кинематографа

Одним из ярких проявлений интеграционных процессов в искусстве первой половины XX в. стало развитие традиций русского и немецкого кинематографа на чужбине. Кино изгнанников, развивавшееся в разных странах Европы и в Америке, всякий раз видоизменялось, приобретая новые формы и наполняясь новыми смыслами в зависимости от национальной специфики и культурной традиции страны, приютившей беженцев. Процесс взаимодействия местного культурного контекста и привнесенной эмигрантами собственной национальной традиции порождал уникальный феномен культурного трансфера.

История русского кинематографа в изгнании, активно развивавшегося в разных частях света в 1920–1940-х гг., хорошо известна. Его изучением давно и плодотворно занимаются отечественные исследователи [10; 18; 15; 12; 2; 21; 13; 19; 20], поэтому заново осмысливать актуальность этой темы нам представляется излишним. А вот история развития немецкого эмигрантского кино как важной части уничтожаемой нацистами Веймарской культуры, в российской историографии практически не освещена. В связи с этим нам представляется целесообразным заполнить возникший пробел на фоне сравнительного анализа двух волн европейской эмиграции в США – из большевистской России и нацистской Германии.

История русского кинематографа в изгнании, активно развивавшегося в разных частях света в 1920–1940-х гг., хорошо известна. Его изучением давно и плодотворно занимаются отечественные исследователи [10; 18; 15; 12; 2; 21; 13; 19; 20], поэтому заново осмысливать актуальность этой темы нам представляется излишним. А вот история развития немецкого эмигрантского кино как важной части уничтожаемой нацистами Веймарской культуры, в российской историографии практически не освещена. В связи с этим нам представляется целесообразным заполнить возникший пробел на фоне сравнительного анализа двух волн европейской эмиграции в США – из большевистской России и нацистской Германии.

Под Веймарской культурой обычно имеют в виду революционное развитие перспективных направлений в искусстве – экспрессионизма и модернизма. Немецкий экспрессионизм 1920-х гг. стал духом времени и сердцем наступающей эпохи. Ему удалось материализовать в виде художественных артефактов самые актуальные пророчества и фантазии немецких интеллектуалов о надвигающемся кризисе европейской цивилизации и мировой общественно-политической системы. Предсказав во многом грядущие ужасы гитлеровского режима, Веймарская культура, вытесненная нацистами из Германии, продолжила свое развитие в США, заложив основные направления массового искусства XX в. Сегодня история ее развития превратилась почти в миф, который складывался по обе стороны Атлантического океана. Не случайно термин «Веймарская культура» был введен в научный оборот в 1968 г. американским историком Питером Гаем в его исследовании «Weimar Culture: The Outsider as Insider», автором, который родился в 1923 г. в Берлине и в 1939 г. с родителями бежал в США из нацистской Германии [27].

Но, прежде всего, Веймарская культура – это авангардное кино. Закономерно, что известный немецкий киновед Зигфрид Кракауэр называл эпоху Веймарской республики периодом «от Калигари до Гитлера» [8, с.280–281], вставив ее культурные рамки во временной зазор между появлением первого экспрессионистского киношедевра Роберта Вине «Кабинет доктора Калигари» (1921) и приходом к власти национал-социалистов. Немецкое авангардное кино было посвящено жизни большого города и ориентировалось, с одной стороны, на вестернизацию и массового зрителя, а с другой стороны, – на психологический анализ духовного и социального кризиса современной жизни. Свой стремительный подъем оно переживало в 1920-х гг. после шока Первой мировой войны. Берлин периода Веймарской республики как средоточие духовной жизни Европы, ставший в 20-е гг. также центром русской эмиграции [16; 5; 6; 20; 1], по праву может считаться творческой лабораторией мирового кино, и его влияние продолжает ощущаться по обе стороны Атлантики. Из полумиллиона перемещенных из немецких земель лиц еврейского происхождения 130 тысяч человек нашли приют в США [33, S.18–25]. Большинство из них составляли деятели науки и искусства. Мощное «вливание» европейских кинематографистов в голливудскую «фабрику грез» способствовало тому, что американское кино в 1930–1940-е гг. в кратчайшие сроки достигло своего феноменального расцвета. Без сомнения, без Берлина не было бы Голливуда.

Представленное исследование содержательно распадается на два аспекта: рассмотрение развития немецкого кино в изгнании и его анализ в сравнении с судьбами представителей русского кинематографа в Голливуде. Статья посвящена, прежде всего, второму после России по времени и массовости европейскому культурному трансферу в Северную Америку: немецко-еврейской эмиграции людей творческих профессий 1933–1939 гг. и реэмиграции в США самой мобильной и космополитичной ее части – деятелей кино, и их попыткам адаптироваться в Голливуде. Как и их русским коллегам, им удалось сохранить и развить в изгнании многие традиции национальной, в данном случае Веймарской культуры, адаптировав их к условиям другой культурной, языковой и социальной среды, создав на чужой почве новое транснациональное явление – «Exilfilm», кино в изгнании, оказавшее огромное влияние на американский и мировой кинематограф. Возможно, что даже весьма поверхностный сравнительный анализ немецкого исхода поможет по-новому взглянуть на другое масштабное явление – русскую эмиграцию межвоенного периода.

**Русский исход 20-х и
сравнительный анализ
немецко-еврейской
эмиграции 30–40-х годов**

Русская эмиграция в результате революции и гражданской войны выделялась количеством и одновременной массовостью: по различным данным, страну покинуло от 1 млн.

200 тыс. до 2 млн. человек в течение всего нескольких лет. В отличие от немецкой эмиграции, последовавшей на 10 лет позже, русская волна беженцев 20-х гг. сложилась из трех разнородных и разновременных слоев. Первый, самый немногочисленный, состоял в основном из дипломатов и предпринимателей. Те, кто в 1917 г. работал или жил за границей, просто не вернулись, надеясь пережить лихие годы. Второй слой – самый многочисленный и трагический: группы беженцев и белогвардейцев, которым пришлось покинуть родину в 1919–1920 гг. Центральное событие этого периода – крымская катастрофа ноября 1920 г., когда родные берега из южных портов покинули на кораблях союзников сразу 150–160 тыс. человек. Этот слой эмиграции по своей структуре был почти точной копией дореволюционной России. Здесь были представлены все социальные слои общества: от крестьян и казаков до членов императорской семьи. Все нации, все профессии, все возрасты, все политические партии уходили в Европу без средств существования и без будущего.

Третий слой русской эмиграции начал складываться из представителей гражданской образованной публики с 1920 г. Первоначально они попадали в Европу вместе с отступавшими белыми армиями. Но центральным событием, которое определило психологический настрой и состав этой «культурной эмиграции», была позорно знаменитая высылка интеллигенции в августе – сентябре 1922 г. Это уже было не стихийное бегство, а акция государственной политики нового большевистского правительства, которую 10 лет спустя взяли на вооружение нацисты. XII конференция РКП(б) в августе 1922 г. приравняла старую интеллигенцию, которая стремилась сохранить политический нейтралитет, к «врагам народа». По составу группа выслаемых «неблагонадежных» сплошь состояла из интеллектуальной элиты России: профессора, философы, литераторы, журналисты. За рубежом они стали основателями исторических и философских школ, современной социологии, важных направлений в биологии, зоологии, технике.

Новая волна массовой эмиграции захлестнула Европу только через 10 лет. Что же представлял собой немецко-еврейский исход из Герма-

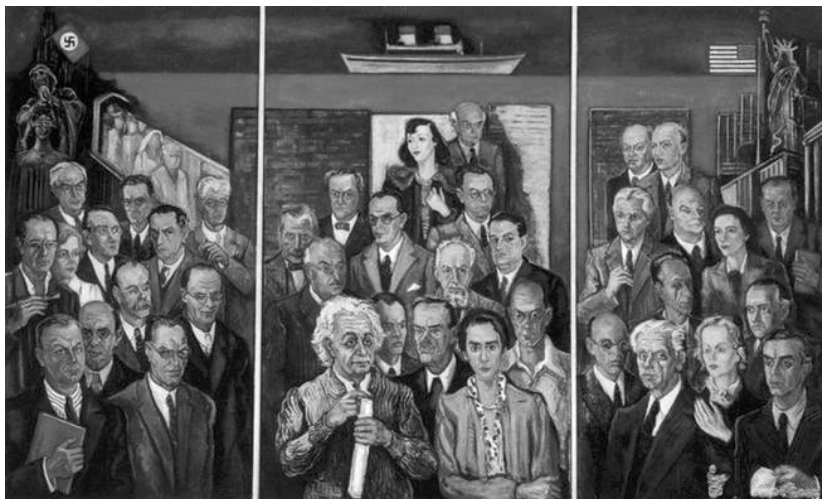
нии в 30-е гг.? Этот процесс имел много общего с русской «белой» эмиграцией, но и много отличий. Число перемещенных лиц из Германии и Австрии после 1933 г. на фоне русской миграции не кажется очень большим – около полумиллиона человек. Если из России бежали люди, преследуемые по классовым или политическим причинам, то исход из Германии шел не только по политическим мотивам, но, прежде всего, по расовому признаку: из-за так называемого «неарийского происхождения». В отличие от России, это был мирный исход без сопротивления и гражданской войны, проходивший практически без протестов и политической борьбы.

Причиной тому отчасти мог быть массовый психологический шок, так как события развивались стремительно. Как вспоминала много лет спустя очень успешная в начале 30-х гг. немецкая актриса Долли Хаас, «никто из нас не интересовался политикой, все были поглощены своими ролями, своей творческой и частной жизнью. Все произошло очень быстро. Для нас это был настоящий шок: никто не ожидал ничего подобного, никто не думал, что этот кошмар может коснуться лично его» [28, S.7]. Действительно, всего через несколько недель после прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г., нацистский режим инициировал первую волну государственного террора против евреев. Первого апреля еврейские магазины были подвергнуты массовому бойкоту. Седьмого апреля был принят закон о восстановлении профессионального чиновничества: евреям и лицам с примесью еврейской крови был закрыт доступ к государственной службе. Вскоре запреты на профессию были распространены и на другие сферы. Одновременно начались репрессии в области политики. После поджога Рейхстага в феврале 1933 г. и «процесса Димитрова» был принят закон о запрете оппозиционных партий, а также любой политической деятельности. Последовала длинная череда преследований и насильственных акций, апогеем которой стали депортации и геноцид. В результате начался беспрецедентный исход евреев из Германии, в результате которого от 280 000 до 300 000 человек покинули страну, то есть с 1933 по 1939 гг. уехало более половины еврейского населения. Второй группой эмигрантов были представители социал-демократии и небольшого круга буржуазно-либеральных политиков, а также коммунисты.

Причины эмиграции определили ее состав. В отличие от России, среди изгнанников практически не было аристократов и военных. В основном это были творческие люди свободных профессий (ученые, преподаватели, литераторы, деятели культуры, архитекторы, инженеры,

Ярлыки и мифы

юристы, врачи) – **35%**, банкиры, предприниматели – **20%**, «технари», квалифицированные рабочие – **40%**, крестьяне – **5%** [33, S.24]. Уже упомянутый нами американский историк Питер Гай без преувеличения мог констатировать: «Изгнанники Гитлера представляли собой огромную коллекцию перемещенных носителей интеллекта, таланта и знаний, какую мир когда-либо видел» [27, S.11]. Некоторое представление об этом процессе передает триптих «Духовная эмиграция», созданный эмигрировавшим в США художником-экспрессионистом Артуром Кауфманом (1888–1971) и изображающий как бы поперечный срез немецко-еврейского исхода.

Артур Кауфман «Духовная эмиграция» (1939–1964).

Изображены виднейшие немецкие деятели науки и искусства, нашедшие убежище в США: Фред Долбин (график), Альберт Эйнштейн (физик, Нобелевский лауреат), Отто Клемперер (дирижер, композитор), Фриц Ланг (кинорежиссер), Томас Манн (писатель), Клаус Манн (писатель), Генрих Манн (писатель), Бертольд Брехт (драматург), Эрвин Пискатор (режиссер), Арнольд Шёнберг (композитор), Курт Вайль (композитор), Арнольд Цвейг (писатель) и многие другие.

В историографии принято выделять два этапа немецкой эмиграции: с 1933 по 1939 гг. и с 1939 по 1945 гг. Первый этап был очень похож на русскую эмиграцию. Большинство бежавших из Германии после прихода нацистов к власти поначалу не рассматривали США в качестве конечной цели эмиграции. Америка долгое время считалась точкой невозврата, неприемлемой для основной массы литераторов и кинематографистов, работавших для немецкоязычной аудитории. Они бежали в соседние с Германией страны, предпочтительно в Чехословакию (около

9000 человек) или во Францию (около 100000), в Швейцарию (около 25000), Нидерланды (около 10000) или в Скандинавию (около 8000) [24, S.32ff.]. Они все находились в плену коллективного заблуждения, что период господства национал-социалистов в стране скоро закончится и они смогут вернуться в Германию. Как писала в 1943 г. эмигрировавшая в США известная немецкая писательница, философ и публицист Ханна Арендт: «Нашей самой большой иллюзией была вера в то, что нацисты захватили власть ненадолго, что закон и порядок будут восстановлены, и мы снова вернемся на родину, выполнив свою историческую миссию: сохранение традиций и развитие немецкой культуры, которая решительно уничтожалась у нас на глазах» [22, S.7–21].

Как для русских, так и для немецких эмигрировавших деятелей искусства было само собой разумеющимся противопоставление двух культур: подлинной, национальной культуры, носителями которой они видели себя, и суррогатной, искусственной – пролетарской и нацистской. Для осуществления миссии по спасению культуры в Праге, Париже, Цюрихе и Амстердаме создавались большие эмигрантские издательства, различные общественные комитеты и киностудии, с помощью которых политики, писатели и кинематографисты надеялись по-прежнему воздействовать на немецкоязычную аудиторию по ту сторону германской границы, оказывая на нее влияние даже в национал-социалистическом государстве. «Без эмиграции, – писал Генрих Манн (1871–1950), – страны сегодня бы не существовало, именно эмиграция оставалась той культурной Германией, которая осмысливала настоящее и формировала будущее» [35, S.43].

Но с 1939 г., после аншлюса Австрии, оккупации Судетской области, погромов «Хрустальной ночи», введенных по немецкому образцу «рабовых законов» в Италии и поражения Испанской Республики в гражданской войне начинается второй этап немецкой эмиграции. Общевропейское движение беженцев стало резко расширяться и нарастать. Прежние страны-убежища все чаще закрывали свои границы. Международная конференция Лиги Наций по проблеме беженцев в Эвиане на Женевском озере весной 1938 г. – единственная, состоявшаяся за эти годы – осталась безрезультатной. С началом новой мировой войны с 1939 по 1945 гг. происходит массовая реэмиграция немцев и немецких евреев из Европы в США (130 тыс.), Латинскую Америку (90 тыс.), Палестину (60 тыс.), Англию (52 тыс.), Шанхай (18 тыс.), сопровождавшаяся отказом от иллюзий на скорое возвращение и осознанной попыткой интеграции в новое общество [34, S.86ff.].

**1933 год.
Изгнание «неарийцев»
из немецкого кинематографа**

Одними из первых изгнанию подверглись немецкие кинематографисты-«неарийцы». 28 марта 1933 г. министр пропаганды Йозеф Геббельс выступил с программной речью в берлинском отеле «Kaiserhof» перед собранием Главной организации немецких кинематографистов (DACHO), в которой потребовал очистить национальный кинематограф от засилья «еврейских конъюнктурщиков, гонящихся за прибылью». «Мы, – заявлял он от лица NSDAP, – ни при каких обстоятельствах не потерпим того, чтобы чуждые немецкой нации идеи упадничества и бездуховности, которые с корнем должны быть выкорчеваны из немецкой почвы, сохранились где-либо даже в замаскированном виде и уж тем более открыто демонстрировались в кино» [26, S.26–31]. В качестве примеров наступающего духовного кризиса в немецком кино он привел фильмы, снятые режиссерами, бывшими наполовину евреями: эпопею «Нибелунги» (1924) Фрица Ланга¹, став-

Рената Мюллер

шую одним из самых крупных коммерческих успехов немецкого кинематографа 1920-х годов, и недавно вышедший фильм «Бунтарь» («Der Rebell», 1932) Курта (Кёртиса) Бернхардта². Оба режиссера вынуждены были эмигрировать одними из первых из Германии и впоследствии сделали карьеру в США. На следующий день правление акционерного общества UFA («Universum Film AG») постановило: «Принимая во внимание, что в результате победы национальных приоритетов в Германии на первый план выступил вопрос о дальнейшей занятости еврейских сотрудников в UFA, правление принимает принципиальное

¹ Фридрих Кристиан Антон Ланг (Friedrich Christian Anton Lang; 1890–1976) – немецкий кинорежиссер, в 1933 г. эмигрировал из Германии, с 1934 г. жил и работал в Голливуде, США. Один из величайших представителей немецкого экспрессионизма, в 1927 г. снял самый крупнобюджетный фильм в истории немого кино «Метрополис» и создал эстетику американского нуара.

² Кёртис Бернхардт (Curtis Bernhardt, настоящее имя – Курт Бернхардт, 1899–1981) немецкий кинорежиссер, в 1933 г. эмигрировал из Германии во Францию, с 1940 г. работал в Голливуде.

решение расторгнуть все контракты с сотрудниками еврейского происхождения» [30, S.21]. Это распоряжение коснулось всех: от самых влиятельных продюсеров, знаменитых режиссеров и успешных актеров до осветителей и костюмеров, что вызвало волну внутрикорпоративных репрессий на всех уровнях и публичных доносов. В результате с UFA были немедленно уволены несколько его самых известных художников, в том числе продюсер Эрих Поммер³ и режиссер Эрик Чарелл⁴. Оба они были авторами знаменитой киноленты «Конгресс танцует», ставшей одним из самых успешных фильмов в Германии в 1931 году. Еще через день началась повсеместная, хорошо организованная травля еврейских артистов, в том числе и артистов театра, которым еще недавно поклонялась вся страна. Одновременно специализированные печатные издания, как, например, «Film-Kurier», уволили нежелательных авторов и включились в общую травлю, опубликовав серию статей против «засилья еврейского кино» [37, S.91ff].

Сохранилось много воспоминаний, в том числе актрисы Долли Хаас⁵, сделавшей впоследствии успешную карьеру в Голливуде. Она вспоминала, что «первым и самым большим потрясением для нас стал антисемитский дебюш на премьере "Уродливой девушки"⁶ 8 сентября 1933 г.,

³ Эрих Поммер (Erich Pommer, 1889–1966) – знаменитый продюсер, видный деятель немецкой и американской кинематографии, играл важную роль в движении немецкого экспрессионизма в кино в качестве руководителя кинопроизводства концерна Universum Film AG (UFA) с 1924 по 1926 гг. Он отвечал за съемки многих известных картин Веймарской республики: «Dr. Mabuse, der Spieler» («Доктор Мабузе, игрок», 1922), «Die Nibelungen» («Нибелунги», 1924), «Mikael» (1924), «Variété» («Варьете», 1925), «Herr Tartüff» («Тартюф», 1926), «Faust» («Фауст», 1926), «Metropolis» («Метрополис», 1927), и «Der Blaue Engel» («Голубой ангел», 1930) и «Die Drei von der Tankstelle» («Трое с бензоколонки», 1930). После 1933 г. работал в изгнании в Америке и вернулся в Германию после войны.

⁴ Эрик Чарелл (Erik Charell, настоящее имя – Карл Эрих Лёвенберг, 1894–1974) – немецкий театральный и кинорежиссер еврейского происхождения, получил мировую известность как один из родоначальников жанра мюзикла, постановщик культового музыкального фильма «Конгресс танцует». После эмиграции из Германии в 1933 г. приехал в США, работал в Голливуде, с успехом ставил мюзиклы на Бродвее.

⁵ Дороти Клара Луиза Хаас (псевдоним – Dolly Haas, 1910–1994) – кино- и театральная актриса. Начала карьеру в Германии, в 1936 г. эмигрировала и продолжила работать в Великобритании и США.

⁶ «Das häßliche Mädchen», немецкий комедийный фильм, снятый в 1933 году, премьера состоялась в сентябре того же года. Это был второй фильм режиссера Германа Костерлица, который был вынужден покинуть Германию еще до окончания съемок фильма, а затем работал в США под именем Генри Костера, и последний немецкий фильм, в котором снялась Долли Хаас.

направленный против режиссера Германа Костерлица⁷ и актера Макса Хансена⁸, сыгравшего в фильме главную роль. Когда мы вышли на сцену, в нас полетели тухлые яйца. Тогда я впервые почувствовала, что не люблю больше своего зрителя» [28, S.10]. Знаменитых актеров Грету Мосхайм⁹, Хелен Тимиг¹⁰, Ганса Брама¹¹ и других караулили возле дома, преследовали на улицах, не пускали в театр, закидывали яйцами и помидорами на спектаклях и премьерных показах фильмов. Их имена убирала из титров и с рекламных плакатов. Некоторые из них, как, например, популярный актер и режиссер Курт Геррон¹², были силой выдворены из съемочного павильона во время рабочего процесса. Хаас вспоминала также о том, какой шок испытали все, когда началась волна самоубийств среди актеров, причем одним из первых был тоже «неариец», популярный комик и конферансье Пауль Николаус¹³.

Часто финал таких историй был трагичен: самый известный случай – безвременная смерть суперуспешной актрисы Ренаты Мюллер¹⁴, ставшей воплощением «арийского» стандарта красоты. В 1931–1933 гг. на экраны выходило по пять–шесть фильмов с ее участием ежегодно. Она была самой популярной актрисой 1933 г., сыграв главную роль в коме-

⁷ Герман Костерлиц (Herman Kosterlitz, 1905–1988), немецкий и американский режиссер и сценарист еврейского происхождения.

⁸ Макс Хансен (Max Hansen, 1897–1961), немецкий актер еврейского происхождения, эмигрировал из Германии в 1933 г. сначала в Австрию, потом – в Данию.

⁹ Маргарет Эмма Доротея Мосхайм (Margarete Emma Dorothea Mohsheim, 1905–1986) – одна из самых известных немецких актрис 20-х–30-х гг. В 1933 г. эмигрировала в Австрию, затем в Великобританию, с 1938 г. работала в США.

¹⁰ Хелен Тимиг (Helene Kalbeck-Thimig, 1889–1974) – известная немецкая и австрийская актриса. В 1933 г. вместе с мужем, знаменитым театральным режиссером-реформатором М. Рейнхардтом, эмигрировала в США.

¹¹ Ганс Брам (Hans Brahm 1893–1982), в эмиграции известен как Джон Брам (John Brahm) – немецкий актер и американский режиссер кино и телевидения еврейского происхождения. В 1933 г. покинул Германию, с 1937 г. работал в США.

¹² Курт Геррон (Kurt Gerron, 1897–1944) – известный немецкий актер, режиссер еврейского происхождения. В 1933 г. эмигрировал во Францию, затем в Голландию. В 1944 г. был депортирован в Германию, в концлагерь Терезиенштадт, погиб в Освенциме в газовой камере.

¹³ Пауль Николаус, полное имя – Paul Nikolaus Steiner (1894–1933), немецкий драматург, популярный комический актер и конферансье еврейского происхождения. В марте 1933 г., перед приходом нацистов к власти бежал из Германии в Швейцарию. 31 марта 1933 г., на следующий день после назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером, покончил с собой в Люцерне.

¹⁴ Рената Мюллер (Renate Müller, 1906–1937) – популярная в 1930-х годах немецкая киноактриса.

дии «Виктор и Виктория». Ходили слухи, что ею был увлечен Йозеф Геббельс и даже сам Адольф Гитлер. Но это не спасло ее от трагедии: в 1933 г. она была вынуждена расстаться с мужем-евреем, актером Максом Шмеллингом, который чудом избежал ареста, нелегально покинув страну. После его бегства киностудии подвергли Ренату Мюллер бойкоту, ее почти перестали снимать. Вскоре она покончила с собой, выбросившись из окна. А через некоторое время всех потрясло двойное самоубийство актера Йохима Готшалька¹⁵, исполнявшего роли «первых любовников», и его жены-еврейки, которая, в отличие от Макса Шмеллинга, не успела покинуть Германию. Ее вместе с сыном должны были депортировать в концлагерь.

В июле 1933 г. была создана Имперская палата кинематографистов, куда допускались лишь те профессионалы, кто мог доказать свое арийское происхождение в третьем поколении, остальные лишались права работать в какой бы то ни было области кинопроизводства на территории Германии. Уже в середине мая французский киножурнал писал: «Антиеврейская чистка нигде не встретила даже малейшего протеста, и немало наших коллег-кинематографистов оказались выброшенными на обочину» [25; 32, S.99–116]. Нигде, в том числе и в кинопроизводстве, не было сопротивления, были только индивидуальные решения или в пользу эмиграции, или в пользу коллаборационизма. Только пять процентов находившихся вне опасности «арийцев» выбрали изгнание, в том числе Марлен Дитрих и Долли Хаас.

Долли Хаас

В последующие месяцы страну покинул цвет кинематографа: Макс Офюльс¹⁶, братья Сиодмак¹⁷, Фриц Ланг, Эрих Поммер и другие. Так началась «одиссея» скитания по миру 2000 деятелей немецкого кино в поисках

¹⁵ Йохим Готтшальк (Joachim Gottschalk, 1904–1941) – популярный немецкий киноактер.

¹⁶ Макс Офюльс (Max Ophüls, настоящее имя – Максимилиан Оппенхаймер, 1902–1957) – немецкий кинорежиссер еврейского происхождения. В 1933 г. покинул Германию, работал во Франции и США, где приобрел известность своими экранизациями литературных произведений на романтико-мелодраматические сюжеты.

¹⁷ Роберт Сиодмак (Robert Siodmak; 1900–1973) – немецкий и американский кинорежиссер

работы и места под солнцем, людей без гражданства и паспортов, без жилья и без денег, для которых исход стал единственной возможностью спасти собственные жизни. Более 500 из них нашли пристанище в Голливуде.

1918/20 гг. – национализация, исход и разрушение русской дореволюционной киноиндустрии

Изгнанию «неарийцев» из немецкого кинематографа предшествовал еще более масштабный процесс исхода деятелей кино из революционной России. Своеобразие русской кино-

эмиграции 1918–1920 гг. состояло в том, что она была не просто массовой, как в Германии, а практически поголовной. Причем речь шла не о запрете на профессию для какой-то части специалистов, занятых в кинопроизводстве, а о разрушении всей русской дореволюционной киноиндустрии в принципе. В известном смысле, вслед за киноведом Натальей Нусиновой мы можем повторить, что из России после революции эмигрировали не кинематографисты, а кинематография [11, с.20–28].

Русская кинематография 1917–1920 гг. являлась результатом сложнейшего и многослойного переплетения внутренних закономерностей развития кинопроцесса и внешних обстоятельств общественно-политической жизни страны. Ключевыми фигурами этого уникального культурного явления были руководители кинопроизводства, – те, кто определял стратегию и тактику его выживания и пути последующей эволюции. Вектор развития в этот период был разнонаправленным. С одной стороны, с 1915 г. начался системный кризис русской кинематографии, во многом зависевшей от внешних источников: закрытие государственных границ отрезало страну от зарубежных поставщиков картин и, что еще важнее, лишило пленки и технического оборудования [3, с.181–188]. Кинодеятели сходились во мнении, что «если в ближайшее время не явится возможным получить из-за границы пленку, то вся молодая русская кинематографическая промышленность неминуемо должна будет погибнуть» [4, с.4].

еврейского происхождения, в 1933 г. покинул Германию, работал во Франции, с 1940 г. – один из ведущих режиссеров Голливуда, создал в американском кино новый для него жанр – фильм-нуар. Курт Сиодмак (Curt Siodmak; 1902–2000) – немецкий и американский писатель и сценарист. Младший брат режиссера Роберта Сиодмака.

С другой стороны, начиная с 1914 г. русское дореволюционное кино вступило в новую для себя фазу развития, в период зрелости. Оно находилось в частных руках, а потому пребывало в постоянной динамике. Соотношение сил между производителями фильмов постоянно менялось, некоторые исчезали, другие трансформировались, появлялись новые. Наметилась тенденция к укрупнению кинопредприятий, изменилась общая ситуация с привлечением новых средств в кинопроизводство. Первым эту тенденцию почувствовал один из пионеров русского кинематографа Александр Ханжонков¹⁸, который еще во время Первой мировой войны преобразовал свое киноателье в акционерное общество «А.А.Ханжонков и К^о».

Иосиф Николаевич Ермольев

В 1915 г. в русское кинопредпринимательство вошел еще один из его будущих лидеров, бывший харьковский прокатчик фильмов Дмитрий Харитонов¹⁹. Он стал создавать свою студию, перекупая для этого лучшие силы с других кинофабрик. Через год у него уже постоянно снимались премьер Владимир Максимов, и такие «звезды» как Вера Холодная (1893–1919) и Витольд Полонский (1879–1919), выступавший в амплуа героя-любownika. Другая крупная фирма второй половины десятых годов – открытый в 1913 г. и утвердившийся на рынке к 1915 г. «Торговый дом И.Н.Ермольева». Ее руководи-

тель Иосиф Ермольев²⁰ начинал свою карьеру как сотрудник французской фирмы «Патэ», а затем стал полномочным представителем этой фирмы в России.

Еще одним феноменом в истории русского кинопредпринимательства стала студия «Русь». Впоследствии только ей удалось сохранить

¹⁸ Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945) – русский предприниматель, организатор кинопроизводства, продюсер, режиссер, сценарист.

¹⁹ Дмитрий Иванович Харитонов (1886–1946) – российский купец, кинопромышленник, основатель и владелец Торгового дома «Д.И.Харитонов».

²⁰ Иосиф Николаевич Ермольев (1889–1962) – один из первых русских кинопредпринимателей, продюсер, работал также во Франции, Германии, США и Мексике.

преемственность, перекинув мостик от русского дореволюционного кино к кинематографу советской эпохи, с одной стороны, и к кинематографу русского зарубежья, – с другой. «Русь» была основана владельцем нескольких провинциальных кинотеатров и по совместительству хозяином строительной фирмы купцом М.С.Трофимовым²¹ весной 1915 г. По совету Ермольева Трофимов нанял в качестве управляющего делами молодого способного сотрудника М.Н.Алейникова²², который буквально через год превратился в фактического руководителя студии.

М.Н.Алейников и его ближайшие помощники, Н.Е.Эфрос²³ и Ф.А.Оцеп²⁴, в наибольшей степени стремились придать национальное лицо русскому кинематографу, обратившись к традициям культуры Серебряного века. Именно они первыми попытались привлечь на «фабрику грез» в качестве сценаристов поэтов-символистов. Как и многие, они были увлечены распространившейся в России на рубеже 1917/18 гг. идеей создания религиозно-мистического кинематографа. В эти годы снимается целая серия фильмов²⁵, переносящих на кинематограф фило-

²¹ Михаил Семёнович Трофимов (1856–1934) – российский предприниматель, костромской купец-старовер, кинопромышленник, основавший в 1915 г. московское киноателье «Русь». В 1918–1920 гг. Трофимов перенес производство фильмов в филиалы компании в Одессу и Ялту. После падения правительства барона Врангеля в Крыму Михаил Трофимов эмигрировал, однако в 1924 г. вернулся в СССР и стал одним из руководителей созданной на базе его киноателье кооперативной компании «Межрабпом-Русь», впоследствии национализированной и в несколько этапов преобразованной в киностудию им. М.Горького.

²² Моисей Никифорович Алейников (1885–1964) – советский кинематографист, сооснователь московского киноателье «Русь», популяризатор кино. После революции продолжал руководить киностудией, которая в 1923 г. была преобразована в кооперативную компанию «Межрабпом-Русь». С 1926 г. Алейников работал в кинокомпании «Совкино». В 1930 г. он был арестован и, оставаясь под арестом, привлечен к организации «Мосфильма». В 1936–1944 гг. – редактор киностудии «Мосфильм».

²³ Николай Ефимович Эфрос (1867–1923) – русский театральный критик, журналист, редактор, сценарист и драматург, кинокритик, переводчик, историк театра. В 1918 году он руководил литературным отделом кинокомпании «Русь» («Межрабпом-Русь»), по его инициативе режиссер Александр Санин в 1919 году снял фильм «Поликушка» по рассказу Льва Толстого. Сценарий к фильму Эфрос написал совместно с Федором Оцепом. В фильме дебютировали Варвара Массалитинова и Иван Москвин. Роль Акулины сыграла актриса Вера Пащенко. Фильм стал одной из первых советских картин, получивших мировое признание.

²⁴ Федор Александрович Оцеп (1895–1949) – русский и советский кинорежиссер, сценарист, критик и организатор кинопроизводства. После эмиграции работал также в Германии, Франции, Италии, Испании, США и Канаде.

²⁵ Вот только несколько примеров: «Пиковая дама» (1916, режиссер Яков Протазанов), «Заколдованная фильмой» (1917, режиссер Евгений Славинский), «Не для денег родивший-

софскую ауру литературы Серебряного века. Мода на религиозный мистицизм приводит к экранизации произведений Д.Мережковского, Ф.Сологуба, Л.Андреева. И не случайно одной из первых постановок «Руси» становится фильм «Девьи горы» («Легенда об антихристе», 1918–1919, режиссер Александр Санин). «Девьи горы» можно условно причислить к авангарду, который впоследствии успешно развивал немецкий кинематограф. Однако, как и все дореволюционное кино, эта лента логично вписывалась в традицию декаданса. Изощренная, часто порочная и подчеркнута декоративная эстетика русских дореволюционных фильмов была кровно связана с поэзией Серебряного века, идеей сектантства, прозой Андрея Белого и Михаила Кузмина, живописью «Мира Искусства» и, прежде всего, рисунками Константина Сомова и Мстислава Добужинского.

Михаил Семенович Трофимов

Мистическая лента «Девьи горы» о пришествии Антихриста в современный мир стала одновременно и пророчеством, и лебединой песней русского дореволюционного кинематографа. Съемки фильма закончились осенью 1917 г., совпав по времени с революцией. Владелец кинофабрики «Русь» Михаил Трофимов, потрясенный октябрьскими событиями, одним из первых среди русских кинопредпринимателей покинул Россию, показав пример остальным.

Однако и после Октябрьского переворота жизнь большинства кинематографистов определялась законами профессии, а не политикой. По свидетельству режиссера Петра Чардынина²⁶, «переворот октябрьский сначала не особенно отразился на нашей работе. С большевиками первое время мы уживались. Кинематографию они не трогали, а со стороны Луначарского мы пользовались даже некоторым покровительством. Однако очень скоро условия работы по многим причинам

ся» (1918, режиссер Никандр Туркин), «Проект инженера Прайта» (1919, режиссер Лев Кулешов) и другие. А также снятые в Крыму в 1919 г. фильмы «Люди гибнут за металл» и «Дитя чужого» режиссера Якова Протазанова.

²⁶ Петр Иванович Чардынин (Красавчиков, 1873–1934) – русский актер и режиссер немого кино.

сделались крайне затруднительными. Артисты и кинодеятели потянулись на юг: на Украину, в Одессу, в Крым, где и происходили до последнего времени наши съемки. Однако вскоре и здесь ввиду неустойчивости политической конъюнктуры и отсутствия необходимых средств нам пришлось прекратить наше дело. Начался отлив за границу, куда в настоящее время попали все те, кто возглавлял кинематографическое дело в России» [12, с.51].

Несмотря на полную аполитичность русского дореволюционного кинематографа, уже весной 1918 г. началось большевистское наступление на «кинофронте». 26 марта 1918 г. Народный комиссариат просвещения объявил о национализации имущества полугосударственного Скобелевского просветительского комитета и его Кинематографического отдела²⁷, включая кинофабрику, лаборатории и прочее имущество в Москве и Петрограде [7, с.68–72]. Формально акция не затрагивала частных предприятий, но сомнений, что та же участь ждет все кинопроизводство, уже ни у кого не оставалось. После первой попытки взять под контроль производство фильмов 26 июня 1918 г. Московский кинокомитет ввел предварительную цензуру для демонстрации уже снятых картин.

Но самым черным днем в истории дореволюционной кинематографии России стало 27 августа 1919 г. – день подписания Лениным декрета о национализации кино. Идеологи и практики «революционного экрана» полагали, что национализация кинопромышленности автоматически должна будет упразднить художественные традиции русского кино и дисквалифицировать его творческие и технические кадры. Одними из первых, от кого решительно отказалась новая власть, были кинофабриканты и продюсеры. Они стали объектами классового отторжения и социальных предрассудков, на кого пали подозрения в предательстве национальных интересов [20, с.11–15].

После подписания Декрета о национализации кино, должны были быть разрушены не только традиции, но и сам процесс кинопроизвод-

²⁷ *Военно-кинематографический отдел Скобелевского просветительского комитета был создан в марте 1914 года. Помимо него в течение 1914–1915 гг. были созданы также издательский отдел, граммофонный и другие. Отдел занимался изготовлением кинематографических лент военно-образовательного и воспитательного содержания, предназначенных специально для солдатских кинематографов и картин батальных для кинематографического рынка вообще».*

ства: проблема существования в России конкурирующих киностудий была решена в государственном масштабе. Как впоследствии писал Моисей Алейников: «...то, что называлось доселе «Художественный Коллектив "Русь"», стало числиться как "IV Государственная кинофабрика"; первой пала бывшая фабрика "А.Ханжонков и К°"; второй – бывшая фабрика "И.Ермольев и Ко"; третьей – бывшая фабрика Д.Харитонова. Киноотдел МЦРК самораспустился, – не помню, по каким причинам. Я впервые за всю жизнь приобрел важный титул: директор» [14, с.104–116]. М.Н.Алейников был единственным частным предпринимателем старой формации, пытавшимся найти компромисс с советской властью. Начиная с августа 1924 г., его студия превратилась в акционерное общество («Межрабпом-Русь»), с августа 1928 г. была полностью национализирована («Межрабпомфильм»).

В России наступила эпоха, когда частное предпринимательство уничтожалось в целом, а то немногое, что чудом уцелело, вынуждено было уйти в подполье и играть в сложную игру с советской властью, беспрестанно откупаясь, лавируя, прикрываясь разными вывесками. При этом в любую минуту ожидая закрытия как далеко не самого худшего из возможных исходов. Русские кинопродюсеры покидали Россию, увозя с собой целые студии, разрушая инфраструктуру кинопроизводства, сложившуюся в стране за два десятилетия существования в ней кино.

Промежуточным этапом, предшествующим массовому исходу кинематографистов из России, был переезд ведущих киностудий летом 1918 г. на съемки в Крым. С началом осени Москва – столица русского кино, полностью опустела. Как впоследствии писали советские киноcritики, «экспедиции эти больше в Москву не возвращались. За единичными оставшимися в России киноработниками состав этих экспедиций после ликвидации Врангеля оказался в самых различных углах мира: кто в Париже, кто в Берлине, кто в Америке» [9, с.95]. С отъездом кинофабрик на юг фактически начался первый этап эмиграции, хотя сами предприниматели тогда, вероятно, еще не предполагали, что назад пути не будет. «Крымский период» в истории русского кино продолжался два года и стал нелегким испытанием для всех кинопредпринимателей. Для Ханжонкова сокрушительным ударом была внезапная кончина режиссера Евгения Бауэра, оказавшего большое влияние на эстетику российского кинематографа начала

XX в. Для Харитонова роковым испытанием оказалась скоропостижная смерть от «испанского» гриппа «звезды» немого кино Веры Холодной. А за месяц до ее кончины в феврале 1919 г. Одесса хоронила неизменного партнера Веры Холодной Альфонса Полонского. Наиболее плодотворным ялтинский период оказался для Ермольева, увезшего в Ялту признанного «короля экрана» Ивана Мозжухина. На его студии за два года работы в Крыму было снято около двадцати фильмов (десятая часть всей продукции фирмы за годы ее существования в России). Постепенно сформировался костяк той студии Ермольева, которая вскоре должна будет заявить о себе в Париже.

К концу 1919 г. ситуация в Крыму изменилась. Подступал голод, начались репрессии. Над мужским составом студий нависла опасность очередной мобилизации. Под пристальным вниманием армейских властей находились Александр Волков и Иван Мозжухин – бывшие офицеры артиллерии. Ермолев понимал, что потеря Мозжухина означает крах его фирмы. Заручившись поддержкой «Патэ», в феврале 1920 г. Ермолев отбывает со своими сотрудниками из Ялты в Константинополь, оттуда – через Марсель – в Париж и в июне 1920 г. обосновывается в старых павильонах «Патэ» в парижском пригороде Монтрей-сюр-Буа. Таким образом, центром русского кинопроизводства в Париже стало общество «Ермольефф-синема» и выросшая затем на его базе студия «Альбатрос».

В 1920 г. в Берлин приезжает Харитонов вместе с частью своей труппы (режиссер П.Чардынин, оператор В.Сиверсен, актеры О.Рунич и М.Токарская). Харитонов открывает в Берлине свою студию. В конце 1921 г. он объединяется с фирмой «Атлантик», в результате чего создается общество «Атлантик-Харитонов-Фильм», определяющее основное направление русского эмигрантского производства в Германии.

Впоследствии новый советский кинематограф строился на пустом месте не только в переносном смысле слова – в плане отрицания молодыми представителями советского авангарда декадентского «синематографа» предыдущей эпохи. Но и чисто физически на пустом месте: почти все крупные кинематографисты уехали из России за границу в начале 20-х гг., в основном, в Европу, а со второй половины следующего десятилетия – в Америку. При этом не было никаких оснований подозревать беглецов в принципиальном неприятии Советской власти. В

подавляющем большинстве они были далеки от политических страстей, раздиравших страну, и были готовы сотрудничать с любой властью, дающей возможность поддержать хрупкий механизм кинопроизводства. Как писал один из свидетелей массового исхода национального кино: «Это повальное бегство не приходилось рассматривать ни с точки зрения саботажа, ни с точки зрения политического тяготения к "скоропадчине" или "красновщине". Бегут, потому что в изгнании рассчитывают спасти то дело, которому долго служили здесь, которое создавали и двигали, может быть, во славу своего кармана, но во всяком случае – с большой пользой для России» [17, с.5].

Гонимые революцией, русские кинематографисты увезли с собой в Европу старое русское кино, надеясь в неприкосновенности сохранить его за границей и вернуть в Россию. Вместо этого они незаметно для себя вписались в контекст мирового кино, не только сами меняясь под его влиянием, но и оказывая воздействие на кино Европы и Америки.

Беженцы или эмигранты

Исход немецких и русских кинематографистов в 20–30-х гг. XX в. дает примеры различных мотиваций для эмиграции, согласно которым кого-то можно назвать эмигрантами, а кого-то – беженцами.

В историографии принято отличать эти два понятия: эмигранты и беженцы. Эмигранты покидают родину добровольно и, как правило, по экономическим причинам. Беженцы изгоняются насильно, часто под угрозой физического уничтожения и без реальной возможности вернуться обратно. Если у русских кинематографистов еще был выбор, и какое-то время оставалась возможность вернуться на Родину, то у немецких деятелей кино «неарийского» происхождения такой возможности уже не было. Не случайно именно в немецкой историографии для описания исхода без права на возвращение впервые появился термин – «Exil» (изгнание), отсюда беженец – «Exilanz».

С 1970-х гг. сначала в ГДР, а затем и в ФРГ начали изучать немецкую эмиграцию как культурный феномен, сначала – литературу в изгнании. В 70-е гг. в ГДР вышло семитомное исследование под общим названием «Exilliteratur» о немецких писателях-антифашистах,

об их деятельности в эмиграции в разных странах мира [29]. Затем дошла очередь и до кино в изгнании, которому также был подобран специальный термин – «Exilfilm». Под этим термином следует понимать кино, задуманное, разработанное и реализованное вне Германии, не на немецком языке, но с участием немецких беженцев, если хотя бы две главные позиции в кинопроцессе занимали немцы: режиссер, продюсер или сценарист. То есть главное здесь – не жанр, а обстоятельства производства фильма. Это могли быть комедии, мюзиклы, костюмированное кино, антифашистское кино или фильм-нуар. Что бы ни снимали немецкие режиссеры, в их фильмах так или иначе присутствовала тема изгнания, неприкаянности, потери идентичности, деспотической власти.

В кино, как и повсюду, тоталитарное государство активно вмешивалось в частную жизнь и требовало ее «очищения». Некоторые звезды, ставшие воплощением германского идеала, состояли в браке с лицами неарийского происхождения. Так, оппозиционно настроенный в отношении НСДАП успешный актер Ганс Альберс²⁸ вынужден был официально расстаться со своей подругой-еврейкой, актрисой Ханси Бург, эмигрировавшей сначала в Швейцарию, а потом в Англию. Сделавший при нацистах головокружительную карьеру актер Хайнц Рюман²⁹ разводится с женой-еврейкой. Но, с другой стороны, не менее популярная актриса Хенни Портен³⁰, вышедшая замуж за врача еврейского происхождения Вильгельма фон Кауфман-Ассера, в 1933 г. отказалась расстаться с мужем, за что подверглась бойкоту со стороны властей.

«Кино в изгнании», как устойчивое словосочетание, появилось впервые по аналогии с литературоведческим термином в выпущенной в 1979 г. Киношколой Бабельсберга антологии «История кино и телевидения ГДР». В ФРГ к этому опыту впервые обратился в 1974 г. документалист Гюнтер Петер Страшек в телевизионном цикле «Киноэмиграция из нацистской Германии», но систематическое изучение этого

²⁸ Ханс Филипп Август Альберс (*Hans Philipp August Albers, 1891–1960*) – известный немецкий театральный и киноактер.

²⁹ Хайнц Вильгельм Рюман (*Heinz Wilhelm Rühmann, 1902–1994*) – немецкий актер кино и режиссер.

³⁰ Хенни Фрида Ульрика Портен (*Henny Frieda Ulricke Porten, 1890–1960*) – немецкая актриса кино.

периода началось десять лет спустя. С середины 70-х годов было записано и обработано несколько сотен интервью оставшихся в живых немецких кинематографистов, которые легли в основу дальнейших исследований [23; 31; 36]. В Вене, Берлине и при Архиве кино в Кобленце были созданы Центры по изучению немецкого кино в изгнании. Существует даже специальное периодическое издание – «Exilfilm», которое выпускает фонд «Deutsche Kinemathek». Особенно большое внимание уделялось изучению влияния эмигрантского кино на Голливуд. Именно туда устремилась основная масса немецких и русских кинодейателей, особенно после 1939 г., когда находиться в Европе стало небезопасно.

Библиографический список

1. Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920 – 1941. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 290 с.
2. Бюклинг Л. Михаил Чехов в американском кино // Киноведческие записки (Москва). 1997. №33. С.116 – 138.
3. Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 406 с.
4. Докладная записка министру торговли и промышленности от фабрикантов русской кинематографической промышленности от 28 августа 1916 г. // Сине-фоно. (М.) 1916. №1 (октябрь).
5. Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин»: издательские центры в 20 – 30-х гг. // Культура российского зарубежья / Под ред. А. В. Квакина, Э. А. Шулепова М., 1995. С.68–81.
6. Ипполитов С.С., Катаева А.Г. «Не могу оторваться от России»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2000. 164 с.
7. Кальянов А.Ю. «Воочию увидеть на экране правдивое воплощение подвигов наших чудо-богатырей». История создания и деятельность Военно-кинематографического отдела Скобелевского комитета // Военно-исторический журнал. 2001. №9. С.68–72.
8. Кракауэр Э. От Калигари до Гитлера. Психологическая история немецкого кино. М.: «Искусство», 1977. 74 с.
9. Лебедев Н. Кино. Его краткая история. Его возможности. Его строительство в советском государстве. М., 1924.195 с.
10. Левицкий А. Рассказы о кинематографе. М.: Искусство, 1964.
11. Нушинова К, Цивьян Ю. Взгляд друг на друга. Два русских кино // Искусство кино (Москва). 1996. №4. С.20–26.
12. Нушинова Н. Кино эмигрантов: стиль и мифология // Киноведческие записки (Москва). 1993. №18. С.241–260.

13. Нусинова Н. Когда мы в Россию вернемся... Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939). М.: НИИК, Эйзенштейн-центр, 2003. 460 с.
14. Нусинова Н., Цивьян Ю. Моисей Алейников. Записки кинематографиста // Искусство кино (Москва). 1996. №7. С.104–116.
15. Островский Г.Л. Одесса, море и кино. Страницы истории далекой и близкой. Одесса: Маяк, 1989. 183 с.
16. Русский Берлин 1920–1945. Международная научная конференция / Ред. Р.С.Флейшман. М.: Русский путь, 2006. 461 с.
17. Стрижигоцкий А. Кинематографическая сечь // Кино-газета. 1918. №35.
18. Цивьян Ю.Г. К генезису русского стиля в кинематографе // Wiener Slavistischer Almanach. 1984. Bd.14. S.184–191.
19. Янгиров Р.М. «Обретение дара речи». «Русский акцент» в начале звуковой эпохи французского кинематографа (1929–1932) // Киноведческие записки (Москва). 2003. №65. С.209–220.
20. Янгиров Р. «Рабы немногих». Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом 1920–1930-е годы. М.: «Русское зарубежье», 2007. 496 с.
21. Янгиров Р. Материалы к истории русской кинематографии в Германии. Первые годы // «Мелодия русской души» и роль русской эмиграции в диалоге кинокультур России и Германии (1920–1925) // Киноведческие записки (Москва). 2002. №58. С.317–333.
22. Arendt H. „Wir Flüchtlinge“ („We Refugees“, 1943) // Arendt H. Zur Zeit. Politische Essays / Hg. von M.-L. Knott, Berlin, 1986. S.7–21.
23. Asper, H.G. „Etwas Besseres als den Tod“. Filmexil in Hollywood. Porträts, Filme, Dokumente, Marburg, 2002. 680 S.
24. Barron St., Eckmann, S. (Hg.): Exil: Flucht und Emigration europäischer Künstler 1933–1945, München; Prestel, 1998. 432 S.
25. Der Kinematograph, 18. 5. 1933.
26. Dr. Goebbels' Rede im Kaiserhof am 28.3.1933 // Albrecht G. Film im 3. Reich, Karlsruhe, 1979. S.26–31.
27. Gay P. Weimar Culture: The Outsider as Insider. New York: Harper & Row, 1968; W.W.Norton, 2001. 205 p.
28. Haas D. „Da passiert doch was mit unseren Gefühlen“. Dolly Haas über ihre Emigration und das Exil // Helga Belach (Red.): Stiftung Deutsche Kinemathek: Exil: Sechs Schauspieler aus Deutschland, Berlin 1983.
29. Hans-Albert Walter (Hrsg.): Deutsche Exilliteratur 1933–1950, 7 Bde. Luchterhand, 1972–1974.
30. Hilchenbach, M. Kino im Exil. Die Emigration deutscher Filmkünstler 1933–1945, München; Saur, New York, London, Paris, 1982. 286 S.
31. Horak J.-Ch. Fluchtpunkt Hollywood. Eine Dokumentation zur Filmemigration nach 1933. Münster; M A K S Publications, 1986. 193 p.
32. Horak J.-Chr. Exilfilm, 1933–1945 // Jacobsen W., Kaes A., Prinzler H.H.(Hg.). Geschichte des deutschen Films. 2. Auflage. Stuttgart: Metzler 2004. S.99–116.
33. Krohn K.-D. Deutsche Emigration 1933–1945: Profil der Fluchtbewegung. Berlin; Primus, 2000. 670 S.

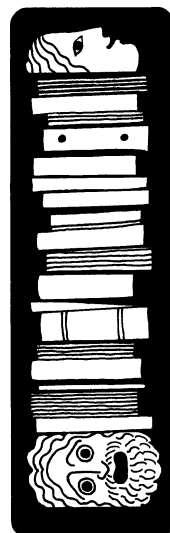
34. Krohn, K.-D., Mühlen, P. (Hg.): Handbuch der deutschsprachigen Emigration 1933–1945, 2. Aufl., Darmstadt 2008.
35. Mann, Heinrich und ein junger Deutscher: Der Sinn dieser Emigration, Paris; Europäischer Merkur, 1934. 85 S.
36. Matthias, E. (Hg.): Mit dem Gesicht nach Deutschland: Eine Dokumentation über die kinematographische Emigration. Düsseldorf; Droste Verlag 1968.
37. Prucha, M. (Hg.): Unerwünschtes Kino. Der deutschsprachige Emigrantenfilm 1934–1937, Wien; Filmarchiv Austria, 2000. 211 S.

Истина, добытая трудом многих поколений, легко даётся даже детям, в чём и состоит сущность прогресса.

Александр Потеня

Для общества, состоящего из идеальных, совершенных созданий – мудрых, высоконравственных, альтруистичных, с ангельским характером – едва ли нужно было бы какое-либо правительство с его принудительной природой и регламентацией. Они сами, по собственной воле, делали бы все, что необходимо.

Питирим Сорокин

Нина Хайлова

**«ЕСЛИ ОБЩЕСТВО
ПЕРЕСТАЛО ВЕРИТЬ
И В НАЧАЛЬСТВО, И В
РЕВОЛЮЦИЮ, ТО ...
ОНО ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ
ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»:**

**ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ
В 1907–1914 гг.**

УДК
93/94

В статье анализируется внепарламентская деятельность либералов-центристов (прогрессистов) в период после роспуска II Думы до начала Первой мировой войны. В центре внимания автора – публицистика прогрессистов, их вклад в развитие высшего образования, участие в общественных организациях. Представлено отношение прогрессистов к столыпинским реформам. Особое внимание уделено процессу их консолидации. Отмечая идейную эволюцию «срединного» течения в русском либерализме (возникновение в его русле российского варианта национал-либерализма), автор подчеркивает сохранение базовых программных, тактических и организационных установок либерального центризма. В статье сделан вывод об укреплении позиций прогрессистов к началу работы IV Думы.

The article reflects the extra-parliamentary activity of progressives from June 1907 to the outbreak of the First World War. The author focuses on the journalism of progressives, analyzes their attitude to Stolypin's reforms. She also analyzes their contribution to the development of higher education and their participation in public organizations. The article discusses the process of consolidation of progressives and ideological evolution of the “middle” current in Russian liberalism. At the same time, the author records the preservation of basic settings of the liberal centrism. The article concludes that the positions of progressives was strengthened by the start of the 4th Duma.

Ключевые слова: прогрессисты; столыпинские реформы; «культурная работа»; общественные организации; «экономические беседы»; национал-либерализм; избирательные кампании по выборам в III и IV Думу.

Key words: progressives; Stolypin reforms; “cultural work”; public organizations; “economic conversations”; national liberalism; election campaigns for the elections to the 3rd and 4th Duma.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

Ситуация в стране после роспуска II Думы характеризовалась спадом общественной активности и усилением репрессивной политики против оппозиции. Власть обозначила приоритет своих действий в лозунге «порядок и реформы». Осенью 1907 г. в либеральных кругах высказывалось мнение о том, что «прогрессивные партии окончательно разбиты» и оправятся нескоро [37, с.378]. Е.Н.Трубецкой делился мрачным предчувствием: «глубокая трещина, образовавшаяся между Думой и народными массами, грозит превратиться в бездну, в которую все провалится» [40, с.12].

«Прогрессивные партии окончательно разбиты»?

Нестабильность и противоречивость ситуации межвременья сказывалась на общественных настроениях, поднимая «градус» дискуссий. Страстное ожидание перемен было отягче-

но страхами перед неопределенностью грядущего, обусловленными многотрудностями ускорившегося «дрейфа» России в новую реальность. Все это стимулировало интенсивное развитие общественной мысли, взлет публицистики, связанный с осмыслением причин и уроков революции 1905–1907 гг. Не ограничиваясь идейными исканиями, либералы считали своим долгом попытаться еще раз «перекинуть мост» между народным представительством и страной. На решение этой задачи они направляли свои усилия, участвуя в избирательных кампаниях по выборам в Государственную думу третьего (ноябрь 1907 г. – июнь 1912 г.) и четвертого (ноябрь 1912 – февраль 1917 г.) созывов, а также в ходе работы нижней палаты.

Среди либералов особой деловитостью и напором отличались кадеты и прогрессисты. Примечательно, что усилия соратников П.Н.Милокова по организационному укреплению партийных рядов, активизации работы в Думе и за ее пределами в значительной мере «подстегивались» конкуренцией со стороны прогрессистов – наиболее близких к ним участников «левого центра». Несмотря на то, что многие объединения либералов-центристов, немногочисленные по составу, быстро сошли с дистанции, в новых условиях сторонники «средней линии» нередко оказывались более мобильными, чем их непосредственные соседи слева (кадеты) и справа (октябристы). Не последнюю роль в этом сыграли организационные предпочтения либералов-центристов – неприятие строгой партийной дисциплины, ориентация на действия в рамках коалиции конституционных сил. Исчезли прежние

«вывески» партий, союзов, клубов, но востребованность идей либерального центризма отчетливо давала о себе знать, особенно в провинции. Это позволило прогрессистам последовательно «набирать обороты» и выступать в качестве одного из значимых участников политической жизни вплоть до прихода к власти большевиков. Сделав основной акцент на деятельности в Государственной думе, они демонстрировали активность и вне стен Таврического дворца.

Несмотря на уход с политической сцены к концу 1907 г. Партии демократических реформ (ПДР), ее лидеры продолжали энергично выступать в публичном пространстве. По-прежнему сохраняло позиции авторитетное московское издание – «Русские ведомости». У его руля находилась группа кадетских публицистов, сформировавшихся во многом под влиянием А.С.Посникова, одного из руководителей газеты в 1890-е гг. Не скрывая близости к Партии народной свободы, редакция «Русских ведомостей» проводила самостоятельную «линию», стремясь к объективному и взвешенному анализу событий. В газете продолжали публиковаться организаторы ПДР.

**«Порядочные
и несомненно честные»**

М.М.Федоров

Еще один центр консолидации прогрессистов – редакция «Московского еженедельника» (1906–1910, ред.-изд. Е.Н.Трубецкой), близкая к московскому Клубу независимых и Партии мирного обновления (ПМО). В число «порядочных и несомненно честных» периодических изданий прогрессисты включали и журнал «Русская мысль», с конца 1906 г. выходивший в Москве под редакцией П.Б.Струве.

В Петербурге «мирнообновленческого» направления придерживалась «прогрессивная, беспартийная» газета «Слово», издававшаяся с 19 ноября 1906 г. по 1909 г. под редакцией М.М.Федорова. Ближайшее участие в ней принимали лидеры ПДР и ПМО, правые кадеты.

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

Газета «Слово»

С 1909 г. идейное знамя журнала «Вестник Европы», еще одного (наряду с «Русскими ведомостями») патриарха либеральной прессы и собирателя сил «умеренных прогрессистов», находилось в надежных руках К.К.Арсеньева, одного из основателей журнала¹. Тогда же на пост

¹ В ноябре 1910 г., подводя промежуточный итог работы в журнале, К.К.Арсеньев отмечал в дневнике: «Я вел "Внутреннее обозрение" почти 31 год (!), с марта 1880 г., и написал 343, т.е. не менее 6000 страниц или 375 листов (около 12 больших томов). За 23 года, с 1882 по 1905 г. я написал, сверх того, 250 "Общественных хроник"» [10, л.104об.-105, 109]. В феврале 1912 г. издатель «Вестника Европы» М.М.Ковалевский, обеспокоенный намерением К.К.Арсеньева покинуть редактирование журнала, называл такую возможность «большим ударом для журнала». «Ведь Вы и живая связь старой редакции с новой, и наше связующее звено, — разьяснял М.М.Ковалевский серьезность ситуации, надеясь на то, что К.К.Арсеньев («неизменно бодрый вождь») еще не принял окончательного решения. — Ведь мы все люди мало спешившие и способные идти в разные стороны» [11, л.1, Зоб.]. К.К.Арсеньев продолжил выполнять редакторские функции: с 1 декабря 1912 г. совместно с Д.Н.Овсянко-Куликовским, с января 1913 г. — неофициально, в качестве

его издателя заступил М.М.Ковалевский. В 1909–1912 гг. при ближайшем участии последнего издавался также «еженедельный вестник культуры и политики» «Запросы жизни» (СПб., октябрь 1909 – август 1912 г., ред.-изд. Р.М.Бланк). Список органов печати, в которых сотрудничали прогрессисты, не исчерпывается перечисленными названиями. Эти своего рода идеологические штабы либералов-центристов, действуя по принципу сообщающихся сосудов, благодаря ударным силам своих публицистов, распространяли влияние и на других «площадках». Одной из центральных тем прогрессистских изданий было освещение парламентской деятельности своих лидеров и сторонников.

Журнал «Запросы жизни»

«совещательного редактора», без вознаграждения. И только смерть М.М.Ковалевского в марте 1916 г., повлекшая за собой перемены в редакции и издательстве, а также «осознание слабеющей способности и силы», побудили К.К.Арсеньева вовсе отказаться от редакторства. Однако вплоть до закрытия «Вестника Европы» весной 1918 г., он регулярно выступал на страницах журнала.

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

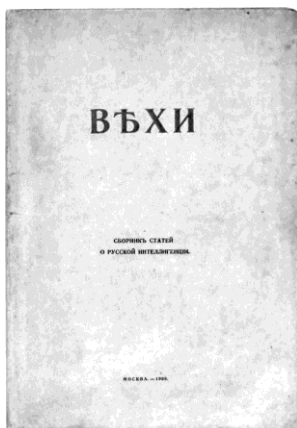
Участвуя во всех значимых общественных дискуссиях предвоенных лет, либералы-центристы, несмотря на внутреннюю неоднородность, сохраняли общие типологические черты. Характерны выступления прогрессистов в печати в период бурной полемики вокруг сборника «Вехи» (1909), инициированного правыми кадетами и их идейными соратниками. Если «мирнообновленцы» (члены редакторского круга «Московского еженедельника»), в целом, поддержали «веховцев»², то ключевые фигуры «депреформаторов» (К.К.Арсеньев, М.М.Ковалевский) оказались в рядах лидеров «контрвеховского» движения. В то же время, по-разному расставляя акценты в откликах на резонансный сборник, и те, и другие, по сути, продолжали углублять «русло» либерального центризма³.

**«Прогресс личности
немыслим без прогресса
общественности»**

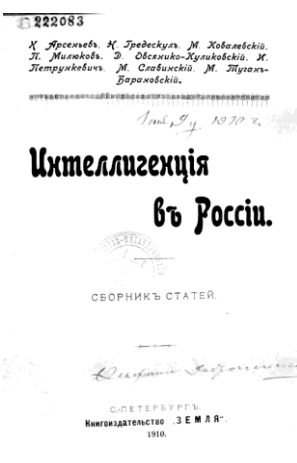
Е.Н.Трубецкой трактовал призыв «веховцев» к самоуглублению и самосовершенствованию личности как утверждение приоритета свободы («ибо без свободы нет ни совершенства личности, ни даже самой личности»). Вполне разделяя эту мысль, К.К.Арсеньев и М.М.Ковалевский решительно выступили лишь против категоричного «противоположения индивидуального коллективному», ставшего камертоном сборника. По словам М.М.Ковалевского, «прогресс личности немыслим без прогресса общественности», а «эмансипация индивида связана с развитием опирающейся на равенство солидарности». Представители редакторского круга «Вестника Европы» на страницах сборника «Интеллигенция в России» подчеркивали веру в то, что будущее человечества зависит от согласования двух не противоречащих друг другу начал – свободы и равенства [15, с.223–226, 276–279, 293].

² Среди авторов «Московского еженедельника» были «веховцы» Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.Б.Струве.

³ Символично, что на фоне «истерических воплей» оппонентов «Вех» Е.Н.Трубецкой солидаризировался с «объективным критическим анализом» идей сборника, представленным К.К.Арсеньевым [39, с.9].

Обложка сборника «Вехи»

Обложка сборника «Интеллигенция в России»

В конечном итоге, лидеры прогрессистов в очередной раз дистанцировались от крайностей революционного лагеря, подтвердив при этом приверженность идее социальной справедливости. Либералов-центристов объединяла также убежденность в необходимости соблюдения морально-этических требований в политике. Утверждая безусловную ценность свободы, они видели ее смысл и оправдание в «уважении к праву и уважении к достоинству человека». Провозглашение целью прогресса развития культуры (в широком смысле) сочеталось у них с призывами перейти от слов к делу и, прежде всего, энергично приняться за интенсивную «культурную работу». «Только при этом условии мы можем быть уверены, что завоеванные, наконец, свобода и равенство составят для нас благо, а не гибель» [45, с.17], – настаивали «мирнообновленцы» и их соратники.

«Громадная культурная работа даст нам и почву, и толчок для гражданского сближения», позволит «создать из сословий и народностей нацию», обеспечит уход в прошлое традиции, «когда каждый признавал "обществом" только свой кружок, свое сословие, свою секту» [19, с.55–56], – именно в этом (наряду с организацией широкого общественного движения в защиту конституции) либералы-центристы видели главную политическую задачу момента. «Если общество перестало верить и в начальство, и в революцию, то в этом есть одна спасительная сторона: оно обязано верить хотя бы в себя, – заявляли публицисты «Московского еженедельника». – Если в нас не найдется и этой веры, то нам надо поставить крест на всю русскую историю» [20, с.58].

**«Нужно полное
перевоспитание
русского общества»**

Е.Н.Трубецкой, подчеркивая особую актуальность культурной работы, свидетельствовал об отсутствии в России начала XX в. сил («начиная с деятелей правительственных и кончая

деятелями общественными»), способных адекватно оценивать ситуацию и принимать ответственные решения⁴. «Безумие нашей революции, как и безумие нашей реакции обуславливается главным образом одной общей причиной, – тем, что у нас личность еще недостаточно выделилась из бесформенной народной массы, – замечал «мирнообновленец». – Это обуславливаются внезапные резкие переходы от полной неподвижности и косности к стихийному бунтарству, от наивной покорности к столь же наивному революционному утопизму» [38, с.8]. Е.Н.Трубецкой возлагал надежды «не столько на те или другие политические комбинации настоящего, на новые партии и на новых людей, которых в данную минуту нам взять неоткуда», сколько на новое поколение россиян. «Нужно полное перевоспитание русского общества, коренное изменение его психического склада, новое самоопределение народного характера» [43, с.6–7], – полагал он.

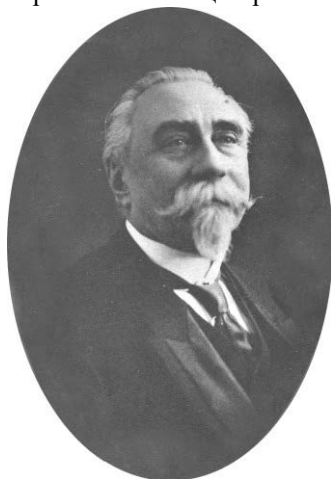
Согласно обозначенной таким образом долговременной стратегии «мирного обновления» России, лидеры прогрессистов продолжали, как и прежде, ставить во главу угла государственной политики и собственной деятельности вопросы народного образования. Солидаризировавшись с кадетской профессурой, они по мере возможности сопротивлялись усилению административно-полицейского нажима на высшую школу [21, с.254–256]. В первых рядах борцов за университетскую автономию еще с 1880-х гг. находился А.С.Посников. Один из основателей Петербургского политехнического института (1902), он вплоть до 1911 г. руководил этим учебным заведением, одновременно (до 1908 г.) занимая должность декана экономического отделения, созданного по его инициативе.

По воспоминаниям современников, во многом благодаря ему в коллективе института установилась атмосфера дружбы и взаимопонимания, бескорыстной любви к общему делу. «Когда бывал серьезный вопрос, нас всех собирали не на официальные заседания, а на частные совещания на квартире у Посникова, и здесь в неофициальном порядке разрешались трудные вопросы, – вспоминал В.Б.Ельяшевич, профессор экономического

⁴ «Теперь у нас слепой ведет слепого», – так Е.Н.Трубецкой характеризовал не только «слепоту правительственную». «Корень зла» он видел также и «в общей нашей слепоте народной». Отсюда, по его словам, и недооценка всеми «той грозной опасности, которая создается испугом зажиточных классов и косностью народных масс» [43, с.6].

отделения в 1902-1918 гг. – Никакого различия между нами не было. Мы составляли одну семью» [34, с.23–24]. Степень доверия, установившаяся между А.С.Посниковым и студентами, помогала ему улаживать конфликты и по возможности поддерживать нормальное течение учебного процесса в вузе и после революции 1905–1907 гг., в обстановке студенческих забастовок [2; 12]. Осуждая действия радикальной молодежи, он протягивал руку помощи тем, над кем нависала угроза наказания за революционную деятельность⁵.

Весной 1911 г., несмотря на почти полное отсутствие студентов (последствие очередной протестной волны в вузах), на Совете Института все же было принято решение его не закрывать. Благодаря усилиям А.С.Посникова и его коллег именно предвоенные годы стали периодом наибольшего развития учреждения – одного из крупнейших научно-образовательных центров России⁶.

Н.В.Давыдов

Примечательно, что учебные дисциплины, которые читались А.С.Посниковым и другими прогрессистами в высшей школе (М.М.Ковалевский, И.И.Иванов, В.Д.Кузьмин-Караваев, В.Г.Яроцкий, Н.В.Давыдов и др.), были связаны с насущными российскими проблемами, несли на себе отпечаток политических убеждений авторов. Сверхзадачей преподавательской деятельности они считали воспитание поколения строителей «новой России», способных к ее «мирному обновлению» путем перевода государственного управления и экономики на современные рельсы, с учетом мирового опыта и исторического своеобразия собственной страны.

⁵ Так, в 1910 г. Совет института ходатайствовал о помиловании М.В.Фрунзе, студента экономического отделения (в 1904–1906 гг.), приговоренного к смертной казни [18, с.18].

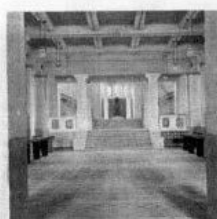
⁶ 22 июня 1909 г. Николай II утвердил закон об учреждении в составе Петербургского политехнического института новых отделений – инженерно-строительного и механического; с сентября этого же года начались занятия на курсах воздухоплавания при кораблестроительном отделении для студентов всех технических отделений; летом 1911 г. была закончена организация при институте Офицерских курсов авиации им. В.В.Захарова, и т.д.

**Московский городской народный университет
имени А. Л. ШАНЯВСКОГО.**

Фот. А. И. Сивилев

Главный портал.

Вестибюль.

Лекционный зал.

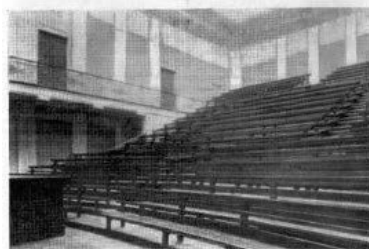
Химическая лаборатория.

Читальный зал.

Коридор.

Большая аудитория.

Библиотека.

Московский городской народный университет имени А.Л.Шанявского

Период, отделявший российскую революцию 1905–1907 гг. от Первой мировой войны, характеризовался активным участием кадетов и прогрессистов не только в научно-образовательной деятельности вузов, подведомственных Министерству народного просвещения. Они выступали за расширение частной инициативы в сфере образования, обосновывали необходимость общеобразовательных высших курсов. В частности, М.М.Ковалевский, имевший за своими плечами опыт организации Русской высшей школы общественных наук в Париже, высоко ценил подобную инициативу П.Ф.Лесгафта [24; 26]. М.М.Ковалевский стал первым директором Вольной высшей школы при Петербургской биологической лаборатории П.Ф.Лесгафта («курсы Лесгафта»), где читал лекции по социологии на общеобразовательном отделении. Фактически безраздельным было влияние кадетов и прогрессистов в народных университетах (неправительственных высших учебных заведениях) [21, с.256]. Одно из центральных мест среди них занимал Московский городской народный университет имени А.Л.Шанявского. Определяющую роль в его судьбе сыграл видный московский прогрессист Н.В.Давыдов [47, с.248–250].

В предвоенные годы значимые позиции принадлежали прогрессистам и в общественных организациях культурно-просветительного, юридического и экономического характера (Вольное экономическое общество, Московское юридическое общество, Лига образования и др.) [44, с.266–267]. Их имена – среди руководителей и участников разного рода образовательных проектов⁷, организаторов легальных съездов. Центральной фигурой многих общественных инициатив по-прежнему оставался М.М.Ковалевский⁸.

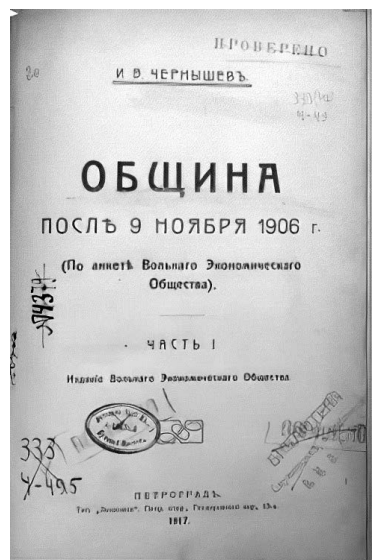
⁷ Либералы-центристы (М.М.Ковалевский, В.Д.Кузьмин-Караваев, К.К.Арсеньев и др.) выступали в качестве авторов и редакторов серийных изданий научно-популярного характера, а также «Нового энциклопедического словаря Брокгауз-Эфрон», «Энциклопедического словаря Русского Библиографического института Гранат». М.М.Ковалевский стал одним из инициаторов, авторов и редакторов таких масштабных изданий, как «История нашего времени: (Современная культура и ее проблемы)» (совместно с К.А.Тимирязевым; т. I–VIII. СПб., 1910–1917), «Новые идеи в социологии» (совместно с Е.В.де-Роберти; т. I–IV. СПб., 1913–1914), и др. Он инициировал ряд публикаторских проектов – издание исследований зарубежных авторов (В.Вильсон, М.Кондорсэ, О.Конт, С.Лоу и др.) и российских коллег (Е.В.де-Роберти, П.А.Сорокин, И.И.Янжул, и др.), посвященных опыту развития государственности в Англии, США, взглядам на проблемы познания и общественного прогресса и т.д.

⁸ Его имя как инициатора (или одного из основателей), а также руководителя «освящало» деятельность внушительного количества организаций. Среди них – Общество вспомоществования бывшим депутатам I и II Думы, пострадавшим в связи с их политической деятельностью (1907); петербургский филиал Международного общества «Мир» (с

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

Особое место в набравшем обороты кооперативном движении принадлежало А.С.Посникову. Ученый продолжал последовательно противостоять «гасительным тенденциям» властей, направленным к подавлению «кооперативного духа». «Кооперативное движение широко разлилось по всей России. ... За кулисами кооперативов кроется настоящее революционно-социалистическое движение... в силу отвоеванного им положения, с этим движением сейчас борьба очень трудная» [8, л.18–18об.], – сообщалось в полицейских донесениях в 1912 г. А.С.Посников был избран председателем Первого Всероссийского съезда представителей кооперативных учреждений (Москва, 1908 г.).⁹ В марте 1912 г. ученый входил в состав Оргбюро Первого Всероссийского съезда деятелей мелкого кредита и сельскохозяйственной кооперации.

С 1909 по 1911 гг. А.С.Посников занимал пост президента ВЭО. В этот период одновременно с ускоренными темпами развития экономики, нарастало социальное напряжение. ВЭО делало акцент в своей деятельности на поддержку земств, заявляло о необходимости расширения прав органов местного самоуправления. При этом в центре внимания

Обложка книги И.Чернышева
«Община после 9 ноября»

1909); Общество славянского научного единения (1912); Общество англо-русского сближения (1912); Юридическое общество при Петербургском университете; Общество сближения России с Америкой. М.М.Ковалевский, не раз поднимавший в печати вопрос «об изыскании средств для борьбы с пьянством», в январе 1910 г. участвовал в работе первого всероссийского съезда, посвященного этой проблеме [25].

⁹ По приглашению Оргкомитета съезда, в его работе участвовал правовед А.Г.Гусаков – коллега и соратник А.С.Посникова, с 1902 г. работавший в Петербургском политехникуме. А.Г.Гусаков был избран на съезде тов. председателем комиссии по кооперативному законодательству. Комиссией были выработаны основные положения законопроекта о кооперативных товариществах. В документе отразилось стремление избежать излишней регламентации, способствовать свободному развитию кооперации.

общественной организации продолжал находиться аграрно-крестьянский вопрос. Для того, чтобы представить объективную картину отношения русской деревни к столыпинской аграрной политике, в 1910 г. при ВЭО была создана под председательством С.Н.Прокоповича «Комиссия по исследованию изменений, происшедших в крестьянском хозяйстве и крестьянском быту под влиянием указа 9 ноября и последующих землеустроительных мероприятий». Членами этой Комиссии была разработана обширная анкета. В специальном «Обращении» к участникам опроса («знатокам деревенской жизни») выражалась надежда «на получение ответов вполне справедливых и беспристрастных, чуждых увлечения в какую-либо сторону» [1, л.67а]. Несмотря на противодействие властей [1, л.74, 74об., 117об., 143, 144 и др.], ВЭО все же получило многочисленные ответы из различных губерний, уездов, волостей и общин России, которые свидетельствовали о неоднозначном отношении крестьян к земельной реформе.

Заметный резонанс имели доклады, организуемые Обществом и привлекавшие внимание не только прессы, но и самых разных слоев населения (курсистки, студенты, рабочие, представители политических партий, депутаты Государственной думы и т.д.). В этом власти видели серьезную угрозу основам самодержавного режима¹⁰. Буквально каждый шаг ВЭО находился под бдительным контролем властей. А.С.Посникову в силу его президентского статуса приходилось принимать удар на себя и тратить немало усилий для того, чтобы организация продолжала выполнять свою миссию.

**Создать «партию
объединенного центра»**

Характерной чертой развития либерального центризма после революции 1905–1907 гг. стало ускорение процесса консолидации его сторонников.

С начала 1907 г. все настойчивее в прогрессистских кругах звучала мысль о перспективе «слияния существующих конституционных партий или групп в одну общую партию конституционного центра» [29, с.465]. При этом, правда, как и раньше, признавалось,

¹⁰ Так, например, доклад М.И.Туган-Барановского «Перелом в положении русской промышленности» (октябрь 1910 г.), трактовался в полицейских сводках как «замаскированный прием агитации» и фактически призыв «идти в социал-демократическую партию». В связи с этим Петербургский градоначальник даже выступил с предложением о закрытии ВЭО [1, л.73об., 108, 172].

что эта задача далека от «текущей политики момента»¹¹, а перелом ситуации предвиделся лишь в будущем¹².

Однако уже вскоре реализация идеи, витавшей в воздухе, была поставлена на практическую основу прогрессивными московскими предпринимателями (братья Рябушинские, А.И.Коновалов, С.И.Четвериков, С.Н.Третьяков и др.) и близкой им по уму настроению либеральной интеллигенцией. Предполагалось, что новая политическая организация «сумела бы сочетать свойственное консерваторам уважение к законности и порядку (то есть сильной государственности) с либеральными взглядами по экономическим и социальным вопросам» и «смогла бы взять на себя труд по "модернизации" России, не злоупотребляя при этом насилием» [28, с.228–234].

П.П.Рябушинский

Важной вехой на пути к очередному союзу прогрессистов стали т.н. «экономические беседы» – совместные собрания ученых, членов Государственной думы, Государственного совета и предпринимателей, проходившие в 1908–1913 гг. в Москве, на квартирах П.П.Рябушинского и А.И.Коновалова [31, с.256–261]. На встречах обсуждался широкий круг вопросов, связанных с переустройством России. «Собеседников» объ-

¹¹ Е.Н.Трубецкой задавался вопросом, почему не имели практического успеха попытки «родственных между собою партийных образований» (Партия демократических реформ, Демократический союз конституционалистов, Партия мирного обновления) создать «партию объединенного центра», т.е. сочетая «конституционный демократизм с консерватизмом, осуществить некоторого рода синтез кадетства и октябризма». Причина этого виделась ему «в сопротивлении русской национальной среды, которая оказалась неспособною усвоить правильную идею». А потому, по его мнению, следовало признать «несомненный факт»: «в данный исторический момент "мирное обновление" может быть сильно и влиятельно лишь в качестве направления, а не в качестве политической партии» [41, с.8–11].

¹² «Печально сознавать, что из всех политических партий до сих пор еще нет такой, которая действительно была бы выразительницей народных нужд и духа. Кадеты превосходные реформаторы, но в них слишком много космополитизма и отрицания национальных чувств. Октябристы – сторонники конституции, но конституционные стремления перепутались у них с помещичьими инстинктами. Правые же, хоть и обладают национальным чувством, но какие же они реформаторы?» – рассуждал В.Н.Львов на страницах газеты «Слово» в декабре 1907 г. По его мнению, предпосылки для выхода новой партии на политическую арену могли появиться «не ранее как через годы» [29, с.465].

единял искренний патриотизм и забота об укреплении могущества России в предчувствии грядущих мировых конфликтов.

Эти ценности легли в основу концепции «Великой России», разработанной и представленной П.Б.Струве в январе 1908 г. на страницах журнала «Русская мысль» [36]¹³. В свою очередь, эта идея определила лицо прогрессизма как российского варианта национал-либерализма, который к началу 1910-х гг. стал влиятельным фактором политики.

П.Б.Струве

А.М.Рыкачев (из фондов Архива РАН, г. С.-Петербург)

Для него были характерны: ставка на укрепление государственности и национальное сплочение, отказ от преувеличенного значения классовых и партийных противоречий, курс на создание широкой коалиции сторонников прогресса, сближение правительства с народным представительством «с целью действительного осуществления конституционного и демократического строя», признание обязательности обеспечения исторической преемственности в процессе «мирного обновления» общества.

¹³ Идея «здорового» национализма («национального европеизма») была отражена и в сборнике, опубликованном по результатам «экономических бесед» [14]. Среди ближайших сподвижников П.Б.Струве был талантливый экономист, беспартийный прогрессист А.М.Рыкачев [46].

**Российский вариант
национал-либерализма**

Идея «Великой России» фактически стала тем «возвышенным и объединяющим началом», которое, по мысли С.А.Котляревского, должно было, наряду с умеренностью программ-

ных установок, обеспечить успех новой партийной структуры, возглавляемой передовыми представителями торгово-промышленного класса [29, с.249–250].

Материальная «подпитка» со стороны т.н. «молодых» московских промышленников повышала конкурентные возможности прогрессистов, способствовала расширению круга их периодических изданий. С декабря 1912 г. по август 1913 г. на деньги крупных московских предпринимателей издавалась газета «Русская молва» (тираж 1300–2600 экз.). Более прочным оказалось положение газеты «Утро России», основанной П.П.Рябушинским в сентябре 1907 г. (тираж 30 тыс. экз.) как «орган прогрессивной и либеральной части московской купеческой массы» [13, с.239]. После перерыва (октябрь 1907 – ноябрь 1909 г.) издание просуществовало до апреля 1918 г. В 1914 г. тираж газеты превышал 40 тыс. экземпляров. Среди соучредителей газеты были П.А.Бурьшкин, А.И.Коновалов, В.П.Рябушинский, С.Н.Третьяков, С.И.Четвериков. Основной взнос на издание газеты поступал от братьев Рябушинских. По словам И.И.Толстого, эта же группа московских предпринимателей финансировала и петербургскую газету «Слово» [37, с.371]. При финансовых затруднениях к В.П.Рябушинскому и С.И.Четверикову обращалась редакция «Московского еженедельника».

Примечательно, что усиление позиций идей национал-либерализма в либеральной среде сопровождалось активизацией пацифистского направления, отвергавшего фатальную неизбежность войны. В российском пацифистском движении (Общество мира, Русская группа Межпарламентского союза) был представлен весь спектр русского либера-

Обложка сборника «Великая Россия»

Реклама газеты «Утро России»

лизма. При этом особую роль играли лидеры прогрессистов – М.М.Ковалевский, И.Н.Ефремов. И дело здесь не только в их обширных международных связях. Гораздо большее значение имели особенности мировоззрения и миропонимания упомянутых идеологов либерального центризма. Безусловная ценность общественной солидарности и «общего блага», стремление к исключительно мирному решению проблем, установлению отношений доверия и гармонии – таковы были их приоритеты в вопросах как внутренней, так и внешней политики.

Однако ряды активных приверженцев миротворческих идей в России начала XX в. были немногочисленны

(около 900–1000 членов пацифистских обществ) [22, с.188], а их положение в общественной жизни – слабым и неустойчивым. Тем не менее эта идейная струя в либеральном центризме являлась одной из его существенных характеристик, а распространение пацифистского движения было рассчитано на долгосрочную перспективу, как и само «укоренение» ценностей «срединного» течения в либерализме.

Пацифистские взгляды, этика нравственного созидания и человеколюбия, глубокая вера в социальный прогресс на путях просвещения и культуры – все это объединяло ряд либералов-центристов и их сподвижников на неформальной почве, в масонских ложах. Инициатором возрождения масонства в России в 1906 г. стал М.М.Ковалевский [35]. Он рассматривал масонские ложи как одну из форм внепартийного объединения оппозиционных сил на широкой либерально-демократической платформе. «Новейшее масонство задумывалось не как новая партия или сверхпартия, а как средство внедрения в политически активную часть общества идеи согласия и компромисса. Принципы масонства, противопоставленные нетерпимости и фанатизму, должны были, согласно этому замыслу, получив известное распространение, приостановить дробление сил оппозиции» [32, с.165], – подчеркивается в современных исследованиях.

**«Новорожденную
нашу свободу задушили»**

Задача мобилизации прогрессистов, по мнению их лидеров, приобрела особую актуальность в предвоенные годы, в связи с ростом общественной напряженности. Обострение ситуа-

ции они объясняли издержками экономического и политического курса правительства. Режим П.А.Столыпина характеризовался ими как «мнимоконституционный строй»¹⁴. Сторонники эволюционного («органического») развития, прогрессисты осуждали избранные властью насильственные методы аграрных преобразований. Они подчеркивали политическую подоплеку земельной реформы, предвещая неизбежное нарастание «раздражения и смуты» в стране. «При отсутствии серьезных средств борьбы с последствиями безработицы и невозможности быстрого удешевления нашей промышленности, идти на опыт грандиознейшего искусственного разложения старинных общественных устоев русского народа, сельской земельной общины и семейной собственности – значит делать то, что Ю.Самарин давно окрестил названием *революционного консерватизма*» [27, стб.714–715] (выделено в оригинале. – *Н.Х.*), – утверждал М.М.Ковалевский. Выступая за свободное саморазвитие общины, он разделял мнение разработчиков Крестьянской реформы 1861 г. «о желательности предоставить разрешение вопроса об общине самой жизни и о нецелесообразности принятия каких-либо искусственных мер к поддержанию или уничтожению общины» [27, стб.705]. Ученый солидаризировался также с С.Ю.Витте, обратившим внимание на то, что, в отличие от упомянутой реформы Александра II, которая «бы-

¹⁴ Лидеры ПДР отмечали: «Кабинет г. Столыпина продолжает дело г. Горемыкина – дело развенчания акта 17-го октября и демобилизации всех обещанных свобод. Для настоящего кабинета, как и для прошлых двух, Манифест 17-го октября принял форму фурагона, перегруженного обещаниями и завязшего в болоте революции. Новые лошади и новый возница должны этот воз сдвинуть; но куда – в этом их секрет. Для обывательских же глаз здесь секрет полишинеля... Мы допускаем, что личное мировоззрение г. Столыпина расходится с мировоззрением Союза русского народа. Но мы твердо убеждены, что по собственной инициативе г. Столыпин не подсказал бы акта 17-го октября. Еще в большей мере это относится к его коллегам. Чего же можно ожидать от правительства, столь чуждого идее, которой оно призвано служить? Но драма России глубже – драма в том, что сама идея померла для правительства; оно стоит у раскрашенной, набитой всякими снадобиями мумии акта 17-го октября. Оттого оно неподвижно, как древний жрец, по внешности строго и корректно, а внутренне – беспомощно и жалко. Новорожденную нашу свободу задушили и из трупа соорудили египетскую мумию с головоломными надписями, напоминающими о блеснувшем было счастье, о нерасцветших правах и обязанностях граждан. Эту мумию крепко обнимает кабинет г. Столыпина. Может ли он с нею двинуться вперед?», – задавалась риторическим вопросом редакция «Страны» еще осенью 1906 г. [30, с.420–421].

ла произведена после многолетней подготовительной работы и двукратного опроса заинтересованных», аграрная реформа П.А.Столыпина представляла собой «поход против крестьянских порядков землепользования, затеянный и осуществленный исключительно "канцелярией"» [30, с.237].

В 1-ой пол. 1910-х гг. в связи с чередой 50-летних юбилеев преобразований 1860-х гг. (отмена крепостного права, судебная и земская реформы) деятели либерального центризма энергично противостояли на страницах печати попыткам фальсификации сути этих реформ, стремлению «околовластных» кругов представить эти нововведения «ненужными», чуждыми российским условиям [48, 49].

«В прочность такого порядка верится с трудом»

Резонанс в российской прессе получил очерк М.М.Ковалевского, опубликованный в 1909 г. в одной из венских газет и представлявший, по мнению редакции газеты «Слово»,

«мастерски выполненную картину государственной деятельности г. Столыпина в эпоху всех трех Дум в очень сжатом и живом изложении». «Кабинет г. Столыпина, – приходил к выводу М.М.Ковалевский, – не находится под контролем палат. Сам председатель Совета министров заявил однажды публично, что как для него, так и для его товарищей существует лишь два вида ответственности: перед монархом и перед судом истории. Никто не сомневается в том, что г. Столыпин делает все из любви к престолу и отечеству; но многие, и я в их числе, держатся того взгляда, что достигнутый им порядок есть порядок только полицейский, а в прочность такого порядка верится с трудом» [30, с.239].

Подводя итоги развитию России в первом десятилетии XX в., М.М.Ковалевский подчеркивал фактически «нулевой» результат правительственной деятельности в сфере реализации «всех обещанных видов свободы»: «Отбой, начавшийся с роспуска первых двух Дум, все еще продолжается: искоренение крамолы, столько же действительной, сколько и мнимой, идет вовсю; тюрьмы переполнены; часть русской литературы сидит в Крестах и Петропавловской; участь журналистов не слаще. Зато им дозволен был съезд, но под условием не говорить об юридическом положении печати. Что еще не упразднено – над тем висит дамоклов меч. В этом положении очутились одинаково даровая всеобщая народная школа и недавно обещанная университетская автономия». Как и прежде, М.М.Ковалевский отрицал возможность сотрудничества с

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

правительством П.А.Столыпина, резко критически отзываясь о тех, кто «хотел бы положить в основу нашего обновления принцип: "помогай сильному, оставляй слабого на произвол судьбы"» [23]¹⁵.

«Нужно признать гражданами не одних только собственников»

Негативное отношение к кабинету П.А.Столыпина («министерству роспуска»), было характерно и для Е.Н.Трубецкого, видевшего роковую ошибку премьер-министра в роспус-

ке I Думы [42, с.4]. Для «мирнообновленцев» были также «безусловно неприемлемыми» «антиправовые, революционные» средства осуществления аграрных преобразований. Е.Н.Трубецкой подверг критике идею П.А.Столыпина о том, что «создать гражданина и индивидуального собственника – одно и то же»: «Опасно связывать возрождение русского патриотизма исключительно с ростом класса мелких земельных собственников, который в настоящее время представляется гадательной проблематичной величиной. Патриотизм должен опираться на более широкий фундамент. Нужно признать гражданами не одних только собственников, а всех русских подданных» [30, с.660].

В 1911 г., находясь за границей и анализируя события последнего периода пребывания П.А.Столыпина у власти, Е.Н.Трубецкой признавался в одном из писем к М.К.Морозовой: «Я живу подавленный ужасами при виде надвигающейся на Россию грозы. Столыпин один идет против всех, против инородцев, против Думы, против университета, против всей России... Боюсь, что близится ужасный конец, и не радуюсь, потому что жду не добра, а настоящей сатанинской оргии от будущей революции... Надвигается буря настолько стихийная, что никакими усилиями ее предотвратить нельзя» [16, с.370].

Несмотря на мрачные предчувствия, лидеры прогрессистов не собирались сидеть сложа руки. В августе 1907 г. новым лидером ПМО был избран Д.Н.Шипов. Накануне созыва III Думы усилия «мирнообновленцев» вновь были направлены на обеспечение условий для создания в нижней палате устойчивого «конституционного центра». В качестве

¹⁵ По свидетельству одного из современников, М.М.Ковалевский не смог сдержать личной неприязни к П.А.Столыпину даже в связи с известием о его трагической гибели. Реакцией ученого на это событие стал экспромт, суть которого заключалась в том, что известное латинское изречение «*de mortuis nil nisi bene*» он изменил так, что в переводе оно стало означать: «о мертвых – или ничего, или – ничего хорошего» [17, с.130].

идеала, к которому следовало стремиться, указывалось на земские съезды 1904–1905 гг., «где шли рука об руку будущие кадеты, обновленцы, октябристы»: «В них объединились в одно целое прогрессивные стремления и здоровый консерватизм: одни завоевывали свободу, другие спасали гибнущий порядок, и сохраняли между собой солидарность. Будущие октябристы, вместе с будущими кадетами, требовали представительства, конституционных гарантий, соглашались даже на принудительное отчуждение, потому что они видели в этом условии сохранения государства, его целостности» [29, с.171].

Как и в предыдущую избирательную кампанию, роль «примирителя» кадетов и октябристов («двух партий центра») взял на себя Е.Н.Трубецкой¹⁶. Однако побудить лидеров этих партий к заключению предвыборного соглашения вновь не удалось. Соратники П.Н.Милюкова и А.И.Гучкова также в очередной раз отвергли и временный союз с «мирнообновленцами». Тем не менее руководство ПМО по мере развертывания избирательной кампании все решительнее высказывалось за «энергичную поддержку» на выборах Партии народной свободы.

Подобный настрой был характерен и для большинства провинциальных отделов ПМО [29, с.185]. Примечательно, что именно местные организации «мирнообновленцев», взяв на себя инициативу в деле организации коалиционных групп из конституционных элементов различных партий, с успехом перенесли это дело на практическую почву [29, с.173]¹⁷. Они также создавали беспартийные избирательные комитеты [29, с.177]. Эта деятельность исподволь подготавливала выход на политическую сцену думской фракции прогрессистов и последовательное укрепление ее позиций в III Думе.

¹⁶ По мнению Е.Н.Трубецкого, октябристы и кадеты (каждая партия с опорой на свой электорат) были призваны решить в III Думе общую консервативную («в лучшем смысле слова») задачу – обеспечить «торжество свободы, культуры и порядка». Эта цель, по словам идеолога «Московского еженедельника», вполне соответствовала массовым настроениям в стране («консервативному обывательскому инстинкту»): «Тот скромный обыватель, который хочет "мира прежде всего", одинаково боится всяких чрезмерностей – и революции, и необузданной реакции, которая вызывает революцию» [29, с.165].

¹⁷ По сведениям ЦК ПМО, в июне 1907 г. в целом ряде городов Поволжья по инициативе местных отделений партии проходили совещания сторонников «идеи совместного выступления на выборах всех конституционных групп в целях борьбы с левыми и правыми кандидатами». В совещаниях участвовали октябристы, кадеты, мирнообновленцы. В целях усиления агитации среди местного населения, лидеры ПМО вели переговоры с редакциями провинциальных газет [29, с.453]. В середине июля 1907 г. сообщалось также о намечавшихся межпартийных совещаниях конституционалистов на базе южных отделов ПМО (во главе с одесским), а также в Центральной России [29, с.174–175].

В свою очередь, окончательное разочарование в способности октябристов «воплотить в русской жизни минимальные требования политической свободы и гражданского правопорядка», побудило либералов-центристов ускорить процесс организационного укрепления своих рядов. Эта задача приобрела особую актуальность на завершающем этапе работы III Думы.

Первым шагом к созданию «беспартийной прогрессивной партии» и фактическим стартом очередной предвыборной кампании прогрессистов стала статья М.М.Ковалевского «Задача прогрессивных партий на будущих выборах», опубликованная в газете «Русское слово» 28 февраля 1912 г. Это был призыв к объединению прогрессистов под лозунгом «равенство перед законом, господство права, свобода совести». Важнейшим условием увеличения числа оппозиционных депутатов в IV Думе автор считал организацию широкой предвыборной кампании в провинции [29, с.254–260].

**«Прогрессисты
выкристаллизовываются
в партию»**

Контуры новой организации были намечены в начале марта 1912 г. «Первой ласточкой» стало образование в Петербурге «прогрессивно-беспартийной» группы под председательством лидера думской фракции прогрессистов И.Н.Ефремова. В состав упомянутой группы вошли члены Государственной думы и Государственного совета, земско-городские деятели, представители интеллигенции (в т.ч. М.М.Ковалевский) [29, с.261]. Декларировался временный характер этого объединения («прогрессивного блока»): его целью провозглашалось согласование на время предвыборной кампании действий беспартийных прогрессивных элементов. Идеиная (фактически избирательная) платформа включала в себя:

- *заботу о внутреннем единстве и внешней мощи России («подорванных близорукостью и злоупотреблениями бюрократического управления»),*
- *борьбу за осуществление принципов Манифеста 17-го октября,*
- *охрану прав и достоинства народного представительства,*
- *проведение реформы местного самоуправления,*
- *защиту народнохозяйственных интересов от поглощения их чрезмерно централизованным государством и*
- *борьбу с лженационализмом.*

И.Н. Ефремов

И.Н.Ефремов

При активном участии И.Н.Ефремова 17–18 марта 1912 г. состоялась конференция московских прогрессистов. В результате было положено начало формированию центральных органов нового объединения (по региональному принципу) для организации избирательной кампании. Сфера деятельности образованного в Москве Комитета («внепартийного бюро прогрессивных избирателей») включала в себя Москву и Московскую губернию, а также центральные и восточные районы России, а аналогичного (по своим задачам) Комитета, созданного спустя несколько дней в Петербурге, – территории Севера, Юга и Запада России [29, с.467–468]. Члены обоих Комитетов составили

руководящие органы Партии прогрессистов, учредительный съезд которой прошел в начале ноября 1912 г. [29, с.282–301].

В анонимной записке, представленной в Департамент полиции 5 апреля 1912 г., отмечалось, что оба комитета «несомненно, составляют одно целое, хотя никакого иерархического подчинения в названных группах нет. Обе организации самостоятельны, ... ведут дело за собственный страх и риск. Разграничение сферы деятельности обеих чисто территориальное». Что касается программных взглядов, то автор записки не видел больших отличий прогрессистов от октябристов [29, с.468].

«К призовому столбу идут лошади одной конюшни»

В то же время в полицейских донесениях не раз отмечалась близость позиций прогрессистов и кадетов, которая наводила сотрудников охраны на мысль о том, что проектируемая «всероссийская беспартийная прогрессивная организация» станет не чем иным, как «чисто кадетской» структурой [3, л.Зоб., 10]. В связи с этим образование Московского и Петербургского комитетов прогрессистов полицейские чины в очередной раз характеризовали как

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

один из «очень интересных шагов» предвыборной тактики Конституционно-демократической партии. Отмечалось, что «прогрессисты выкристаллизовываются в партию, против которой правительство отнюдь не может протестовать, и которая является превосходной поддужной там, где почему-либо кадетам может прийти туго. Практически выходит так: там, где кадеты непобедимы, – там прогрессисты будут целиком поддерживать кандидатов кадетов. Там, где возможны успешные репрессии правительства, или там, где грозят октябристы, националисты или социалисты – там прогрессисты объединятся с кадетами на "прогрессивных кандидатах". Такое же положение получится там, где почему-либо не любят самих кадетов». Таким образом, автор аналитической записки не сомневался в том, что в IV Думе будет создан «могучий центр»: «Милюков с Винавером организовали настоящие скачки, где к призовому столбу идут лошади одной конюшни, ясно, что при этом приз обеспечен, какая бы лошадь ни пришла первой» [29, с.468].

Несмотря на то, что у властей складывалось впечатление «несамостоятельности» нарождающегося объединения, руководство московских октябристов было всерьез обеспокоено «отходом» к прогрессистам своих бывших сторонников из числа «очень влиятельных сил». В то же время сотрудничество кадетов и либералов-центристов с целью усиления в новой Думе «конституционалистов в истинном и лучшем смысле этого слова» вовсе не подразумевало отношений иерархического соподчинения. Среди многочисленных проявлений упомянутых тенденций – негласные переговоры между лидерами старообрядцев во главе с П.П.Рябушинским и руководством московских кадетов [3, л.2–2об.], постановление (май 1912 г.) Московского губернского комитета Конституционно-демократической партии о «допустимости и желательности» предвыборного соглашения «с вновь образовавшейся партией "прогрессистов"» [3, л.54], совместные предвыборные мероприятия¹⁸.

¹⁸ Так, например, 28 сентября 1912 г. С.И.Четвериков председательствовал на собрании в Политехническом музее, где с лекцией «Промышленники и IV Дума» выступил А.И.Шингарев, «заявляя торгово-промышленников в партию к.-д.». «Задача лектора заключалась в том, чтобы доказать, что всякая отрасль промышленности тесно связана с внутренней политикой и что только прогрессивное направление таковой развивает рост производительных силы страны» [3, л.113], – сообщалось в полицейском донесении. Обращалось внимание на то, что С.И.Четвериков поддержал лектора, защищая его (и, в целом, позицию кадетов) от критики рабочих, и стремился внести ноту примирения в развернувшуюся дискуссию.

**«Много дельного
было говорено...»**

непросто. В частности, из-за малочисленности активных деятелей в Московском комитете преобладало «вялое настроение». Тон пытались задавать Н.Н.Львов, Д.Н.Шипов, С.И.Четвериков, Ю.И.Поплавский и братья Рябушинские. В роли связующего звена между московскими комитетами кадетов и беспартийных прогрессистов выступал Н.В.Давыдов. «Именно при его посредстве, как выражаются в московских общественных кругах, "кадеты поведут за повод прогрессистов"» [29, с.469], – докладывал агент охранного отделения. О кн. Е.Н.Трубецком сообщалось, что он «в последнее время совершенно сторонится политической деятельности и согласился дать свое имя только "для фирмы"». Гр. С.Л.Толстой характеризовался московскими стражами порядка как «совершенно инертная фигура». Прогнозировалась также «малая активность» А.И.Коновалова из-за его болезни [29, с.469]. Вывод аналитиков полицейского ведомства о Московском комитете как «довольно нежизнеспособной организации» был созвучен пессимизму и кн. В.М.Голицына, одного из лидеров прогрессистов-москвичей. Его удручало отсутствие у соратников понимания путей к фактическому осуществлению намеченной программы. «Много дельного было говорено, но все это было как-то расплывчато» [9, л.440об.], – передал В.М.Голицын в дневнике впечатление от заседания комитета 8 апреля 1912 г.

С.И.Четвериков

При всей очевидности шансов прогрессистов на то, чтобы стать серьезной политической силой на выборах, становление их новых организационных структур происходило

непросто. В частности, из-за малочисленности активных деятелей в Московском комитете преобладало «вялое настроение». Тон пытались задавать Н.Н.Львов, Д.Н.Шипов, С.И.Четвериков, Ю.И.Поплавский и братья Рябушинские. В роли связующего звена между московскими комитетами кадетов и беспартийных прогрессистов выступал Н.В.Давыдов. «Именно при его посредстве, как выражаются в московских общественных кругах, "кадеты поведут за повод прогрессистов"» [29, с.469], – докладывал агент охранного отделения. О кн. Е.Н.Трубецком сообщалось, что он «в последнее время совершенно сторонится политической деятельности и согласился дать свое имя только "для фирмы"». Гр. С.Л.Толстой характеризовался московскими стражами порядка как «совершенно инертная фигура». Прогнозировалась также «малая активность» А.И.Коновалова из-за его болезни [29, с.469]. Вывод аналитиков полицейского ведомства о Московском комитете как «довольно нежизнеспособной организации» был созвучен пессимизму и кн. В.М.Голицына, одного из лидеров прогрессистов-москвичей. Его удручало отсутствие у соратников понимания путей к фактическому осуществлению намеченной программы. «Много дельного было говорено, но все это было как-то расплывчато» [9, л.440об.], – передал В.М.Голицын в дневнике впечатление от заседания комитета 8 апреля 1912 г.

Тем не менее объективный ход событий свидетельствовал о востребованности в обществе взглядов прогрессистов. В целом, их позиция оказалась адекватной преобладавшим настроениям. Констатация заметного равнодушия публики к народному представительству и

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

очередной избирательной кампании¹⁹ не противоречила выводу Департамента полиции о нарастании оппозиционности в стране. «Вообще враждебность к правительству принимает все более и более явственные формы, и, как убеждены в левых кругах, случись в настоящий момент какой-либо террористический акт, он встречен был бы обществом без осуждения» [3, л.19об.], – сообщалось в справке Московского охранного отделения в сентябре 1912 г.

«Если бы не отказ С.И.Четверикова...»

Особое беспокойство власти вызывала радикализация представителей первой курии, которая прежде была «прочной базой октябризма» [3, л.63об.]. Аналитики полицейского ведомства видели опасность для кандидатуры А.И.Гучкова со стороны прогрессистов из числа московской предпринимательской элиты. Заметное «уклонение влево» торгово-промышленных кругов связывалось с волной забастовочного движения вслед за Ленскими событиями²⁰. Подчеркивалось тяготение предпринимательских кругов в сторону «новой политической группы – прогрессистов». Высказывалось предположение, что «если бы не отказ С.И.Четверикова, то силами торгово-промышленной группы по первой курии безусловно прошел бы прогрессист, и октябристы оказались бы в Москве окончательно разбитыми» [3, л.63об.–64]²¹.

¹⁹ Характерно упоминание в записке начальника Оренбургского губернского жандармского управления (13 сентября 1912 г.) о том, что «крестьянское население в большинстве даже и не знает того, что закончила свои полномочия III Государственная дума» [5, л.7]. В целом, негативное восприятие III Думы (из-за «малой видимой продуктивности») проецировалось и на предстоящую работу ее преемницы.

²⁰ Это послужило поводом для очередной (после солидарности с «университетским протестом» 1911 г.) резонансной акции московских предпринимателей-прогрессистов – решения членом совещания у П.П.Рябушинского поддержать рабочих-забастовщиков, отказавшись от наказания их «рублем» в виде «вычетов за прогульное время». «Промышленники, чуждые реакции и стоящие за либеральные реформы», видели в этом свой гражданский долг. Благодаря Ю.И.Поплавскому, подобный настрой стал заметным и в «Обществе фабрикантов и заводчиков Московского района». Прогрессисты стремились донести свое отношение к событиям до правительства, демонстрировали готовность к решительным действиям [29, с.469–470].

²¹ В полицейском ведомстве всерьез не рассматривались шансы других возможных кандидатов по первой курии от прогрессистов. Отмечалось, что «почтенные и уважаемые общественные деятели» П.И.Астров и Н.В.Давыдов (в случае их выдвижения прогрессистами) окажутся не способны противостоять такому политическому «тяжеловесу», как А.И.Гучков. Что касается П.П.Рябушинского, то обращалось внимание на неустой-

Новым явлением избирательной кампании в IV Думу стал политический «дрейф» от октябристов в сторону прогрессистов не только влиятельной части московских промышленников, но и домовладельцев-арендаторов. От их лица выступали присяжный поверенный А.А.Котлецов, юриконсульт Московского общества домовладельцев-арендаторов²², и председатель этого Общества, купец А.К.Андреев.

«Молчальники» заговорили

Накануне выборов они издали в типографии П.П.Рябушинского агитационную брошюру [33]. В ней была представлена избирательная платформа беспартийных кандидатов в Государственную думу. Документ, по сути, отражал ключевые установки московского комитета прогрессистов – курс на создание «умеренного центра», обоснование положительной роли буржуазии «в увеличении богатства страны, в развитии ее культуры и просвещения, в политическом прогрессе».

На домовладельцев-арендаторов как значимую «избирательную силу» обратили внимание и в Московской городской думе (где соответствующую когорту пассивных и малокультурных гласных прежде было принято именовать «молчальниками»). В полицейских донесениях сообщалось, что в середине мая 1912 г. «группа арендаторов «Марьиной рощи» обратилась с просьбой о помощи по защите своих прав к товарищу московского городского головы В.Д.Брянскому (прогрессист), который живо заинтересовался этим вопросом» [3, л.33–33об.].

чивость его популярности, «обязанной во многом его речи на банкете в апреле 1912 г., когда он в присутствии председателя Совета министров указал на "необходимость более культурных приемов управления"». При этом серьезность его кандидатуры не отрицалась («она будит большую тревогу в октябристских кругах, преданных Гучкову») [3, л.53об.]. Шаткость позиций известного миллионера объяснялась еще и тем, что П.П.Рябушинского «не любят даже в его собственной торгово-промышленной среде, называя "крикуном" и "высочкой"» [3, л.67об.].

²² *Это Общество объединяло домовладельцев-арендаторов, чей бизнес был сосредоточен в районах «Марьиная роща» и «Бутырки». Оно начало проявлять заметную активность только с конца 1910 г., хотя его устав был утвержден еще 11 апреля 1906 г. Основными мотивами для организации Общества были следующие: 1) улучшение правового положения упомянутого контингента; 2) разработка проектов аренды на взаимовыгодных условиях, исходя из интересов как арендаторов, так и землевладельцев; 3) ходатайство перед правительством об уничтожении краткосрочной (на 12 лет) аренды и ее увеличение до 48 лет. Что касается численности членов данного Общества, то, по словам «осведомленных лиц», к шлолю 1912 г. в нем состояло от 400 до 800 чел. [3, л.59].*

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

Примечательна инициатива прогрессистов из числа членов московского городского самоуправления. На волне оппозиционного настроения избирателей они рассчитывали значительно «продвинуть» дело политического объединения «представителей городских управлений всей России». Для этого предполагалось использовать Всероссийский съезд деятелей городских общественных управлений, созыв которого был инициирован осенью 1911 г. некоторыми провинциальными городскими думами²³.

Оценивая съезд «исключительно под политическим углом зрения», прогрессивные круги московских гласных предлагали заимствовать опыт объединения земств. В связи с этим они отмечали значительный консолидирующий потенциал общеземского съезда по народному образованию, состоявшегося в августе 1911 г., а также других общеземских съездов (по «земскому страхованию, совместной закупке железа и т.д.»). Подчеркивалось, что эти форумы (в т.ч. сопутствовавшие им неофициальные совещания «прогрессивных земских элементов») привели к тому, что «прогрессивные круги в мирном и почти незаметном процессе подчинили своему влиянию более умеренные и инертные земские элементы», а земская работа была упорядочена и централизована. Кроме того, на упомянутых съездах определилась предвыборная тактика проведения на выборах в IV Думу кандидатов «под флагом беспартийных прогрессистов» [3, л.44–45]. В результате следовал вывод о том, что по пути земств должны пойти и городские управления: «Объединяя на ряде съездов городских деятелей, прогрессивные круги получают возможность воздействовать и руководить более умеренными и безразличными в политическом отношении элементами» [3, л.45].

«Нельзя заранее выдумывать формы этой организации»

Косвенным подтверждением жизнеспособности «ростков» новой организации прогрессистов стало «значительно возросшее» внимание к ней к лету 1912 г. Не случайно именно тогда, в преддверии выборов в IV Думу и Государственный совет, И.Н.Ефремов обратился с «открытым письмом» в редакцию «Русских ведомостей» (19 июня 1912 г.) для того, чтобы расставить «точки над i»,

²³ В конце мая 1912 г. очередное подобное обращение («в совершенно официальной форме») поступило в Московскую городскую думу от городской управы г. Иваново-Вознесенск. В нем обосновывалась мысль о руководящей роли московского самоуправления в реализации идеи форума.

охарактеризовав «политическую физиономию новой "прогрессивной партии"». Глава думских прогрессистов ставил перед собой цель – положить конец «смешению» этой организации в сознании многих «то с партией к.-д., то с Торгово-промышленной». Он стремился показать принципиальную неприменимость «общепринятых ярлыков» к объединению особого типа, призванному на предстоявших парламентских выборах способствовать победе конституционалистов («как бы они ни назывались») над «представителями застоя и реакции» с тем, чтобы «сдвинуть Россию с мертвой точки безнадежного топтания на месте в атмосфере угодничества, карьеризма, растления нравов и развала всего правительственного механизма».

«Достигнуть объединения всех прогрессивных избирателей возможно только при беспартийном характере организации», – утверждал И.Н.Ефремов. «При ярком индивидуализме русских людей, отсутствии у нас законченной кристаллизации политических течений было бы неправильно замыкать их в тесные рамки строго определенных политических партий», – на новом этапе общественного движения он развивал мысль, дорогую идеологам либерального центризма «первого призыва», из когорты основателей ПДР.

И.Н.Ефремов подчеркивал, что, в отличие от партии, у нового объединения прогрессистов нет и не должно быть подробной программы, исповедуемой каждым членом организации как «символ веры». «У нее нет доктринерства, исключительности и нетерпимости, нет и строгой дисциплины, требующей безусловного подчинения велениям комитета. Все это только разъединяло бы и отталкивало в индифферентизм и воздержание от участия в выборах многих из тех, чье участие очень ценно, а иногда и необходимо для успеха прогрессистов на выборах, – разъяснял лидер прогрессистов. – Теперь необходима широкая терпимость к индивидуальным воззрениям и теоретическим мнениям отдельных лиц и партий, близких по целям. Когда вопрос идет не о проведении радикальных реформ, а о создании самых основ нового политического строя, нечего спрашивать о теоретических идеалах и отвлеченных мечтаниях возможных союзников. При таких условиях нельзя дробить силы, нужно делить избирателей только на две группы: сторонников старого абсолютизма, застоя и реакции, с одной стороны, а, с другой – сторонников правового конституционного государства и неуклонного движения вперед по пути свободного развития интеллектуальных и творческих сил русского народа».

Необходимость организации прогрессистов И.Н.Ефремов объяснял двумя основными причинами. Потребность в ней имелась у тех, кто не

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

хотел подвергаться «обезличиванию», превращаясь в «слепое орудие» партий, но в то же время желал объединиться с единомышленниками – людьми независимыми и беспартийными. Организация нужна была внепартийным прогрессистам и для того, чтобы входить в соглашения с существующими партийными организациями, пропагандировать необходимость проведения в Государственную думу от губерний общественных деятелей, заслуживших доверие на местах, однако не попавших в партийные списки.

Готовность организации прогрессистов к совместной деятельности с той или иной партией вовсе не означает вступления их в эту партию или слияния с нею, – особо оговаривал И.Н.Ефремов. «Объединяясь, прогрессисты должны остаться самостоятельными и независимыми от существующих партий, в этом – смысл и неперемное условие их объединения, – подчеркивал он, характеризуя как «глубокое заблуждение» мнение о «происшедшем будто бы слиянии или тождестве прогрессистов с к.-д. или Торгово-промышленной партией».

Отрицая возможность установления для новой организации жестких программных и организационных рамок, И.Н.Ефремов настаивал: «Нельзя предрешать теперь, как сложится организация прогрессистов в IV Государственной думе... Нельзя заранее выдумывать формы этой организации. Теперь надо заботиться только об одном – провести в Государственную думу и в Государственный совет возможно больше стойких, надежных и работоспособных людей, несомненных конституционалистов, независимо и даже вопреки их официальной партийной принадлежности».

«Нужно лишь единство цели» По словам И.Н.Ефремова, подобное понимание организации прогрессистов накладывало отпечаток на стиль отношений между ее «верхами» и «низами». Это – отсутствие диктата центральных органов, фактически автономный характер существования провинциальных отделов. «Нужно лишь возбудить энергию и инициативу местных общественных деятелей, – разъяснял он. – Никого и ничего нельзя навязывать из центра... Нужно лишь единство цели и единство отрицательного настроения по отношению к господствующей реакции с ее произволом и человеконенавистничеством. Но вместе с тем нужна полная свобода местных организаций в избрании путей и способов действий» [29, с.263–268].

Держа руку на пульсе общественных настроений, И.Н.Ефремов верно отразил тенденцию, наметившуюся в избирательном поведении и электоральных предпочтениях россиян. В сентябре–октябре 1912 г. прогрессисты демонстрировали усиление своих позиций в ряде регионов. Среди них – Область войска Донского, где особой активностью и успешностью отличались либералы-центристы Новочеркасска и Ростова-на-Дону. В полицейских донесениях отмечалось, что в Новочеркасске прогрессисты сумели завоевать «большинство симпатий общества» [4, л.41], несмотря на то, что до конца сентября ими «не было созвано ни одного официального собрания, и вся агитация их выражалась в издании газеты "Новочеркасская речь", а также собеседованиях вождей прогрессистов с населением в публичных учреждениях (мимоходом), и частных совещаниях между собою в ресторанах и гостиницах» [4, л.40].

Прогрессисты оказались в первых рядах участников предвыборного марафона и в Оренбургской губернии. Еще в июле 1912 г. они заключили предвыборное соглашение с местными кадетами [5, л.1]. В конце сентября начальник Оренбургского охранного отделения уверенно сообщал в Петербург, что «по первой курии пройдут только прогрессисты и октябристы» [5, л.24], а еще ранее он отмечал о преобладании прогрессистов по второй курии [5, л.7]. Кандидаты от прогрессистов (И.Д.Бродский, И.М.Расторгуев), оценивались как серьезные конкуренты «выдвиженцев» других политических сил. Примечательна характеристика упомянутых представителей прогрессистов. И.Д.Бродский – «кадет, в освободительную эпоху сильно помогавший эсерам и теперь примыкающий к левым кадетам», а И.М.Расторгуев «прикрывается беспартийностью, хотя в действительности с.-д.» [5, л.24].

«Группировка различных, прежде ярко очерченных партий, не ясна и спутана» [6, л.3–4], – эта особенность избирательной кампании в IV Думу в Пензенской губернии отмечалась и в других губерниях. Нередко прогрессивные избиратели не довольствовались известными «ярлыками» и, параллельно с местными прогрессистами (фактически в той же «нише»), создавали собственные предвыборные объединения²⁴.

²⁴ Так, в Самаре заявила о себе «Группа сторонников реальной законодательной работы». О серьезности намерений членов объединения свидетельствовала программа, опубликованная в газете «Голос Самары» (№198), а также выдвижение собственного кандидата в выборщики. Им стал П.Ф.Дурасов, непреходящий член Самарской губернской землеустроительной комиссии [7, л.16]. В обращении к населению, распространенном Группой через местную печать, говорилось: «Мы зовем с собою всех, кто верно предан Царю и родине, кто дорожит народным представительством, кто хочет, чтобы Государственная дума действительно работала плодотворно и спокойно, без всяких помех, чтобы насущнейшие реформы были осуществлены и поскорее проведены в жизнь, чтобы единая вели-

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

Рост избирательской активности прогрессистов, наблюдавшийся на выборах в III Думу, был заметным явлением и осенью 1912 г., накануне «старта» первой сессии нижней палаты очередного созыва. Тогда по всем избирательным куриям увеличилось число прогрессистских депутатов. Судя по всему, политически активные россияне, разочаровавшись в кадетам и октябристам, решил сделать ставку на либералов-центристов. Последним же оставалось оправдывать доверие соотечественников своей законодательной работой.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.102. Оп.116. 4-е дело-производство. 1907 г.). Д.133. Т.7 (Об Императорском Вольном экономическом обществе).
2. Там же. Ф.102. Оп.120. 4-е д-во. 1911 г. Д.146. Т.1 (О беспорядках в С.-Петербургских учебных заведениях, возникших в янв. 1911 г. на почве применения постановлений Совета министров от дек. 1910 г. и 4 янв. 1911 г.).
3. Там же. Ф.102. Оп.121. 4-е д-во. 1912 г. Д.130. Ч.42 («О предвыборной кампании в IV Гос. думу по Московской губ.»).
4. Там же. Ф.102. Оп.121. 4-е д-во. 1912 г. Д.130. Ч.45 («О предвыборной кампании в IV Гос. думу по Донской обл.»).
5. Там же. Ф.102. Оп.121. 4-е д-во. 1912 г. Д.130. Ч.47 («О предвыборной кампании в IV Гос. думу по Оренбургской губ.»).
6. Там же. Ф.102. Оп.121. 4-е д-во. 1912 г. Д.130. Ч.49 («О предвыборной кампании в IV Гос. думу по Пензенской губ.»).
7. Там же. Ф.102. Оп.121. 4-е д-во. 1912 г. Д.130. Ч.60 («О предвыборной кампании в IV Гос. думу по Самарской губ.»).
8. Там же. Ф.102. Оп.121. 4-е д-во. 1912 г. Д.143 (О первом Всероссийском съезде деятелей по мелкому кредиту и с.-х. кооперации).
9. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф.75 (Голицын В.М.). Д.30 (Дневник. 1910–1912 гг.).
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.40 (К.К.Арсеньев). Оп.1. Д.38 (Дневник. 4 янв. 1909 г. – 31 дек. 1911 г.).
11. Там же. Ф.40. Оп.1. Д.56 (Письма М.М.Ковалевского к К.К.Арсеньеву, 22 февр. – 9 апр. 1912 гг.).
12. Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России (ЦСПИ ГПИБ). Коллекция листовок. Кор. 22/16 (Студенч. движение. С.-Петербургский политехнический ин-т, 1902–1911 гг. О беспорядках в С.-Петерб. учеб. заведениях, возникших в янв. 1911 г.).
13. Бурьшкин П.А. Москва купеческая: Записки. М.: Современник, 1991. 299 с.
14. Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам / ред.-изд. В.П.Рябушинский. В 2-х кн. Кн.1. М.: [Б.и.], 1910. 302 с.; Кн.2. М.: [Б.и.], 1911. 368 с.

кая Россия крепла и росла, поднимая и упрочивая благосостояние всех слоев населения и чтобы в этих целях в Государственную думу от Самарского края были проведены лица, не принадлежащие ни к каким крайним организациям» [7, л.9].

15. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н.Казаковой; предисл. В.Шелохаева. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
16. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А.Аскольдова, Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, Е.Н.Трубецкого, В.Ф.Эрна и др. / сост., подготовка текста, вступ. ст. и коммент. В.И.Кейдана. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1997. 752 с.
17. Гуревич П.В. Максим Максимович Ковалевский: странички воспоминаний // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1971. №5. С.127–130.
18. Дегтярева Р.В. А.С.Посников и Политехнический институт // Посников Александр Сергеевич (1845–1922): материалы науч. семинара. 9 апр. 1996 г. / ред. и сост. И.А.Брюханова. СПб.: Нестор; ТОО «Афина», 1997. С.16–19.
19. Езерский Н.Ф. Кризис общественного сознания // Московский еженедельник. 1907. №42. 27 октября. С.50–56.
20. Езерский Н.Ф. Общественная летопись // Московский еженедельник. 1908. №3. 15 января. С.50–63.
21. Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века: Избранные статьи. М.: Принципиум, 2019. 704 с.
22. Илюхина Р.М., Сдвижков Д.А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. (становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. Сборник статей / отв. ред. Т.А.Павлова. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1997. С.179–201.
23. Ковалевский М.М. Итоги // Русские ведомости. 1911. №1. 1 января.
24. Ковалевский М.М. Необходимость общеобразовательных высших курсов. СПб.: тип. журн. «Строитель», 1911. 19 с.
25. Ковалевский М.М. О мерах борьбы с пьянством. [Речь, произнесенная на заключительном собрании первого Всероссийского съезда для изыскания средств борьбы с пьянством 6-го января] // Запросы жизни. 1910. №2. Стб.79–88.
26. Ковалевский М.М. П.Ф.Лесгафт // Памяти Петра Францевича Лесгафта. Сборник статей / под ред. Совета С.-Петербур. биол. лаборатории П.Ф.Лесгафта. СПб.: газ. «Школа и жизнь», 1912. С.201–204.
27. Ковалевский М.М. Право и насилие в аграрной реформе // Запросы жизни. 1910. №12. Стб.705–715.
28. Пайпс Р. Струве. Биография. В 2-х т. Т.2: Струве: правый либерал. 1905–1944. М.: Изд-во Моск. школы политич. исследований, 2001. 677 с.
29. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.В.Шелохаев; сост., авт. предисл., введ. и коммент. Н.Б.Хайлова. М.: Рос. политич. энцикл. (РОССПЭН), 2002. 528 с.
30. Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / отв.ред. В.В.Шелохаев. М.: Рос. политич. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 735 с.
31. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М.: Мосгорархив, 2002. 436 с.
32. Розенталь И.С. Москва на перепутье: власть и общество в 1905–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 255 с.
33. Русская буржуазия. (Домовладельцы, промышленники и купцы): Речь на предвыборном собрании 1 октября 1912 года прис. пов. А.А.Котлецова. М.: Типография П.П.Рябушинского, 1912. 31 с.

«ОБЩЕСТВО... ОБЯЗАНО ВЕРИТЬ ХОТЯ БЫ В СЕБЯ»

34. Санкт-Петербургский политехнический институт Императора Петра Великого. 1902–1952: Юбилейный сборник. В 2-х вып. / под ред. А.А.Стаховича, Е.А.Вечерина. Вып.2. Париж; Нью-Йорк: Изд. Объединения С.-Петерб. политехников, 1958. 216 с.
35. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энцикл. словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.
36. Струве П.Б. Великая Россия // Российские либералы: кадеты и октябристы. (Документы, воспоминания, публицистика) / сост. Д.Б.Павлов, В.В.Шелохаев. М.: Рос. политич. энцикл. (РОССПЭН), 1996. С.142–150.
37. Толстой И.И. Дневник. В 2-х т. Т.1. 1906–1909. СПб.: Лики России, 2010. 688 с.
38. Трубецкой Е.Н. Буран // Московский еженедельник. 1908. №2. 8 января. С.2–10.
39. Трубецкой Е.Н. «Вехи» и их критики // Московский еженедельник. 1909. №23. 13 июня. С.5–17.
40. Трубецкой Е.Н. Два зверя // Московский еженедельник. 1907. №22–23. 30 июня. С.3–12.
41. Трубецкой Е.Н. Кадеты и октябристы // Московский еженедельник. 1907. №30. 4 августа. С.4–11.
42. Трубецкой Е.Н. Министерство роспуска // Московский еженедельник. 1906. №18. 22 июля. С.4–6.
43. Трубецкой Е.Н. Не обозначенные на карте камни // Московский еженедельник. 1907. №35. 8 сентября. С.3–7.
44. Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 479 с.
45. [X.]. На распутье // Московский еженедельник. 1907. №29. 28 июля. С.11–17.
46. Хайлова Н.Б. Андрей Михайлович Рыкачев // Вопросы истории. 2011. №11. С.48–71.
47. Хайлова Н.Б. «Вам сердечно преданный...» (по страницам переписки Н.В.Давыдова и А.Ф.Кони) // Мастерство историка. Памяти доктора исторических наук И.С.Розенталя: Сборник статей и материалов / отв.ред. В.В.Шелохаев. М.: Политич. энцикл., 2019. С.242–263.
48. Хайлова Н.Б. Либерал-центрист К.К.Арсеньев: размышления по поводу 50-летия Великих реформ в России // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2011. №4 (33). Т.1. С.159–162.
49. Хайлова Н.Б. Пятидесятилетие судебной реформы 1864 года в России: взгляд либералов-центристов начала XX века // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2014. №7(60). С.49–53.

Наши авторы

Синдеев Алексей Александрович

доктор исторических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник РАН Института Европы

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН и Архива РАН,
доцент Саратовского государственного технического
университета имени Ю.А.Гагарина, приглашенный профессор
Высшей экономической школы в Праге

Матвеев Сергей Алексеевич

Студент-магистр, факультет архивных дел РГГУ

Мельникова Любовь Владимировна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, доцент,
профессор Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра истории международных
отношений Института всеобщей истории РАН

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра «История России XIX – начала XX в.»,
Институт российской истории Российской академии наук

Our authors

Sindeev Aleksey Aleksandrovich

D.Sci., in History, Professor of Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher, Institute of Europe,

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D. in History, Associate Professor, Senior Researcher
in the Institute of World History of the Russian Academy
of Sciences and the Archive of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor in the Yu.A.Gagarin Saratov State Technical
University, Visiting Professor in the Higher School of Economics
in The University of Economics, Prague

Matveev Sergei Alekseevich

student-magistr, Department of Archival Affairs,
Russian State University for the Humanities Department of Archival
Affairs Russian State University for the Humanities

Mel'nikova Lyubov Vladimirovna

Ph.D. in History, Leading Researcher;
The Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Centre for the History of Religion and Church

Ivanov Andrey Aleksandrovich

D.Sci., in History, Professor, Institute of History,
St. Petersburg State University (Russia)

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D., in History, Senior Researcher at the Center for the History
of international relations of the Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., in History, Associate Professor, a Senior Researcher at the
Center "History of Russia in XIX–early twentieth century", FGBUN
Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2020.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 05.09.2020. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

4.2020 july-august

European Parallels

Aleksey Sindeev

The Origins of the European Security:
German Foreign Policy Strategy
and the Moscow Treaty of 1970 _____ **6**

Russia in the World

Mikhail Kovalev

“For the Consolidation of Peace and Friendship”:
Archival Materials on the International Activities of
Academician A.M.Rumyantsev (the end) _____ **24**

Sergey Matveev

“He did not try to paint our historical past
with a broad brush of the prejudice...”
Scientific Heritage of B.A.Evreinov
in the Context of the Development
of Russian Historical Science _____ **46**

Pages of History

Lyubov Mel'nikova

Russian-Turkish War of 1877–1878
in the Perception of Chaplains _____ 70

Andrey Ivanov

The Right-Wing Political Parties
of the Russian Empire:
Debatable Issues
of the Modern Historiography _____ 102

Labels and Myths

Ol'ga Zaichenko

German and Russian Cinema
in Exile. Part I.
Gone by the Wind _____ 128

Topical Archive

Nina Khailova

“If society has ceased to believe both
in the authorities and in the revolution,
then it is obliged to believe
at least in itself”:
The Centrist Liberals in 1907–1914 __ 154

РОССИЯ XXI